

Юрий Селиванов

ДЕРЕВО ЖИЗНИ

Новелла

г. Минеральные Воды

2014

ББК

Ю. Селиванов
Дерево жизни. Повесть –
г. Минеральные Воды. 2014, с. 144.

ISBN-

© Ю. Селиванов
2014

ДЕРЕВО ЖИЗНИ

1

Уже к середине лета степь выгорала и становилась серовато-желтой от выцветшей высушенной солнцем травы и пыли, которую не смывали даже редкие дожди. Приезжему эта местность могла бы показаться скучной и однообразной. Иногда среди степи встречались небольшие ельники и березняки с искривленными от постоянно дующих ветров стволами; пологие, покрытые весной зеленой травой редкие холмы и возвышенности, похожие на древние курганы, вносили элемент разнообразия в угрюмый ландшафт; в низинах прятались небольшие озера, поросшие по берегам камышом и кустарником.

Ракетная дивизия войск стратегического назначения стояла в нескольких километрах от небольшого тихого провинциального городка на Южном Урале. В этой дивизии уже много лет служили два друга, два капитана: Игорь Пилипенко был родом с Кубани, а его друг Виктор Долгов – из засушливых, выжженных зноем ставропольских степей.

До училища они не были знакомы. Когда детство миновало и пришла пора выбирать себе дорогу в жизни, их случайно свела судьба, надев на того и на другого курсантскую форму. Они подружились, то ли оттого, что было у них что-то общее, а может, наоборот, потому, что они по-разному воспринимали этот мир и этим дополняли друг друга.

Разделенный надвое железной дорогой небольшой городок, куда друзья прибыли для прохождения службы, ничего особенного из себя не представлял. В нем не было никаких достопримечательностей: музеев, памятников, старинных зданий, купеческих деревянных домов с резными фасадами. Два ресторана, железнодорожный вокзал, Дворец культуры и городской стадион «Труд» – на этом список культурных и спортивных учреждений города заканчивался. Собственно, сама ракетная дивизия стояла не в городе, а километрах в трех от него, там же, рядом с дивизией, приютился и военный городок, похожий чем-то на феодальный поселок. В

нем было все свое: школа, больница, детский сад, торговый центр, клуб и даже спортивный комплекс с плавательным бассейном. Молодым офицерам и их женам в городке жилось немного скучновато. Можно было, правда, сходить в спорткомплекс – поиграть в волейбол или поплавать в бассейне. В клубе каждый день вечером крутили кино, а по выходным устраивались молодежные дискотеки. Но ведь в бассейн и спортзал в хорошем платье и туфлях на каблуках не пойдешь, а на дискотеку, в основном, бегали школьники и неженатая молодежь. Совсем другое дело вечеринки. Это была, пожалуй, единственная возможность у офицерских жен оторваться от семейных забот, как-то расслабиться, похвастаться обновкой, пококетничать и потанцевать с другими мужчинами, поболтать с подружками о своих женских делах под сигаретку, нарезая на кухне разнообразные салаты. Обычно сидели долго, расходились неохотно, как правило, за полночь, когда выпивка, наконец, заканчивалась. Долгов на вечеринках ничем не выделялся: выпивал умеренно, танцевал мало и с «умными» разговорами не лез, как некоторые. У него была другая забота – приходилось сдерживать своего чересчур влюбчивого друга. Когда Пилипенко перебирал лишнего, а такое с ним случалось не редко, он имел привычку прилюдно ухлестывать за представительницами противоположного пола. Подавляющее большинство этих женщин были, естественно, замужем. Ничего лишнего, правда, он себе не позволял – хохмил, рассказывая пикантные анекдоты дамам, шутливо заигрывал, приглашал танцевать, рассыпал комплименты налево и направо. Но бывало, что Игорь терял над собой контроль и выходил за рамки дозволенного, балансируя уже на грани конфликта. Тогда Долгов деликатно вмешивался, находил повод, чтобы увести Пилипенко с глаз долой – в соседнюю комнату или на балкон. Мужья успокаивались, и они, выждав время, возвращались, садились снова за стол, продолжая веселиться. Когда народ начинал расходиться, Пилипенко позволял себе при расставании, уже на улице, целовать дамам ручки. Это была его «коронка». По таким пустяковым поводам никто сцен ревности не устраивал – мужья понимали, выпил человек, расчувствовался, с кем ни бывает. К тому же дамы такие галантные поступки с его стороны одобряли и всячески поощряли. Исключени-

ем была жена Пилипенко Верочка. На людях она, улыбаясь, делала вид, что тоже умиляется гусарским замашкам своего супруга, дома же не скрывала своего недовольства и на робкие приставания подвыпившего мужа, реагировала довольно бурно.

– Иди к тем, кому ручки целуешь, – говорила она, – они тебя примут.

Верочка обиженно отворачивалась к стенке и не подпускала к себе мужа по несколько дней. Пилипенко иногда делился своими личными проблемами с Долговым. Тот посмеивался над другом, считая все это пустяками.

– Не обращай внимания, – говорил он. – Просто она тебя любит и поэтому ревнует.

– Да, но мне ведь от этого не легче, – жаловался Пилипенко. – Я, между прочим, уже неделю на раскладушке сплю. Меня на кухню выселили.

– А ты на чужих жен не заглядывайся, и все будет хорошо, – советовал ему Долгов. – Нужно свои эмоции контролировать.

Пилипенко всерьез эти замечания не принимал.

– Ты для женщин – потерянный человек, – говорил он Долгову. – Вцепился в свою Дашу и никого вокруг не замечаешь. А я так не могу. Мне в личной жизни разнообразие нужно!

Свое свободное время друзья часто проводили вместе. Их можно было увидеть в плавательном бассейне, в спортзале, в очереди за пивом, ну и, конечно, за праздничным столом, во время проведения «культурных» мероприятий, как называл их Пилипенко, который частенько опаздывал из-за жены – она всегда слишком долго собиралась.

Иногда сослуживцы над ними подтрунивали, по-доброму, без злобы, ради веселья. Увидят, к примеру, Долгова с женой и спрашивают:

– Почему одни? Непорядок! А где же Пилипенко и его супруга? Мы им обоим выговор по партийной линии объявим! Кхе-кхе! Будут знать, как к столу опаздывать.

– На подходе, – обычно отшучивался не очень разговорчивый Долгов, – меняет костюм для верховой езды на фрак.

Игорь Пилипенко слыл в части лихим парнем и удачливым командиром. Служба ему давалась легко, нареканий со

стороны начальства не было, семейный быт был налажен, жена трудоустроена, перспективы карьерного роста понемногу вырисовывались. Коренастый, плотный, с серыми, близко посаженными глазами и черными, как смоль, немного волнистыми волосами, он был всегда на виду. Форма на нем сидела красиво, плотно облекая его ладную спортивную фигуру. Черные аккуратно подстриженные усы придавали ему солидности. На него частенько заглядывались не только немногочисленные незамужние дочери старших офицеров, но и их мамыши, пряча свои заинтересованные взгляды за широкие казенные спины мужей. Игорь эти взгляды видел, ему нравилось быть объектом женского обожания. Иногда, в тайне от жены, он этой женской благосклонностью пользовался, не обходя своим вниманием как молоденьких дочек, так и более опытных и поднаторевших в древнем, как мир, искусстве любви мамаш. С мамашами было проще, да и для дела полезнее. Как-никак мужья-то в чинах и при должностях! Верочка догадывалась о похождениях мужа, ревновала его, выслеживала, но с поличным ни разу не поймала. Скандалы в доме по этому поводу были обычным явлением. Доказательства ей были не нужны – она интуитивно чувствовала, что муж ей изменяет. С появлением в их семье ребенка ничего принципиально не изменилось.

– Я тебе испорчу анкету, – грозила она мужу. – К комдиву на прием пойду! Ты у меня попляшешь! Ты у меня дошлаешься, Пилипенко! Партбилет на стол положишь!

Вера злилась, отчаявшись что-то изменить, выпускала наружу накопившиеся эмоции – сдерживать их она уже не могла. Пилипенко не ругался, реагировал на нервные выпады жены спокойно и сдержанно. Виноватым он себя не считал и угрызениями совести не мучился.

– Верунчик! – говорил он, стараясь усыпить бдительность жены красивыми словами. – Ты же знаешь, как я тебя люблю. Зачем мне кто-то, дурочка!?

Характер жены он понял давно и знал точно – никуда она не пойдет, только пугает. Главным для нее было – выговориться. Она бросала ему в лицо обвинения, разговаривая на повышенных тонах, и, не встречая с его стороны серьезного сопротивления, постепенно остывала. Несколько дней потом

она с ним не разговаривала – дулась. Тогда, чтобы подлизаться, Пилипенко покупал ей какую-нибудь безделицу: бусы, брошку, сережки и делал вид, что сожалеет о случившемся и переживает.

– Солнышко, – говорил он ей, присаживаясь рядом. – Ну не сердись. Да, пришел вчера поздно, каюсь. Засиделись с ребятами, выпили немного. Чисто мужская компания. Ну что мне сделать, чтобы ты меня простила? Что, скажи! Я понимаю, ты устала, вертишься целый день, как белка в колесе. Тебе встряхнуться нужно, отдохнуть. Вот скоро лето. Возьмем дочку и рванем на юг.

Верочка обычно в такой ситуации молчала, отворачивалась от мужа, всем своим видом показывая, что она сильно обижена.

– А я тебе что-то купил! – Игорь загадочно улыбался и лез в карман за подарком. – Ну, будем смотреть?

Верочка дуться долго не могла, а подарки она, действительно, любила.

– Ну, показывай, ладно, что ты там принес, подлиза? – сменяя гнев на милость, смягчалась Верочка. – Но имей в виду, Пилипенко, разговор не окончен, – и она грозила ему своим маленьким изящным кулачком.

Так было первые несколько лет их совместной жизни, потом видя, что переменить характер мужа она не в силах, Верочка постепенно свыклась с этим неприятным для нее обстоятельством. Со временем она перестала скандалить и устраивать сцены. Пилипенко сначала удивлялся таким переменам в поведении жены. Он даже подумал, не завела ли она себе, часом, кого-нибудь на стороне. Потом махнул на все рукой и решил голову этим не забивать. Скандалов нет, живут нормально – чего еще нужно?

Пилипенко часто беседовал на семейные темы с Долговым, мнения их, как правило, расходились.

– У женщин тонкая психология, – говорил Долгов, – ее учитывать нужно, а ты все упрощаешь, сводишь к какой-то бытовухе.

Игорь с ним был не согласен.

– Какая, к черту, психология, – отвечал он, – они же все одинаковые, Витя! Только формы разные, – он изображал

руками в воздухе женскую фигуру. – Им не так уж много и надо, если разобраться: муж, ребенок, квартира, работа непьющая, чтоб со скуки дома не умереть, ну, шмотки, естественно, со временем машина. Вот же оно, женское счастье!

Может, чисто внешне все в его семье так и складывалось, как представлял себе Пилипенко, но его супруга на этот счет придерживалась несколько иного мнения. Верочка дала ему определенную свободу не случайно, она понимала, что таким образом развязывает руки и себе.

– Мужики, они примитивно устроены, – рассуждала она, – только за порог, уже хвост колечком и давай на чужих жен глазеть. А те, дуры, и рады, как же, мужчина внимание обратил, коленки свои сразу на показ выставляют, глазки строят и про подружек сплетни распускают, что было и чего не было. А почему? Да просто по-бабьи чужому счастью завидуют, вот и все!

Так она рассуждала, но за мужем все равно присматривала и далеко от себя не отпускала, чтобы никто не увел ненароком. После выхода Верочки из декрета Игорь устроил ее на работу в штаб дивизии в секретный отдел, ей присвоили звание прапорщика, и она стала так же, как и муж, военнослужащей. Форма ей шла, и сослуживцы, останавливая на ней свои сальные взгляды, говорили ей всевозможные комплименты, намекая на то, что не прочь завязать и более тесное знакомство. Со временем, освоившись на новом месте, она и сама стала поглядывать по сторонам.

– Почему ему можно волочиться за женщинами, а мне принимать ухаживания мужчин нельзя? – размышляла она. – Не рабыня же я его, а живой человек, и у меня могут быть маленькие секреты.

Свои женские дела Верочка всегда умело и тщательно маскировала. Был у нее один высокий покровитель, подполковник, начальник секретной части дивизии, высокий красивый мужчина с седыми висками и бархатным, как у певца, голосом. Он любил работать по вечерам, иногда и Верочка специально задерживалась на работе, чтобы остаться с ним наедине. Они запирались в его кабинете, и подполковник рассказывал ей о своей жизни, о том, где служил до этого, что видел; не менее красноречиво он молчал, глядя на Верочку, сидевшую рядом с ним на большом кожаном диване. Они

пили коньяк, который подполковник всегда наливал в маленькие пузатые рюмочки. Когда он обнимал ее, у Верочки по телу начинали бегать мурашки; она боялась его, но не как своего начальника, а иначе – как женщина боится мужчину. Это придавало их отношениям остроту. Этот человек обладал серьезной властью и был наделен каким-то особенным мужским обаянием. Рядом с ним она чувствовала себя слабой женщиной. Он смотрел на нее пристально, словно изучая ее, стараясь понять для себя, что таится в этой непонятной для него женской душе. Верочка не выдерживала этого взгляда – отводила глаза в сторону. Он никогда не лез к ней с расспросами, не вызывал на откровенность и всегда делал для нее все, что она просила. Ему это было нетрудно. О своей семье подполковник с Верочкой никогда не разговаривал, на жену не жаловался, и с самых первых встреч с ним она поняла, что эта тема запретная и обсуждению не подлежит. Встречались они нечасто из опасения вызвать подозрение у своих домашних. Мужа она, несмотря на свою связь с подполковником, не забывала – семья есть семья, за домом следила – старалась. Все выглядело очень пристойно: квартира убрана, еда приготовлена, муж ухожен.

Пилипенко в суть происходившего в его семье глубоко не вникал, свои донжуанские наклонности не сдерживал, а если предоставлялся удобный случай сходить налево, то не упускал его.

С детства он отличался завидным упорством, всегда знал четко, чего хотел, и добивался желаемого всеми доступными средствами, даже если это была самая обыкновенная блажь.

Когда Игорь закончил девятый класс, в станице пошла мода водить голубей. Многие его сверстники уже держали голубятни, и Игорь не хотел оставаться от них в стороне.

– Как же так, – думал он. – Чем я хуже других? У всех есть, а у меня нет. – Его честолюбие было задето.

Породистые голуби стоили недешево. У отца просить денег было бесполезно – все равно бы не дал, и поэтому, когда наступили летние каникулы, Игорь пошел работать в колхоз – отец устроил. Работал он с удовольствием, зная, что деньги сможет потратить по своему усмотрению, на голубей и магнитофон.

Мать по этому поводу, правда, как-то заикнулась.

– Куда ему столько? – сказала она отцу. – Шутка ли, триста рублей!

Отец урезонил ее.

– Пусть тратит, куда хочет. Охоту работать отбивать не дам. – И добавил, глядя на мать. – На то они и деньги, чтобы их тратить, а не в кубышку складывать.

Мать успокоилась – у них в семье последнее слово было всегда за отцом.

За магнитофоном и голубями Игорь поехал в город, а чтобы не было скучно, взял с собой за компанию одноклассника Жорку. Погода стояла теплая, дождей давно не было, на пирамидальных тополях вдоль дорог, несмотря на август, уже были заметны предвестники приближающейся осени – свернувшиеся от жары редкие желтые листья. Приятели зашли в магазин «Культтовары» и купили там четырехдорожечный магнитофон «Маяк».

– И запасную пленку, – посоветовал Жорка. – Пригодится.

Игорь, подумав немного, кивнул головой.

– Давайте! – сказал он продавцу.

– А вам какую, молодой человек? Пятисотку или триста семьдесят пять метров? – спросила симпатичная молоденькая девушка-продавец.

– Пятисотку, – уверенно сказал Игорь. Вид у него был деловой.

– Мне нужно еще в ателье зайти, – вспомнил Игорь, когда они вышли из магазина. – Хочу брюки заказать клешонные.

– Только карманы делай не спереди, накладные, а сбоку, – посоветовал Жорик. – Спереди уже не модно.

В ателье с Игоря сняли мерку и выписали квитанцию.

– Приедешь через две недели, – сказал закройщик. На шее у него висел метр, очки были сдвинуты на лоб.

– А почему так долго? – огорчился Игорь.

– Очередь, – вздохнул, разведя руками, мастер. – Богато жить стали – все хотят хорошо и модно одеваться.

Потом они зашли в галантерею, и Игорь купил для матери фарфоровую брошь.

– Как тебе? – поинтересовался он у Жорки.

Тот с видом знатока покрутил брошку в руках.

– Годится, – вынес он свой вердикт, а, возвращая, добавил, – я своей мамке тоже такую куплю на Восьмое марта.

Оставшиеся деньги Игорь потратил на голубей: две пары сизых малonosых из породы бьющих, пару белых николаевских – они очень высоко летали, уходя в хорошую погоду в точку, и еще пару черноплечих с белыми бантиками на груди. На большее денег не хватило. Голубей посадили в большую хозяйственную сумку с молнией.

– Ты дырочку оставь, – советовал Жорка, – а то задохнут-ся, и накроются твои денежки.

На корм для голубей не нужно было тратиться – мешки с пшеницей и кукурузой стояли дома в старом саманном сарае. Деревянную голубятню помог сделать отец. Рядом с ней они вкопали длинное пятиметровое бревно с прибитой наверху крестовиной, чтобы голубям было куда садиться. Отцу новое увлечение сына не нравилось. Он считал это блажью.

– Вбил себе в голову дурь, – ворчал отец, строгаая рубанком под навесом доски для голубятни. – Хочу и все! Вот уж твердолобый уродился! Хоть кол на голове теши.

Он больше боялся не за то, что, с его точки зрения, сын нашел себе пустое занятие – это было бы полбеды. Среди голубятников часто и густо встречались урки. Украсть голубей у соседа не считалось у них зазорным. На жиганском языке это называлось «забрать». Брали не всех подряд, а лишь тех голубей, что были попородистее, а значит, подороже. Работали обычно группой. Самого неопытного ставили на «атасе»; остальные в темноте фомками ломали замки на голубятне и бросали птиц в мешок. День-два отсиживались в укромном месте, выжидали, потом по-тихому везли краденое в город и продавали знакомым барыгам. Сажали за такие дела редко. В милицию, как правило, никто из пострадавших не обращался, искали сами, и если находили воров, то разбирались с ними жестко и безжалостно, учили по-казацки – нагайкой или оглоблей. Отец опасался, чтобы Игорь не связался со шпаной и не сел по глупости, как многие его сверстники.

Их дом стоял почти на околице, на пригорке, возвышаясь над остальными домами. Зимой, когда выпадал снег, Игорь, возвращаясь из школы, видел издалека, как над белой кры-

шей дома вьется сизый дым. Здесь же, в станице, родились его отец и мать. Детьми пережили войну и оккупацию. С малолетства приученные зарабатывать себе на хлеб собственным трудом, без выходных и праздников год за годом трудились они на своей земле. Мысли о том, чтобы уехать куда-нибудь, поискать лучшую долю, как это делали другие, у родителей никогда не возникало.

– Где родился, там и пригодился, – любила повторять мать. – Нам без земли нельзя!

После окончания семилетки, как и все, работали в колхозе. Жили дружно, но небогато. Какое уж там богатство – свести бы концы с концами, чтобы еда в доме была, да на одежду денег хватало. Хотелось и в клуб сходить, кино новое посмотреть, и в район съездить, по магазинам побегать. С одеждой было плохо, гардероб у всех один – кирзачи да фуфайка. А ведь молодые были, и одеться красиво хотелось, и погулять. Встречались долго, почти три года, потом сыграли комсомольскую свадьбу, а через год сын родился, наследник. В начале шестидесятых наступили перемены: зарплату в колхозе стали выплачивать деньгами, а не записывать трудодни, люди немного отдышались, начали потихоньку строиться, обзаводиться бытовой техникой. По старинке соседей и родню приглашали, хвалились дорогой покупкой, потом, как водится, обмывали, чтоб работало все хорошо и надежно. Каждая покупка превращалась в праздник! Радовались люди. А что они хорошего видели в своей жизни – нищету сиротскую послевоенную с голодом и разрухой, немцев, жрущих прямо из банок тушенку с кашей и со смехом бросавших голодным детям на землю объедки, да работу от рассвета до заката? Закончилась война. Прошло голодное время. Жить стало легче, сытнее. Деньжата у людей завелись, на стенах в домах колхозников все чаще стали появляться дорогие, из чистой шерсти, ковры, а в буфетах – дефицитный хрусталь.

Родители одевали Игоря хорошо, но не модно. Они были людьми несовременными и считали, что мода – дело наживное и никуда от него не денется. Главное, чтобы ребенок был сыт, одет, обут, учился без двоек. Игорю хорошо было в родительском доме – уютно и спокойно.

Семья ни в чем не нуждалась, овощи и фрукты были с собственного огорода, погреб был забит до отказа всевозможными соленьями и вареньями, мясо тоже не покупали, обходились своим – когда уточку или курочку зарежут, а когда кролика забьют. Ну, а к Новому году всегда резали поросенка. Отец для этого звал двоюродного брата. Они разделявали тушу, предварительно обсмолив ее соломой. После того, как работа была закончена, садились за стол. Мать жарила на сковородке мясо, ставила на стол соленья: квашеную капусту, красные аппетитные помидоры, согнутые полумесяцем огурцы, моченые баклажаны, яблоки, пикули и прочие станичные разносолы. Пили самогон, который отец гнал для себя и для гостей.

В десятом классе Игорь задумался над тем, какую профессию ему выбрать. Никакого определенного плана, как строить свою дальнейшую жизнь, у него не было. Заботы добавлял отец.

– Тебе, сынок, учиться нужно, – говорил он, – и, обязательно, на инженера. О деньгах не думай, мы с матерью еще не старые, здоровьем не обиженные, выучим. Главное, чтобы ты в люди вышел.

Отец, всю жизнь проработавший механизатором и шофером, мечтал о том, чтобы сын выучился, вернулся домой и занял в колхозе хоть какую-нибудь, как он выражался, «начальственную должность». Дело было здесь, конечно, не столько в деньгах, сколько в почете и уважении. Люди в станице жили в отношении достатка более или менее ровно, хоть были и такие, кто жил покучерявее, чем другие, побогаче. Зажиточными считались те немногие, у которых были большие кирпичные дома, крытые оцинкованным железом, теплица своя в огороде, а в гараже новенькие, сверкающие, как пасхальное яичко, «Жигули». Это могло позволить себе только местное начальство: председатель, парторг, главный агроном, да еще бригадиры – хоть и на ровном месте, но тоже, как говорится, шишки. На свои-то шиши, на «кровные», честно заработанные, «жигуленка» не купишь, хоть из шкуры вылези, тут нужны были иные доходы.

Отец говорил с прицелом – наладить Игоря в сельхозинститут на факультет механизации.

– Закончит институт, главным механиком колхоза станет, – рассуждал он, – а там и до председательского кресла рукой подать.

Отцу было приятно думать о том, что его сын может со временем сменить местного председателя, который был чужаком, назначенным сверху, попросту говоря, блатным. По этой причине его станичники не любили. Председатель ездил по полям на колхозном УАЗе, а дома в гараже стояла новая бежевая «Волга», машина дорогая и престижная. У родителей Игоря ни «Волги», ни заветных «Жигулей» не было. Под шиферным огромным, на полдвора, навесом стоял купленный в городе и сверкающий голубой краской такой необходимый в любом доме мотоцикл с коляской со звучным и красивым названием «Урал». Отец ездил на нем на работу, мотался с матерью в район – там они продавали на рынке забитых кроликов и кур и делали необходимые покупки. Иногда после работы он выезжал на колхозные поля и привозил то мешок люцерны для кроликов, то копну сушеного сена, сложив его на люльке, то молодую белую кукурузу. Так все жили. Воровством это у станичников не считалось, вроде, как сами у себя брали. Начальство до поры до времени закрывало на это глаза. Главное было – не попадаться.

– Брать нужно днем, – напутствовал отец Игоря, который иногда помогал ему в этих сомнительных мероприятиях, – потому что днем мы, брат, с тобой берем, а ночью, соответственно, воруем. Чуешь разницу? Вот так-то. Учись, пока я живой. – Отец хитро прищурился и тогда в уголках его светлых глаз обозначались выдававшие его возраст морщинки. – Добро-то народное, общее, чего нам скрывать? От кого? Люди свои, советские, всегда поймут, ежели что. Отломил кусок от общего каравая, глядишь, и не убудет сильно, если, конечно, не шкурничать и по совести брать, чтобы и другим что-то осталось.

Отец не шкурничал, брал по совести, немного. Из кузова грузовика он ведром насыпал в люльку пшеницы или семечек под самый верх, разравнивал зерно ладонью, не торопясь, застегивал на ней чехол и вез добычу домой. Это были запасы на зиму – чтобы было чем кормить скотину.

– Зима все съест, – говорил он.

Когда южное солнце высушивало землю, делало ее желтой от пожухлой свернувшейся травы, на колхозной бахче созревали арбузы. Отец успевал и здесь, за несколько рейсов забивая полосатыми «кавунами» небольшой сарайчик. Арбузы ели несколько недель, а когда они начинали портиться, скармливали их свиньям. Отец в колхозе числился в передовиках, жил в ладах с начальством и неплохо зарабатывал, особенно в страдную пору, когда убирали хлеб. Механизаторы тогда сутками пропадали в поле. Он часто брал с собой на комбайн и сына. Игорю нравилось работать с отцом. Поле было залито солнцем, то и дело подъезжали грузовые машины с наставленными бортами, и из комбайна золотистым потоком в кузов текло зерно. Потом машины уезжали на колхозный ток, поднимая за собой клубы серой пыли. Раскаленный летним зноем комбайн дышал жаром. Игорь хорошо помнил запыленное, усталое, но счастливое лицо отца.

Мать всю жизнь проработала дояркой на ферме. Вставала затемно, кормила скотину, готовила еду и шла на работу.

Станица, где они жили, была большой, вытянувшейся вдоль дороги до самого лимана, с характерной для старинных кубанских станиц большой каменной церковью в центре. Старая церковь выглядела заброшенной и забытой – белая штукатурка над входом от времени осыпалась, обнажив ряды ровного желтого кирпича, разоренные окна чернели, словно пустые глазницы, медь с обезглавленных куполов была давно снята. На станичных улицах вдоль заборов кое-где еще сидели сухие поджарые старики в шароварах и синих с красными околышками фуражках.

Бесконечные хлебные поля, которым, казалось, не было ни конца, ни края, уходили за горизонт, разрезаемые с севера на юг тонкими зелеными нитями лесополос.

Игорю приходилось ходить в школу километра за два. Когда наступала пора осенней распутицы, мать доставала ему из кладовки высокие кирзовые сапоги, подбитые рачительной отцовской рукой железными подковками. В осеннюю пору в станице без сапог было не обойтись. Игорь обувал их и шел через всю станицу в двухэтажную школу, чавкая сапогами по черному, жирному, раскисшему от осенних дождей чернозему.

Возле школы стояли сколоченные из сосновых досок деревянные корыта с водой. Игорь мыл тряпкой грязные сапоги, потом заходил в школьный коридор, переобувался в кеды, которые приносил с собой в специальной, сшитой матерью, полотняной сумочке, а сапоги ставил сушиться к покрытой синей казенной краской чугунной батарее. Учась в школе, Пилипенко, как и многие его сверстники, больше всего любил физкультуру и часами пропадал в спортзале. Он хорошо играл в футбол и волейбол, подтягивался пятнадцать раз на перекладине и был чемпионом школы в беге на сто и двести метров. Рос он самостоятельным норовистым малым, по малейшему поводу лез в драку, не желая никому уступать, но учился неплохо. Вопреки опасениям отца, со шпаной сын не связался. Мать Игорь любил, отца уважал и немного побаивался. Попытки отца привить сыну любовь к земле и крестьянскому труду натыкались на непонимание с его стороны.

– Я всю жизнь в навозе возиться не хочу, – говорил Игорь. – Хочу в городе жить, чтоб у меня квартира была, машина, как у нашего председателя, красивая образованная жена и чтобы я жил безо всего вот этого. – Он показывал рукой на огромный приусадебный участок, на котором помимо фруктовых деревьев в изобилии росли на многочисленных ухоженных грядках помидоры, огурцы, болгарский и горький перец с тонкими острыми листьями, толстые пузатые кабачки, картошка и много прочего, нужного в любом крестьянском хозяйстве. В самом конце огорода, который спускался к небольшому пруду, бродили утки, переваливаясь с одной ноги на другую, мирно побрякивая.

Отец, работая на приусадебном участке, старался чаще привлекать и сына, чтобы потом, когда придет старость, было на кого оставить хозяйство. Игорь подрастал, мужал, в нем уже сейчас чувствовались мужицкая хватка и сила, и отцу хотелось, чтобы он остался работать на земле, а не сбегал в город, как это уже сделали многие. К тому же, отец, который сел за руль автомобиля в пятнадцать лет, не хотел, чтобы сын вырос лодырем и белоручкой. Игорь помогал отцу с неохотой, но от работы никогда не отлынивал. Сделав все, что ему велели, он при первой возможности сбегал куда-нибудь с глаз подальше, чтобы, как он выражался, «предок не

припахал». Не лежала у него душа к земле, и в станице, судя по его рассуждениям, он оставаться не собирался.

– Что я дурнее других, – говорил он отцу, – сам свою шею под хомут подставлять? Как-нибудь обойдусь без вашей грязи и навоза.

– А ты на других, сынок, не пеняй, не надо, – отец клал свою тяжелую жилистую руку ему на плечо. – Это последнее дело – пенять на других. У других, сынок, своя жизнь, а у нас – своя, колхозная. Может, не шибко красивая, не броская, зато надежная, основательная, а главное простая и честная. Ведь судьба человека, как дерево, криво посадишь – криво и вырастет, потом не поправишь. Сколько народу сейчас по стране колесит – красивую и легкую жизнь ищут, только вряд ли найдут.

– В городе, вон, в любом магазине продуктов полно, – продолжал гнуть свою линию Игорь. – Можно не готовить, а в кафе ходить обедать. Пришел, заказал, что душе угодно, поел культурно, и посуду мыть не надо. Кум королю и сват министру! Сел на трамвай и поехал в театр или на футбол. Кругом асфальт, газированной водой летом торгуют, девушки на каблуках ходят. А тут, пока до дому доплетешься в сапогах, по уши в этой грязи будешь. Надоело. Я хочу, батя, поближе к цивилизации перебраться.

Отцу такие разговоры не нравились, но что возразить сыну, он не знал.

– Жизнь идет, что-то в ней меняется, – размышлял он. – Может, у него, действительно, своя дорога, зачем ему, как нам с матерью, весь век в земле ковыряться, за две сотни в месяц спину гнуть в поле и на комбайне. Сюда вернуться, к курам, гусям и коровам, он всегда успеет. Пусть сам решает, голова у него, вроде, на плечах есть, да и характер имеется.

Вслух он этого, конечно, не говорил, осторожничал, держал свои мысли при себе.

После окончания десятилетки Игорь, долго не раздумывая, взял паспорт, аттестат, прошел медкомиссию в районной поликлинике и поехал в краевой центр в военное училище подавать документы. С родителями по этому вопросу он не советовался, просто поставил их перед фактом.

– Хочу быть военным, – сказал он коротко.

Отец спорить с ним не стал.

– Ну, военным так военным, – сказал он. Особой радости это известие у него не вызвало. – Тебе жить, сынок. Сам и решай.

Больше они эту тему не обсуждали. Экзамены Игорь сдал успешно и был зачислен курсантом в первый взвод.

2

С небольшого холма на берегу реки открывался красивый вид на село. На юге белели едва заметные контуры далеких заснеженных хребтов, оранжевое солнце разбрасывало вокруг себя слабеющие лучи и было готово вот-вот спрятаться за серый плотный занавес убегающих на запад облаков. Повесенному теплый вечерний ветерок нежно, словно боясь потревожить, шевелил кроны серебристых тополей. Высоко в небе наперерез ветру летела стая диких голубей, стремительно разрезая сырой воздух острыми крыльями.

Витька запрокинул голову и долго смотрел на улетающую вслед за заходящим солнцем голубиную стаю. Его высокая худощавая фигура в синей ветровке выделялась на фоне затянутого облаками серого неба. Он видел с высоты холма, как очертания домов и деревьев становятся более контрастными и четкими, как уходит день, постепенно уступая место надвигающимся сумеркам. Село, где он рос, расположилось в живописном месте – здесь до этого ровная поверхность земли сменялась причудливыми волнами холмов, покрытых скудной степной растительностью. Местность, разделенная широкими балками, была похожа на огромную стиральную доску, наклоненную с севера на юг. Узкой лентой ее пересекала гладкая, блестящая на солнце автомагистраль, которая то пряталась в низины, то снова появлялась на водоразделах. Возвышенности, покрытые седым ковылем, протянулись на много километров с запада на восток и появлялись на горизонте одна за другой, словно морские волны. К югу рельеф становился более пологим, холмы исчезали, и сухую, выжженную зноем степь глубоко, словно пахню крестьянским плугом, резала своим руслом река с высокими обрывистыми берегами. Она, обходя препятствия и изгибаясь, словно змея, прокладывала себе путь на восток к далекому морю. С ее левого высокого берега были отчетливо видны поднимавшиеся

прямо среди равнины, словно острова в океане, причудливые силуэты гор.

Иногда Витьке казалось, что он видит и понимает то, чего другие не замечают, мимо чего проходят равнодушно, считая это обыденным и не заслуживающим внимания. Он мог часами смотреть, как холодные капли осеннего дождя тонкими струйками стекают по стеклу, как ранней весной на вершину горы, у подножия которой расположилось село, ложился иней, а за огородом, обнесенным редким, покосившимся и обветшавшим от времени забором, плавно кружа в водоворотах и ускоряясь на перекатах, несет свои мутные воды река.

В школе Виктор Долгов был на хорошем счету, дисциплину не нарушал, уроков не пропускал, но паинькой его никто не считал. Как и все мальчишки, он часами гонял мяч на пустыре, лазил со сверстниками по колхозным садам, когда там созревали ранние яблоки, иногда рвал одежду и приходил домой с синяками. Тогда он старался матери на глаза не показываться, не из страха перед наказанием, мать его наказывала редко, просто не хотел лишний раз ее расстраивать.

Его бабушка, зашивая ему разорванные брюки или рубашку, не раз повторяла:

– Ты, Витька, мать не огорчай. Хоть ты ее пожалей. У нее жизнь какая? Трудная и несчастная. Батька-то твой молодость ее всю водкой отравил, отсюда и нервы, и сердце. Что она в жизни видела? Морду его пьяную да тумак. Больше ничего.

Драться на кулачках с такими же, как он, мальчишками или, как говорили в селе, «стукаться» Витька не любил, но трусом его на улице не считали. Он всегда, хоть и неумело, но мог постоять за себя. Его побаивались и называли психом за то, что во время драки он бился до конца, неистово, без оглядки, не останавливаясь, как другие, из-за разбитого носа или порванной одежды. Он отличался от сверстников мальчишек какой-то взрослой рассудительностью, задумчивостью. Витька любил в дождливые ненастные дни перебирать и часами рассматривать старые, с золочеными корешками, книги, которые стояли дома в большом полированном шкафу. Книги достались матери от ее отца, школьного учителя.

ля истории. Деда Витька помнил плохо. Как память о нем, остались только эти книги и старая фотография на стене в простенькой деревянной, потемневшей от времени рамке, где дедушка и бабушка были сняты совсем молодыми, дедушка в форме красноармейца, со звездочкой на фуражке, бабушка – в светлом платье с кружевным воротником. Фотография давно выцвела и из черно-белой сделалась желто-коричневой. Она висела в бабушкиной комнате над кроватью с никелированными шариками на гнутых спинках, на которой возвышалась белая пирамида из подушек разного размера. Чуть ниже фотографии на стене висел плюшевый ковер. Сюжет рисунка на нем был сказочным – на сером волке сидели Иван-царевич и Елена Прекрасная.

Отца он боялся. Однажды, когда Витька был совсем маленький, отец в наказание за разбитую вазу запер его в темном чулане. Матери и бабушки дома не было. Витьке было одиноко и очень страшно. Время от времени из темноты слышались какие-то непонятные шорохи. Ему казалось, что в чулане есть еще кто-то, он был уверен, что это не человек, не зверь, а какое-то злое существо. На глаза сами собой навернулись слезы, он заплакал тихо, почти беззвучно, вытирая их маленькими детскими ладошками. Через час отец выпустил его.

– Выходи, – сказал он. – Но имей в виду, в следующий раз запру на всю ночь.

С тех пор он боялся этого места, но какая-то непонятная сила снова и снова толкала его туда, ему хотелось узнать, кто прячется там, в пугающей темноте чулана. Преодолевая сковывающий душу страх, Витька на цыпочках неслышно подкрадывался к двери, осторожно приоткрывал ее и с замиранием сердца просовывал голову в образовавшуюся щель. Ему становилось страшно оттого, что это неведомое существо может схватить его и затащить внутрь. Он захлопывал дверь и бежал к матери, зарывался лицом в платье, обхватывая ее ноги своими маленькими руками, и, замерев, так стоял неподвижно несколько минут. Она прижимала его к себе, гладила по голове, не понимая причин его страха, успокаивала тихим спокойным голосом.

– Ты мой маленький, – говорила она. – Ну, чего ты испугался? Я тебя никому не отдам.

Витька слышал голос матери, и страх, закравшийся в его детское сердце, исчезал, чулан уже не казался ему таким мрачным и страшным.

Когда он подрос, мать, работавшая в школе учительницей, стала приучать его к чтению. Она часто приносила книги из школьной библиотеки, вынимала их из сумки, клала на стол и, нежно улыбаясь, говорила:

– Вот, почитай, это как раз для твоего возраста. Есть книги, сынок, которые просто необходимо прочитать в юности. Время уходит быстро. Потом, может, и некогда будет.

Сама она, несмотря на загруженность на работе и дома, всегда находила время и для книг. В основном читала ночью, когда все уже спали. Иногда, проснувшись, он видел в приоткрытую дверь, что в комнате матери горит свет. Мать иногда засыпала прямо с книжкой в руке. Тогда Витька, стараясь не разбудить, входил к ней в комнату, выключал свет и возвращался к себе. Постепенно чтение стало для него необходимостью, он увлекся и неожиданно для себя нашел в книгах то, к чему тянулась его душа, и то, чего он не находил в повседневной обыденной жизни – книги стали для него друзьями и проводниками в другой иллюзорный, невесомый мир. Этот мир жил по другим законам; в нем были далекие неведомые страны, уснувшие портовые города, о причалы которых бились волны теплых морей, он был населен благородными и сильными мужчинами и прекрасными женщинами.

По выходным, обычно, мать стирала. Витька охотно помогал ей, грел в ведре воду на газовой плите, заливал ее в машинку и садился рядом на стул, наблюдая, как стиральная машина, набирая обороты, начинает, словно живая, скользить по мокрому деревянному полу. Когда стирка заканчивалась, он брал большие деревянные щипцы, доставал ими горячее белье, закладывая его между двух плотно прижатых друг к другу валков, и вращал ручку отжима, белье выходило с другой стороны плоское, как блин, тонкими слоями ложась на круглую металлическую крышку. Мать складывала отжатое белье в большую ванну, изготовленную из оцинкованного железа, добавляла в холодную воду синьки, выполаскивала его и снова давала Витьке для отжима.

У матери часто болело сердце. После ночных семейных скандалов в доме всегда пахло валерьянкой. Но отец не верил в ее болезнь.

– Меня этим не возьмешь, – говорил он, пьяно улыбаясь. – Это все женские штучки, рассчитанные на дураков. У вас, баб, вечно что-то болит, то голова, то сердце. Да на тебе пахоть можно. Больная, больная, а губы красишь, туфли на каблуках носишь. Интересно, для кого?

Когда валерьянка перестала помогать, мать все-таки решила съездить в город к врачу. Витьку взяла с собой.

– Сначала зайдем в поликлинику, – сказала она, – потом в обувной магазин. Тебе нужно купить обувь на лето.

Витька не любил ходить по магазинам, но спорить с матерью не стал.

В коридоре поликлиники было душно и многолюдно. Непрерывно ходили какие-то люди в белых халатах, терпеливо ждали своей очереди больные.

Возле кабинета сидело несколько человек.

– Я скоро, – сказала мать, когда подошла ее очередь.

Витька сел на стул рядом с кабинетом и стал ждать. Ему хорошо было слышно, о чем говорил врач – дверь была приоткрыта.

– Тяжелого не поднимать, не волноваться, больше отдыхать, – говорил он. – Нужно взять направление на медкомиссию, возможно, вам дадут группу. – Врач говорил это довольно монотонно, усталым равнодушным голосом. – Лекарство я назначил. Вот рецепт. Но главное – покой и никаких перегрузок и переживаний. Вам ведь всего тридцать пять, а сердце сильно изношено. Вы где работаете?

– В школе, учительница русского языка.

– Понятно. Треплют нервы детишки?

– Треплют. Как же по-другому? – отвечала она.

– Если есть такая возможность, работу лучше оставить, хотя бы на год, – посоветовал врач.

Когда мать вышла из кабинета, Витька посмотрел на нее и подумал, что она у него очень красивая. На матери было сиреневое крепдешиновое платье в цветочек, туфли на каблуках, а в руках маленькая дамская сумочка. Коса на голове была уложена красивыми изящными кольцами. Прическа делала мать еще стройнее и выше. Она остановилась рядом с Витькой, как всегда, улыбнулась ему.

– Ну, пошли, сынок, – она взяла его за руку.

– Куда? – спросил Витька. Он надеялся, что мать купит ему мороженое с орехами, посыпанное шоколадом, но дипломатично молчал.

– Сначала купим тебе новые сандалии, – ответила мать. – Ну, а потом пойдем есть мороженое в кафе.

Врача она не послушала – на комиссию не поехала и работу не оставила. Сын был еще маленьким, перешел в пятый класс, нужно было поднимать ребенка, готовить его к будущей самостоятельной жизни. Рассчитывать на помощь мужа она не могла, судьба собственного сына его не интересовала, водка была важнее. Привыкшая с детства к труду, как и большинство женщин в селе, она несла на своих хрупких плечах помимо работы в школе весь тяжкий груз домашних дел и забот.

Построенный еще дедом дом, в котором они жили, был старым, но добротным, на высоком каменном фундаменте, с деревянной застекленной верандой, со скрипучими ступеньками и ставнями на окнах. Вплотную к дому была пристроена летняя кухня с окнами, выходящими в сад. Мать рассказывала, что раньше на месте дома стояла турлучная хата, покрытая камышом. В ней она и родилась. Саманный дом уже после войны построил ее отец. Взял ссуду, купил материалы и сложил своими руками. Недалеко от моста, на небольшом холме, который круто обрывался к реке, местами сохранились стены старого полуразрушенного дома. Когда-то, еще до революции, в нем жил помещик Чубуков. Небольшой лес в пойме реки до сих пор старожилы села так и называли – Чубуковским. На территории бывшей помещичьей усадьбы росли старые липы, образуя широкую аллею. В середине аллеи стоял памятник односельчанам, погибшим на полях сражений и не вернувшимся в село после долгой и кровавой войны. Когда липы зацветали, полсела сходилось сюда собирать липовый цвет.

Каждый раз, когда приходила весна, Витька не мог усидеть дома. Вернувшись из школы и наскоро перекусив, он отправлялся бродить по окрестностям. Здесь было все знакомым и близким. За рекой изрезанная балками степь с редкими одинокими деревьями постепенно переходила в холмистую, поросшую редколесьем невысокую грядку, на склонах которой всегда паслось стадо местных одномастных, с пока-

тыми боками, сельских коров; за тополиной рощей открывалась панорама синих гор, одиноко стоявших в степи. Теплый весенний ветер, прилетевший из дальних мест, качал редкие, цветущие белыми гроздьями, акации и кусты колючего шиповника вдоль проселочной дороги, ведущей на соседний хутор. Эту дорогу, петлявшую на склоне между зеленых полей, было хорошо видно с околицы. Когда утром грузовик увозил в поле женщин, за ним еще долго клубилась пыль по проселку, и песня, которую они пели, уезжая все дальше и дальше от села, постепенно тонула в синевато-лазоревої дали, становясь все глуше и глуше.

Когда с полей сходили снега и первые лучи теплого весеннего солнца начинали прогревать промерзшую землю, в размытой дождями балке расцветали полевые тюльпаны. Они рассыпались по склонам желто-красными пятнами, чередуясь с небольшими лужайками вылезшей навстречу солнышку изумрудно-зеленой травы, нежной и мягкой на ощупь. Тонкими колючими шипами щетинились голые ветки разбросанных по склону кустов терновника.

Витька вслушивался в шум ветра, в тихий звук бегущего ручья, он размышлял о жизни, и никто не мешал ему здесь, среди холмов, глубоких оврагов и плывущих по небу облаков. Одиночество не пугало его. Он осторожно ступал по живому ковру из травы и цветов, боясь испортить, растоптать эту редкую, не тронутую людьми красоту. Витька собирал небольшой букет тюльпанов и приносил его матери. Она всегда как-то по-детски радовалась, обнимала сына, ставила вазу с цветами на круглый стол в прихожей, застеленный белой полотняной скатертью. Отец никогда не дарил матери цветы. Витька любил свой дом, большой, высокий, с двускатной, покрытой черепицей крышей, с просторными комнатами, с массивными двустворчатыми дверьми, с окнами, обрамленными резными наличниками по бокам. Когда маленького Витьку бабушка днем укладывала спать, то ставни в комнате закрывали. В полуденный зной в саманном доме было прохладно, сквозь закрытые ставни в узкие щели между досками пробивались тонкие, словно лезвие ножа, полосы солнечного света. Они разрезали большую комнату широкими лучами, и в белых полосках были видны мельчайшие, еле заметные человеческому глазу пылинки, которые кру-

жились и вращались, словно живые организмы, пока солнце не уходило, и они не исчезали так же внезапно, как и появлялись. В комнате было тихо, и только стенные ходики мерно отсчитывали четкий ритм времени. Тик-так, тик-так – отбивал маятник.

Когда Витька вырос, то иногда вспоминал свое раннее детство. В детский сад он не ходил, воспитанием единственного внука занималась бабушка. Она была очень доброй – рассказывала ему сказки, кормила, сидела у кровати, когда он болел, и прощала ему все его шалости. Мать тоже всегда была с ним ласковой, часто обнимала его, словно боялась потерять то единственное, что у нее еще осталось в жизни.

Отец был не таким сентиментальным, как мать. Работал он в колхозе плотником, а вечерами и по выходным ходил шабашничал – то крыльцо кому подправит, то забор поменяет. В селе плотнику работы всегда хватало. Деньги ему почти никогда не давали, обычно рассчитывались водкой и самогонкой. Приходил домой отец поздно, ложился спать, чаще всего, в летней кухне, ему там было привычней. С сыном держался обособленно, разговаривал редко, то ли боялся проявлять свои чувства, то ли не было их у него вовсе. Иногда он выражал свое недовольство сыном.

– В мать пошел, – говорил отец, склоняя тяжелую от выпитого голову над столом, – в их породу. Там у них в роду сплошь одни правдолюбцы и интеллигенты, одним словом, чужаки, не нашего племени люди.

Витька, действительно, был похож на мать – овалом лица, серо-голубыми глазами и даже манерой говорить. Отца это злило. В детстве он рано лишился семьи. Его мать умерла, когда ему исполнилось семь лет. Его отец – железнодорожный служащий сразу женился во второй раз, и новая жена родила ему двух сыновей-близняшек. Как часто бывает в таких случаях, пасынок ей оказался не нужен, и она стала всеми способами выживать из семьи десятилетнего ребенка. Однажды, не выдержав упреков и унижений, он ушел из дома – надоело ему, что родной отец куском хлеба стал попрекать. Хлебнул он в своей жизни горя – бродяжничал, с лихими людьми жизнь сводила не раз, воровал, но ремесленное училище, прибавив себе год, каким-то чудом закончил. Пошел работать на стройку. Потом армия, после армии

женитьба. Пришлось отцу свой гоно́р спрятать подальше и пойти в примаки – жилья у него не было. Сам отец о своем сиротском детстве сильно не распространялся, Витьке об этом рассказала мать.

Витька слушал обидные слова отца и не понимал, почему они с матерью для него чужаки? Иногда на отца находило просветление, он бросал пить, приводил в порядок инструмент, подтачивая что-то на точиле, и пытался обучать сына плотницкому мастерству: показывал как обращаться с рубанком и долотом, учил стелить пол, ставить забор, прибывая штукетины к рейкам через шаблон, изготавливать примитивную домашнюю мебель – скамейки, табуретки, лавки. Руки у него были золотые – это признавали все. Но такие периоды бывали редко.

В домашние дела отец не вникал, предпочитая, чтобы всем занималась жена.

– Я тебе кто? – говорил он ей во время ссор, которые сам же и затевал. – Муж. И ты должна меня за это уважать. А ты все носом крутишь. Тебе образованных подавай, в шляпах. Ты ж у нас с дипломом, а я неуч, семь классов, а восьмой – коридор!

Он начинал жестикулировать и кривляться, со стороны это выглядело довольно мерзко.

Когда отец долго не пил, то ходил по дому угрюмым и злым, цеплялся к словам и постоянно искал повод поругаться. Иногда он не пил неделю, реже две – больше не выдерживал. Как только подворачивалась шабашка, он срывался и заливал водкой свою тоску и неудовлетворенность жизнью. Домой заявлялся поздно, иногда под утро, открывал нараспашку дверь, искал пьяными злыми глазами жену, на щеках играли желваки, глаза неестественно горели, его массивные толстые пальцы с хрустом сжимались в кулаки. В такие мгновения в нем просыпалась какая-то страшная, нечеловеческая, дремавшая где-то глубоко внутри злоба.

Витька видел много раз, как мать плакала после скандалов у себя в комнате. Плакала тихо, не напоказ, чтобы никто не видел, вытирая слезы кухонным фартуком. Витька понимал, что причина этих слез – отец. В такие минуты он ненавидел этого человека.

Однажды, когда отец, напившись в очередной раз, попытался ударить мать, Витька встал между ним и матерью и вцепился ему в руку. Они молча стояли друг напротив друга, отец и сын, как два непримиримых смертельных врага. Отец смотрел на него налитыми ненавистью ко всему глазами и искал выхода бушевавшей внутри злобе. Витька смотрел без страха, и во взгляде этом было столько решимости и отчаяния, что отец не выдержал – отдернул пьяным, плохо координируемым движением, руку и молча ушел спать. Больше он мать никогда не трогал. Пить, конечно, не бросил, с сыном разговаривал после этого сквозь зубы, да и то только по делу.

В конце восьмого класса Витька влюбился. Ее звали Марина. Она была стройной и худенькой с круглыми коленками, курносый носом и светлыми прямыми волосами. В село Марина приехала вместе с родителями недавно, около года назад, и жила совсем рядом, на соседней улице, в небольшом домике с зеленым забором и старой покосившейся калиткой. Учились они в параллельных классах, ходили в школу одной дорогой; при всем этом были почти не знакомы и только, когда сталкивались, что называется, нос к носу, едва заметно кивали головами, приветствуя друг друга. Чувство пришло неожиданно. Однажды утром Витька проснулся с непреодолимым желанием ее увидеть. Собираясь в школу, он клал в портфель учебники и тетради, завтракал на кухне, а в голове, как музыка, звучало ее имя. Он помнил до малейших деталей ее жесты, глаза, как она смешно вздергивала свой курносый нос, как поправляла волосы. Иногда он караулил ее: стоял за углом, терпеливо ожидая, когда Марина, наконец, выйдет из дома, потом шел за нею в школу, любуясь ее красивой походкой. Ни разу Витька не осмелился догнать ее или окликнуть. Когда он видел Марину, сердце его радостно сжималось, она казалась ему совершенством.

Как-то накануне Первого мая в школе выпускали стенгазету. Членов редколлегии собрали после уроков в пионерской комнате. Витька в редколлегию не входил, но в этот раз его тоже попросили остаться – у него был каллиграфический почерк, и еще он хорошо писал буквы чертежным шрифтом. Он обрадовался, когда увидел там Марину. В пионерской комнате, как всегда во время таких мероприятий, было много

суеты и шума. Витька быстро сделал свою работу, но уходить не спешил. Марина увлеченно что-то рисовала, переговариваясь с подружками, и, казалось, не замечала его. Он наблюдал за тем, как она водит рукой по ватману, периодически откидывая назад падающую на лицо челку, как улыбается, ее движения завораживали его. Вот она разогнулась и выстояла вперед, словно танцовщица, ногу в полосатом чулке, немного согнув ее в колене. Почувствовав, что на нее смотрят, Марина обернулась; коротким быстрым взглядом она совсем по-женски глянула на Витьку, сиротливо стоявшего возле окна, их глаза на мгновение встретились. Две девочки, внимательно наблюдавшие, как Марина раскрашивает заголовок, заметили это и стали шushукаться.

Ответственной за выпуск стенгазеты была старшая пионервожатая Антонина Ивановна, женщина средних лет в больших роговых очках, в модном брючном костюме, с шиной на голове. Она следила за тем, чтобы никто не баловался, подсказывала ребятам, как лучше разместить в стенгазете материалы, при этом периодически смотрела на себя в трюмо, стоявшее в углу, поправляя прическу и подводя яркой помадой губы.

– Ну а вы, кумушки, что бездельничаете? – обратилась к девочкам Антонина Ивановна.

– Сходите в учительскую и принесите оттуда глобус. Он нам будет нужен как наглядное пособие. Да побыстрее! – она, в который раз подошла к зеркалу, поворачиваясь к нему то левым, то правым боком, придирчиво разглядывая свой новый брючный костюм.

– А ты, Витя, можешь идти, – оглянувшись, и как бы между прочим, сказала пионервожатая. – Раз делать нечего, иди домой.

Девочки ушли, оставив дверь открытой. Занятия давно закончились, и было необычно тихо, поэтому звук их удаляющихся шагов еще долго был слышен в длинном школьном коридоре.

– Ты не можешь подать мне зеленый карандаш? – неожиданно обратилась к нему Марина. – Вон там, на столике, – она показала рукой туда, где лежали россыпью разные карандаши.

Витька обрадовался и стал искать глазами на столе нужный карандаш, взял его и протянул ей. Марина хотела взять карандаш, но он не выпускал его из руки.

– Ну, отдай же! Мне некогда! – Она надула обиженно губы. – Как маленький.

Витька разжал пальцы, и карандаш упал на пол.

– Маша-растеряша, – сказала Марина.

Он быстро нагнулся, поднял его и протянул ей.

– На, бери. Я пошутил.

Марина молча взяла карандаш, еще раз взглянула на своего обидчика, но ничего не сказала.

Витька вышел на улицу. Школа, в которой он учился, стояла на окраине города. В нее ходили и городские, и сельские ребята – в селе своей школы не было. Чем-то она напоминала помещичью усадьбу: у входа на бетонных подставках стояли гладкие каменные шары, фасад украшал портик из четырех белых квадратных колонн, увенчанных треугольным фронтоном. Внутри него, в самом центре, красовался цветной барельеф в виде двух пионеров с горнами в руках, между ними была видна выцветшая от времени надпись с облупившейся краской. «Учиться, учиться и учиться», – гласила она. Чуть ниже виднелась подпись «В.И. Ленин». На пришкольном участке благоухал ароматами цветущих яблонь фруктовый сад, огороженный вместе со школой и спортплощадкой высоким деревянным забором.

В ожидании Марины Витька простоял у входа в школу около часа. Уже начинало темнеть. Она вышла одна, поравнявшись с ним, замедлила шаги, но не остановилась. Витька поплелся за ней вдоль деревянного школьного забора. Немного погодя он догнал ее и молча пошел рядом, не зная, как начать разговор. Путь от школы до села был неблизким. Они шли вдоль грейдерной дороги с редкими высоковольтными столбами вдоль обочины; по ту и другую сторону от нее были разбросаны белые саманные хатенки с черепичными острыми крышами. Своей восточной окраиной город почти вплотную примыкал к селу.

– Хочешь, я твой портфель понесу? – неожиданно предложил Витька, когда они отошли от школы на приличное расстояние.

Марина немного удивленно посмотрела на него.

– На, неси, если хочешь, – она протянула ему портфель. – Это что, ты за мной ухаживаешь?

– Ухаживаю, – просто ответил Витька и, подумав, добавил. – Если ты не против.

– Да нет, – Марина пожалала плечами. – Ухаживай, пожалуйста. Я люблю, когда за мной ухаживают.

Витьке ее ответ показался обидным.

– И много у тебя было этих самых, – он замялся, подбирая правильное слово.

– Кого этих самых? – Марина остановилась.

– Ухажеров, – еле выдавил он из себя непривычное слово.

– Девушкам такие вопросы задавать не прилично, – назидательно сказала Марина. – Если будешь говорить всякие глупости, я с тобой дружить не буду.

Иногда им навстречу попадались редкие прохожие. Витька шел молча, боясь опять сказать что-нибудь не то. Он немного стеснялся своего положения провожатого и опасался, что его узнает кто-нибудь из соседей и спросит:

– Ты что, Витька, женихом заделался что ли?

Но люди проходили мимо, знакомых среди них не было, и никто этого вопроса ему не задал.

Уже войдя в село, они увидели пастуха в длинном, до пят, брезентовом плаще, с кнутом, перекинутым через плечо. Он гнал по проселочной, накатанной грузовыми машинами дороге большое стадо; коровы сами неторопливо расходились по домам, останавливались возле ворот и жалобно мычали. Сумерки, осторожно спускаясь с окрестных холмов, окутывали село. Кое-где в домах уже зажгли свет.

– Я ужасная трусиха, – жаловалась Марина, – я так боюсь экзаменов, особенно алгебры. Эти формулы для меня – темный лес. Мне кажется, что я ничего не знаю, не вспомню и, конечно, не решу. Представляешь, мне мой папа недавно заявляет: «Если экзамены провалишь – пойдешь коров на ферме за хвосты дергать».

– Это он шутит, – успокоил ее Витька.

– Наверно, шутит, – согласилась она, – но я все равно на ферму не хочу. У меня мама дояркой работает. Там грязно и холодно.

Уже возле ее дома Витька, набравшись смелости, предложил:

– А давай завтра пойдем за ландышами. Я место знаю.

Она не ответила, молча забрала у него портфель, закрыла за собой калитку, цыкнула на собаку, которая, увидев чужого, залаяла и стала рваться с цепи; потом, пройдя немного по двору, Марина остановилась и оглянулась. Витька по-прежнему стоял возле закрытой калитки и чего-то ждал.

– Ну, хорошо, Витя, – тихо сказала она, – давай завтра сходим за цветами. Только ты ничего такого не думай. Просто не хочется в выходной дома сидеть.

Услышав эти слова, Витька буквально засветился от радости.

На следующий день была Пасха. Витька не понимал этого праздника, но ему нравилось, что накануне мать всегда пекла пироги и булочки.

На Пасху все селяне целыми семьями с самого утра обычно шли на погост, который располагался на небольшом пригорке километрах в двух от села. Мать на кладбище не ходила, потому что была учительницей. В этот раз, как всегда перед Пасхой, в доме вкусно пахло куличами, пирогами и ватрушками. Когда Витька пришел из школы, мать хлопотала на кухне. В доме чисто убранные комнаты выглядели праздничными и нарядными. На стенах висели вышитые ее умелыми заботливыми руками рушники. На отливающем гляncем блюде стояла высокая, посыпанная сахарной пудрой и украшенная разноцветными бусинками глазури большая пасха, обложенная по кругу крашеными пасхальными яйцами.

– Мы завтра с ребятами с утра за цветами пойдем, – сказал он матери. – После обеда вернусь.

Мать не удивилась. Она и сама не раз, особенно в молодости, ходила в лес собирать цветы.

– Возьми с собой покушать, – сказала она. – Опять целый день промотаешься голодным. Пироги на сундуке, сало копченое в холодильнике. Сегодня пасху не трогай – грех.

Витька отколул незаметно с верхушки пасхи бусинку карамели и положил ее в рот. Пироги лежали на большом сундуке, прикрытые полотняными салфетками. Они были

еще теплыми. Он отрезал себе большой кусок пирога с капустой, положил его на тарелку и пошел смотреть телевизор.

Утром, когда он проснулся, матери дома уже не было, видимо, она ушла к соседке, понесла ей кулички и крашеные яйца. Витька оделся, выпил чаю с ватрушкой, взял пакет с едой, приготовленный матерью, и вышел на улицу. Накануне ночью, как часто бывало перед Пасхой, прошел небольшой дождь. Люди шли в сторону кладбища по раскисшей от дождя дорожке, стараясь не наступать в лужи, держась за штакетины заборов, чтобы не поскользнуться и не упасть в грязь. Многие несли в руках венки из искусственных цветов и большие хозяйственные сумки с едой. Одеты односельчане были нарядно, так одевались только по большим праздникам. Кое-кто из мужиков, из тех, кто воевал, нацепил боевые награды для пущей важности. Солнце светило ярко, и после ночного дождя было немного душно. Витька ожидал Марину, стоя на углу возле продовольственного магазина. Он увидел ее издали. Она шла по улице в красной легкой курточке и спортивных тапочках.

Все говорило о том, что лето не за горами. Теплый утренний ветер приносил запах полевых трав. Перед мостом они свернули на тропинку, которая шла вдоль реки. На противоположном берегу, прямо посередине поля, засеянного озимой пшеницей, стоял курган, его пологие склоны поросли молодой высокой травой. Немного поодаль, над раскинувшимися до самого горизонта зелеными полями, возвышалось желтое здание Комбикормового завода.

Витька шел не торопясь, поглядывая на идущую рядом Марину. По пути они завернули в колхозный сад. Там цвели яблони. Перелетая от цветка к цветку, жужжали многочисленные пчелы. Пахло весной. На высокой речной террасе, подковой обрамлявшей сад, виднелись развалины какого-то небольшого прямоугольного строения. Вокруг полуразрушенных стен были разбросаны неправильной формы белые камни.

– Что это за развалины там, наверху? – спросила Марина.

– Пойдем посмотрим, – предложил Витька и протянул ей руку.

По скользкой мокрой траве они стали подниматься наверх. Уцелевшие стены строения в некоторых местах сохранили

следы толстой штукатурки. Когда Витька был маленьким, бабушка, которая жила в этих краях еще с довоенного времени и знала все местные легенды и предания, рассказывала ему о каком-то хане, якобы похороненном здесь.

– Ну, и что это такое? – спросила Марина, с интересом разглядывая поросшие травой и кустарником руины. – Какой-то сарай, только без крыши.

– Это не сарай, а мавзолей хана, – сказал Витька, подходя к разрушенному строению. – Бабушка говорила, что до войны над ним был еще купол, и многие местные по ошибке называли мавзолей мечетью. В войну мавзолей разрушили, – Витька показал на огромную воронку рядом. Края воронки оплыли, в самом центре росло дерево. – Это след от бомбы, – пояснил он.

Марина обошла развалины вокруг.

– Он что, похоронен здесь?

– Да, наверно, – ответил Витька. – Во всяком случае, так говорила мне бабушка.

– А как давно это было?

– Этого никто не знает. Наверно, еще до революции, потому что после революции ханов и помещиков уже не было, – предположил он.

Сразу за развалинами начинался огромный пустырь, в самой середине которого был вырыт глубокий карьер, заросший теперь по краям бурьяном; на фоне карьера выделялась высокая труба кирпичного завода. Печь по обжигу кирпича работала – над желтой кирпичной трубой поднимался едва заметный белый дым. Завод стоял на краю карьера, из которого добывали глину для производства кирпича. Жители села, работавшие на нем, ходили на завод не в обход по дороге, а напрямик через пустырь. Рядом с печью стояли длинные, с коричневыми черепичными крышами, навесы для сушки кирпича. Пустырь, когда-то красивый, усыпанный весной луговыми цветами и травами, давно потерял свой первоначанный вид; часть его была превращена в свалку, повсюду громоздились валы вырытой экскаватором и перемешанной с черноземом желтой глины. На дне карьера, отражая от своей поверхности лучи утреннего солнца, блестела вода, на торчавших из воды многочисленных островках зеленели за-

росли туи. Видимо, здесь били ключи, превратив со временем более глубокую часть карьера в озеро.

– Это заброшенный карьер, – сказал Витька, показывая рукой вниз. – Летом здесь ничего, можно рыбу ловить и купаться, а зимой, особенно ночью, – жуткое место.

– Почему? – со страхом спросила Марина. – Из-за могилы хана? Да?

– Хан здесь ни при чем, – успокоил ее Витька. – В этом карьере зимой в зарослях туи совы ночуют. Их здесь тысячи – все кусты облеплены. Сидят и ухают, а когда к ним подходишь близко, улетают, только слышно как крылья в ночи хлопают.

– А что они делают в карьере ночью?

Витька пожал плечами.

– Не знаю. Наверно, на мышей и крыс охотятся – свалка рядом.

Постояв еще немного, они стали спускаться вниз, в пойму реки. Марина шла молча сзади. Тропинка вывела их на небольшую поляну на берегу речки, в этом месте сразу за песчаным плесом рос старый тополь, упираясь своей раскидистой кроной в высокое небо. Такие тополя в долине встречались не часто. Дерево стояло одиноко и величественно, шелестя на ветру маленькими серебристыми листьями и отбрасывая на воду громадную тень; она пересекала реку, доходила до противоположного берега и уже там терялась в зарослях густого прибрежного камыша. Тополь выглядел очень старым: его кора была вся покрыта крупными и мелкими трещинами, мощный узловатый ствол был слегка наклонен к воде; казалось, что он вот-вот рухнет в тихо журчавшую на перекаате речку. Но дерево не падало, его толстые жилистые корни мертвой хваткой вцепились в желтый глинистый берег. Такие деревья в этих местах называли белолистками.

– Какое большое и красивое дерево, – Марина, запрокинув голову, посмотрела вверх.

Серебристая крона переливалась на солнце и, казалось, плыла по голубому небу, обгоняя редкие белые облака.

– Это не простое дерево, – сказал Витька. – Это Дерево Жизни.

Марина удивленно посмотрела на него.

– Ты сказал дерево жизни? – переспросила она. – А разве у деревьев бывают названия? И почему именно Дерево Жизни?

– Наши далекие предки жили племенами. У каждого племени было свое родовое дерево. Люди ему поклонялись, почитали, просили у него хорошего урожая, дождей в засуху, тепла, когда наступали холода. Осенью, когда листья с дерева осыпались, они думали, что оно умирало, а весной, когда на ветвях снова набухали почки, радовались тому, что оно снова возвращалось к жизни. Они верили, что смерти нет и жизнь вечна.

– Ты это все придумал? – с улыбкой спросила она.

– Нет. Я прочитал об этом в одной книге из дедушкиной библиотеки, – ответил Витька, подходя к дереву. – Он был учителем.

– Это дерево очень старое. Может быть, даже старше разрушенного мавзолея. В детстве меня к нему часто приводила бабушка, она говорила, что играла под этим деревом еще ребенком. У древних людей такие деревья символизировали вечность рода.

– Оно состарится и засохнет, – сказала Марина, – и от него ничего не останется.

– Нет, – ответил Витька. – Останется. На этом месте из семян или от корня обязательно вырастет другое дерево, молодое. Пройдут годы, и оно тоже станет могучим и сильным.

– Ты большой выдумщик, – сказала Марина. – Хоть название придумал очень красивое. Правда, я до этого никогда не слышала, чтобы деревьям давали названия.

Марина склонила голову набок, щурясь от яркого солнца, которое било ей в глаза. Листья на дереве блестели, как сотни маленьких серебряных сердечек. Тополь немного покачивался на ветру, шевеля огромными и сильными ветвями. Витька прислонил к стволу ухо и прислушался.

– Если прижаться к стволу и закрыть глаза, то можно услышать, как оно что-то шепчет нам, – сказал он.

– Деревья не умеют разговаривать, это просто шелестят листья и шумит река, – возразила она.

– Нет, – не согласился Витька. – Это оно что-то говорит нам, только мы не понимаем.

– Ты в это, действительно, веришь? – Марина с интересом посмотрела на него.

– Оно ведь живое. Дотронься рукой – оно излучает тепло. Неужели ты этого не чувствуешь?

Несколько минут они молчали вслушиваясь в шум реки и в то, как шелестят на ветру тонкие ярко-зеленые листья.

– Ты говоришь красиво, – сказала Марина. Ее рука медленно скользила по шершавому стволу. – Но я действительно ничего не чувствую.

– У тебя есть мечта? – спросил он.

– Не знаю, я об этом никогда не думала. О чем мне мечтать? Я даже не знаю.

Она подошла к воде и опустила в нее руку.

– Теплая.

Время приближалось к полудню. На чистом и с утра безоблачном небе появились белые облака. Солнце поднялось высоко и стало припекать.

– По-моему, нам пора подкрепиться, – Марина вернулась и стала доставать из своей сумочки продукты, выкладывая их на небольшой кусок холщовой ткани, которую предусмотрительно взяла из дома.

– Вот, – сказал Витька, подавая ей пакет. – Достань и мои. Там, наверно, пироги. Мама испекла.

Ели не спеша; было тихо, только иногда ветер на другом берегу шелестел камышом, который нагибался к воде, как будто вслушиваясь в размеренный говор степной реки.

– Здесь очень красиво, – сказала Марина и бросила в небольшую речную заводь плоский гладкий камушек, он упал, образовав небольшие круги.

Витька встал и отряхнул брюки от прошлогодней сухой травы.

– Ты любишь ландыши? – спросил он.

– Да, конечно, я их очень люблю, – ответила Марина, поворачиваясь к нему.

– Тогда поднимайся, – он подал ей руку. – Нужно идти.

Они вернулись на тропу, перебрались по старой кладке, висевшей на старых ржавых тросах, на другой берег реки и пошли по проселочной дороге к гряде. Разбитая машинами и тракторами дорога с ямами, наполненными дождевой водой,

поднималась в гору. Лесопосадка, куда они пришли, была довольно широкой; с гряды она спускалась к небольшому, лежащему в ложбине, пруду и состояла, в основном, из колючих кривоствольных акаций и многочисленных кустов свидины. В тени деревьев они увидели растущие небольшими колониями белые, выглядывающие из зеленых розеток ландыши.

– Ой! – всплеснула руками Марина. – Ландыши.

Она опустила на колени и хотела сорвать цветок.

– Не надо, – остановил ее Витька.

Он достал из кармана ножик и стал осторожно подрезать стебли так, чтобы не повредить корни. Срезанные цветы он клал на траву, делая все это ловко и быстро. Совсем скоро у него набрался небольшой букет.

– Это тебе, – Витька смущенно протянул букет Марине.

– Ах, как они пахнут, – она поднесла цветы к своему лицу. – Спасибо, Витя.

С небольшой возвышенности, на которую они поднялись, открывался вид на село и расположившийся в котловине, километрах в трех от него, город. Село было вытянуто вдоль реки, повторяя все ее изгибы и повороты. В двух местах речку пересекали узкие полоски кладок. Город, лежавший у подножия большой горы, был рассечен на две части широкой серой полосой проходящей через него железной дороги. Чуть дальше на западе блестела на солнце взлетная полоса аэродрома. Иногда тишину воскресного дня нарушал нарастающий гул турбин – самолеты взлетали и заходили на посадку. Контуры цеплявших облака вершин четко вырисовывались на фоне прозрачного светло-голубого весеннего неба. Самая ближняя из них, поросшая со всех сторон лесом, с серыми языками каменных осыпей на склонах и торчавшими по бокам острыми скалами, имела форму головы змеи.

С этого дня они стали видеться каждый день. Витька провожал ее в школу и из школы, на переменах, улучив минутку, находил Марину, чтобы просто постоять рядом, поговорить о каких-то ничего не значащих пустяках. Один раз в субботу они поехали после школы на автобусе в город; сначала погуляли в парке, прокатились на колесе обозрения, потом пошли в кино. Витька купил билеты на последний ряд. На

дневные сеансы в будний день народу ходило мало. Они сидели в темноте полупустого зала, Марина смотрела на экран, а Витька смотрел на нее. Он робко взял ее за руку. Ладонка была теплой и мягкой.

– Не мешай мне смотреть, – сказала Марина, убирая руку. – Ты сюда зачем пришел?

– Кино смотреть, – ответил Витька.

– Ну, вот, и смотри туда, – она показала рукой на экран. – И сиди спокойно.

Иногда они ходили к дереву. Здесь всегда было тихо и безлюдно. Однажды, когда они вечером стояли на обрыве, вдыхая запахи, которые теплый ветер приносил из далекой степи, он робко и несмело поцеловал ее. Светили яркие майские звезды, от реки тянуло прохладой. Она в этот вечер больше молчала.

– Ты, наверно, замерзла? – спросил Витька и накинул ей на плечи свою ветровку.

Марина как будто не расслышала вопроса и пошла, не оглядываясь, по направлению к селу. Витька пошел за ней, догнал, обнял ее за плечи. Шли, не торопясь. Иногда тишину нарушал шум проезжающей где-то далеко машины или треск мотоцикла. На окраине села горел одинокий желтый фонарь, он освещал дорогу, посыпанную мелкой щебенкой, лавочку возле крайнего дома, выкрашенную в зеленый цвет, небольшие пирамидки сложенного для просушки самана. Марина неожиданно остановилась и посмотрела на него своими большими серыми глазами.

– Знаешь, наверно, я скоро уеду отсюда, – сказала она.

– Как уедешь? – Витька остановился. – А как же я?

Марина подошла к лавочке и села на самый край. Было видно, что ей нечего ему сказать. Они оба молчали – каждый думал о своем.

– Понимаешь, так родители решили. Я тут ни при чем.

– Ну, а ты? – Витька с надеждой посмотрел на нее.

Марина растерянно пожала плечами.

– Не знаю. Мне нужно получить образование. В наше время главное – твердо стоять на ногах и иметь хорошую профессию. Так говорит мой папа. В большом городе я буду учиться в техникуме на технолога общественного питания. Через

четыре года я уже буду дипломированным специалистом. Могу даже стать заведующей столовой. И вообще..., – она на секунду запнулась, – наверное, в большом городе жизнь интереснее, чем здесь. Там молодежи больше.

Она посмотрела вокруг, как бы оценивая.

– Здесь же ничего нет, одни кусты, деревья и коровы. Странно, как ты этого не замечаешь!

Май пролетел быстро, наступила пора экзаменов. Встречаться они стали все реже и реже. Когда Витька оставался с Мариной наедине, то чувствовал, что она тяготится им. Последняя их встреча была короткой. Они сидели на лавочке возле ее дома. На небе высыпали редкие звезды. Когда он попытался ее поцеловать, как тогда, у реки, она отстранила его.

– Не надо, Витя, – сказала она, – ни к чему это. Мне домой пора.

Марина открыла калитку и ушла, не оглянувшись, не помахав на прощанье рукой, ушла, словно они были чужими. Он брел по пустынной ночной улице села домой, надеясь на то, что все еще образуется и она никуда не уедет.

Но Марина все-таки уехала. Попрощаться не получилось. Витька переживал разлуку тяжело. Первое время сильно скучал, ему хотелось увидеть ее хотя бы на мгновение, снова услышать ее голос, ощутить запах ее волос.

Витька потом часто приходил один на поляну к дереву, подолгу стоял возле него. Все здесь напоминало ему о Марине. Это старое дерево, видевшее на своем веку многое, казалось, еще хранило тепло ее маленьких нежных ладоней. Ему казалось, что они не могут просто так расстаться. Когда-нибудь он обязательно снова встретит ее. Ведь она ему была так нужна.

Мысль поступить в военное училище пришла Витьке неожиданно. Это случилось зимой, когда в сельский клуб привезли новый фильм «Офицеры». В кино ходили все, других развлечений в селе не было – танцы для молодежи по выходным да кино. Вечером Витька надел фуфайку, обул новые ботинки, предварительно надраив их ваксой, и направился в клуб. Жидкая грязь на дороге, прихваченная легким ве-

черным морозом, похрустывала под ботинками при ходьбе. Несколько пацанов из их класса в таких же фуфайках уже ждали его возле кассы.

– Билеты мы взяли, – сказал, парень по кличке Сом. – Го-ни двадцать пять копеек, места вот такие! – Сом сжал руку в кулак и выставил вверх большой палец. – Третий ряд.

У входа толпилась сельская молодежь, парни курили, девушки смеялись и щелкали семечки, которые продавались тут же у входа бабушкой в плисовом допотопном салопе и валенках. Зал был забит до отказа, фильмы про войну сельяне любили, ходили на них целыми семьями. Витьку фильм захватил, он смотрел его, не реагируя на реплики сидевших рядом приятелей. Он верил всему, что происходило на экране. Особенно ему понравился Иван Варавва – волевой сильный командир, умевший не только рубать шашкой басмачей, но и ценить женщин. На следующий день Витька пошел смотреть фильм еще раз. Он как будто погрузился в ту далекую, незнакомую для него жизнь – вместе с героями переживал лихолетья гражданской войны и суровые годы Великой Отечественной, уходил на взмыленных конях от погони, хоронил боевых товарищей. Он полюбил этих людей. Ему нравилось, что они живут по закону совести и чести и всегда стоят за правду и справедливость.

Сначала это были обычные мальчишеские мечты. Хотелось надеть военную форму, чтобы походить на любимых героев, пройтись по широкой сельской улице под восхищенные взгляды односельчан и знакомых девчонок, отворить калитку родного дома, поставить на землю небольшой чемоданчик с вещами, одернуть гимнастерку, поправить ремень и сказать: «Это я, мама», – и увидеть в глазах матери слезы радости. Потом мечта стала обрастать реалиями. Из потрепанного справочника, взятого в школьной библиотеке, Витька выписал адреса ближайших военных училищ и узнал, какие экзамены ему придется сдавать. Он налег на учебу и даже записался в спортивную секцию. Прозанимавшись месяц, решил убедиться, что спорт идет ему на пользу. Придя домой после очередной тренировки, Витька подошел к зеркалу, снял рубашку и внимательно осмотрел свою мускулатуру. Никаких видимых изменений в организме он не заметил – мышцы более рельефными не стали. Это его немного огорчило.

Тренер по легкой атлетике Гурин, как это ни странно, оценивал Витькины достижения как хорошие.

– Дыхалка у тебя что надо, – говорил он Витьке. – В легкой атлетике главное – дыхалка и характер.

На тренировках Гурин сильно с подопечными не церемонился и слова не подбирал. Как есть, так и говорил.

– Не умеете работать головой, работайте ногами, – шутил он. – Быстрые ноги – залог долгой и счастливой жизни.

На первый взгляд могло показаться, что он не серьезный человек, но это было не так. Дело свое Гурин знал крепко и требовал от своих воспитанников полной отдачи.

– Эй, там, на барже, – обращался он к отстающим, – сачка давить дома будете, а в зале потеть нужно и конечностями шевелить. Сейчас бегаем отрезки, потом на шведскую стенку – делать уголки.

Его немного грубоватый армейский юмор воспринимался всеми нормально, ничего обидного в том, что он говорил, не было. После тренировок Витька приходил домой усталым, добирался до кровати и на час-полтора ложился отдыхать. Физические нагрузки давались тяжело. Постепенно он втянулся, и занятия перестали ему казаться такими нудными и длинными.

В конце каждой тренировки в качестве поощрения Гурин разрешал поиграть в волейбол или баскетбол.

– А в футбол можно, Анатолий Иванович? – спрашивали ребята.

– Нет, – говорил он. – В футбол нельзя. Вы или зал развалите, или друг друга перебьете. А вы мне живые нужны. Потерпите немного. Вот потеплеет на улице, зазеленеет травка, будем бегать кроссы и играть в футбол.

Ждать пришлось недолго. Вскоре, действительно, пришла весна. Почернели деревья в саду, закапало ночью с крыш и пахло в лицо утренним теплым ветром. Река от талого снега и дождей как будто набухла, вода в ней стала мутной, потяжелевшей. Насыщенная глиной и пойменным сором желто-коричневая масса медленно, словно лава, текла по руслу, сметая на своем пути заторы из сломанных деревьев и кустарников и подтачивая высокие обрывистые берега. Сначала вдоль обрывов появлялись большие трещины, потом кручи

отрывались от берега и беззвучно, одна за другой, падали в реку, поднимая перед собой высокий водяной вал.

В один из мартовских дней, уже после ледохода, когда снег растаял и в низинах остались лежать только редкие грязные сугробы, покрытые серой пылью, принесенной с полей колючими зимними ветрами, Витька выбрал время и пошел прогуляться по давно знакомому маршруту. День был пасмурный, серый и холодный. Вдоль тропинки, бегущей мимо теплиц, зеленела мокрая от ночного дождя трава, только что вылезшая из-под снега. До заветного места оставалось всего несколько сотен шагов. Вот последний поворот реки, а за ним знакомая поляна. Картина, которую он увидел, поразила его. За несколько зимних месяцев здесь произошли серьезные перемены – поляна просела, пошла крупными трещинами и ступенями сползла почти к самому руслу; старое дерево лежало теперь беспомощно поперек реки. Оно было таким огромным, что упало своей кроной на противоположный берег в заросли туи. На том месте, где дерево еще недавно росло, зияла огромная неправильной формы яма, похожая на рваную рану. Вывороченные из земли обнаженные корни с налипшими комками глины бессильно тянулись к земле, жизнь уходила из них.

Вернулся он домой уже под вечер. Зашел на кухню. Мать суетилась возле плиты. Увидев вошедшего Витьку, сначала немного помолчала, как будто собираясь с мыслями, а потом все-таки высказалась:

– Ты бы шел, Витя, в пединститут. – Сказала она, нарезаая острым ножом капусту и высыпая ее в большую кастрюлю. – Я все узнала. Там в прошлом году конкурс был всего три человека на место. К тому же мальчиков всегда не хватает. На «тройки» сдашь и пройдешь. В педагогический мальчиков и с «тройками» берут.

Витька улыбнулся – тема была старая.

– А что, Витя, ты улыбаешься? Почему ты все время улыбаешься, когда я с тобой серьезно разговариваю? – мать вытерла руки о фартук и села за стол. – Пора, сынок, в жизни определяться. Я тебе дело говорю. Поверь мне. Мать ведь плохого не посоветует.

– Работа физически не трудная, – убеждала она его, – не то, что в колхозе на тракторе или комбайне – весь в мазуте и

без выходных и проходных. Поработаешь годик-другой, женишься, квартиру, глядишь, дадут. Молодым специалистам квартира по закону положена, тем, кто семейный, конечно, – добавила она.

– А, может, когда опыта педагогического наберешься, и в директора выбьешься. У нас любят мужчин на руководящие должности выдвигать. Только часто некого – куда ни глянь, одни бабы, а мужики все спились давно.

Сказав это, мать задумчиво посмотрела на Витьку.

– Главное, сынок, не пить; гадость эту не пить, – повторила она. – Тогда все хорошо будет и в семье, и на работе.

– Не хочу я продвигаться, мам, и жениться тоже не хочу, – отнекивался Витька, – и директором быть не хочу.

– А ты, сынок, подумай, не руби с плеча. Все-таки судьба твоя решается.

– Хорошо, – пообещал Витька, в его глазах бегали озорные огоньки. – На счет директора я обязательно подумаю. И, наверно, решу положительно.

– Ты опять за свое! – мать в шутку замахнулась на него полотенцем. – Я с ним серьезно, а он взял моду над матерью подшучивать.

Витька поднял кверху руки.

– Все, мам, сдаюсь. Убедила. Поступаю в пединститут.

– Вот то-то же, – мать улыбнулась и довольная пошла к плите доваривать борщ.

Витька обманул мать. Он уже твердо решил, что будет поступать в училище. Выпускные экзамены он сдал успешно, без «троек». Тренер тоже порадовал, выписал ему зачетную классификационную книжку спортсмена, в которой черным по белому было написано, что у него третий взрослый разряд по легкой атлетике.

– Поздравляю, – сказал Гурин, вручая книжку. – За четыре месяца третий взрослый – это совсем неплохо.

Витька с гордостью принес зачетную книжку домой и показал матери.

– Молодец, сынок, – похвалила она. – Мужчина должен быть сильным. Потому как он защитник.

Перед тем, как ехать для сдачи экзаменов в училище, у него состоялся еще один разговор с матерью. Несколько раз

он входил к ней в комнату, думая, наконец, сообщить ей о своем решении, но в самый последний момент ему не хватало смелости. Времени до отъезда оставалось все меньше и меньше.

Как-то вечером, выбрав момент, когда у матери было хорошее настроение, он все-таки решился все рассказать, но начал дипломатично, издали.

– А ты к военным как относишься? – спросил он как бы между прочим. Мать сразу почувствовала неладное.

– Ты это к чему, сынок? – спросила она, глядя ему в глаза. – Неужели в училище надумал поступать? А как же институт? Ты ж обещал!

В ее глазах заблестели слезы.

– Только ты не плачь, мам, – попросил Витька, поняв, что его планы раскрыты.

Отпираться было глупо.

– Я, действительно, решил стать офицером. Буду поступать в училище связи.

– Господи, – мать прикрыла рот рукой. – Ну за что мне такое наказание? Думала, хоть за сына порадуюсь, а тут такое.

– Ну, я тебя прошу, Витя, не делай этого, – причитала она, складывая руки на груди. – Ну, не хочешь быть учителем, иди в агрономы. Чем тебе плохо? Далось тебе это училище. Зачем? Горе-то какое. Разве для этого я тебя растила? Как же я теперь одна?

Масла в огонь подлил отец, который был как раз дома.

– Убьют тебя, вот и все дела, – сурово сказал он, случайно оказавшись свидетелем этого разговора. – Нашему роду на войне не везет. Отца моего покалечило, а двух братьев его, дядю Федора и дядю Николая, и вовсе убило. Даже не знаем, где могилы. Только на мемориале фамилии выбиты в числе других, и все. Зачем судьбу испытываешь? Иди в учителя, мать правильно говорит – в тепле, при должности, да и при деньгах. Посмотри, что в мире делается. Меня в Венгрии во время антисоветского мятежа в пятьдесят седьмом тоже друзья наши, демократы, чуть-чуть не угробили. Бог уберег. К тому же, я мужиком был, не тебе чета. Силушка постоять за себя была – кулаком чашку алюминиевую гнул на спор.

Мать, вытирая слезы, тоже слушала отца. Она даже стала улыбаться. Только улыбка была грустной, а в глазах – надежда:

– А вдруг послушает и одумается? Отец ведь родной, не чужой человек с улицы, советует.

Отец закурил, вспоминая, как оно было. Раньше он об этом никогда не рассказывал даже жене.

– Женщина с ребенком выбежала к нам, вроде как за помощью, и позвала в подъезд двухэтажного дома. Я быстро спрыгнул с танка и за ней. Только вошел, а мне нож в бок. В глазах потемнело, я к стенке прислонился, чтобы не упасть. Кровь из бока хлещет. Я рану рукой зажал и по стеночке к своим. Из подъезда вышел и упал навзничь. Меня ребята – на танк и в медсанбат. Еле выкарабкался, полгода по госпиталям мыкался. А ты, Витька, для армии не годишься.

Он перевел дыхание. Видно было, что отец нервничал, от того и слова давались ему тяжело.

– Характер у тебя штатский, – продолжил он после небольшой паузы. – Вон в соседнее село в прошлом году цинковый гроб привезли – гвардии старшего лейтенанта. Выполнил свой интернациональный долг где-то в Африке. С салютом хоронили, как положено. И, как говорится, вечная память. А ты слушай и делай выводы, коли не дурак.

Витька слушал отца молча. Он еще никогда не разговаривал с ним так откровенно и по-мужски жестко. Но ему не нужна была эта запоздалая отеческая забота. Тонкая нить, связывавшая их когда-то, была давно разорвана. Мать после отцовских слов снова запричитала.

– Витенька, сыночек, не надо тебе в армию, родной, пожалел бы ты меня.

– Да будет тебе причитать-то! – грубо оборвал ее отец. – Плачешь, как над покойником. К слову это я сказал. Ведь не убили еще, и может статься, что и не убьют. Вон в газетах пишут, международная обстановка потеплела. Переговоры идут о разоружении.

Витька молчал, ему было жалко мать.

Прошло время, мать немного успокоилась, свыклась с тяжелой для нее мыслью, что сын свяжет свою жизнь с армией. Надежды на то, что он будет всегда рядом с ней, не оправдались.

Наступала пора расставания. Витьке тяжело было уезжать из родного села. Здесь все было родным и знакомым, впереди его ждала неизвестная жизнь. Жесткие, с запоздалой заботой, слова отца не пугали, напротив, он решил доказать ему, что способен на многое и что не такой уж у него штатский характер.

– Раз он смог, я тоже смогу, – убеждал он себя.

3

В училище курсанты Виктор Долгов и Игорь Пилипенко попали в один взвод.

– Давай держаться вместе, – предложил Пилипенко в первый день знакомства. – Одному тяжело лямку тянуть, вдвоем всегда легче, прорвемся в случае чего. Как у нас говорят в станице, гуртом и батьку бить хорошо. Ну, – сказал он, протягивая руку, – было пять, стало десять! Так мой отец говорит.

Витька протянул ему свою руку.

– Я согласен, – сказал он, – давай вместе.

В этот же день в казарме распределяли места между курсантами. Пилипенко быстро сориентировался и выбрал кровать, стоявшую возле окна.

– Не толпитесь, люди, – сказал он, подходя к долговязому рыжему курсанту, суетившемуся возле койки.

– Здесь все занято, – Пилипенко по-хозяйски положил на матрац свою сумку.

– Я первый сюда подошел, – пытался возражать долговязый. – Тебя здесь не было.

– Я ж тебе русским языком объясняю, – повторил Пилипенко. – Мы эту койку давно забили, я и мой друг. – Он показал рукой на Долгова, который стоял в стороне. – Или, может, у тебя со слухом плохо? – переспросил он. – Если так, то для глухих и туго соображающих повторяю: место занято, дядя, и прошу по-хорошему! Вали отсюда! Фирштейн?

Пилипенко демонстративно расправил свои широкие плечи и пошел на долговязого, тот немного помялся, глянул на Долгова и, забрав свою сумку, с недовольным видом пошел искать себе другое место.

– Зря ты так с ним, – сказал Долгов. – По-моему, он нормальный парень.

– Ничего, перебьется. – Пилипенко сел на койку, пробуя упругость пружины. – Он для чего в армию пошел?

Долгов пожал плечами.

– Чтобы стойко переносить невзгоды и преодолевать тяготы воинской службы, – ответил за него Пилипенко. – Вот пусть теперь переносит и преодолевает. А мы таких фрайеров одной левой делаем. И запомни, в коллективе главное с самого начала себя поставить.

Виктор расположился наверху, Игорь внизу.

– Ты худенький, – объяснил Пилипенко, – тебе легче, чем мне, наверх запрыгивать.

Виктор не спорил.

– Наверху, так наверху, – сказал он. – Мне разницы нет.

Несмотря на различие характеров, они довольно быстро сблизились и стали, что называется, не разлей вода. Первое время трудновато приходилось, все было новым. Привыкали к утренним пробежкам, бесконечным построениям, казенной еде, новым отношениям с преподавателями и товарищами по взводу и, вообще, к суровой армейской жизни. Особенно было трудно Долгову. Не все получалось; он скучал по матери, по друзьям; когда после трудного дня наступала ночь, видел во сне свое село, дом, старое дерево на берегу речки, школу, цепи белых заснеженных хребтов в голубой дымке. После таких снов утром он испытывал какое-то душевное волнение. Виктор никому не признавался в этом, носил в себе, считая, что эти тонкости и сантименты не к лицу будущему офицеру. Через месяц-другой он пообвык, успокоился, вошел в рабочий ритм трудной курсантской жизни и стал вместе со всеми, что называется, грызть гранит военной науки. Когда приходили письма от матери, всегда перечитывал их по нескольку раз и складывал в верхний ящик своей тумбочки. Преподаватели отмечали его умение логически мыслить и отличную память.

Лидером в их взводе, несмотря на среднюю успеваемость, был Пилипенко. Он умело налаживал нужные контакты, быстро решал мелкие бытовые проблемы, возникавшие ежедневно. Как спортсмен, Игорь пользовался уважением – физическую силу ценили во все времена, тем более в курсант-

ской среде. Он всегда был в курсе всех новостей и событий, умел разговаривать с начальством. Никто не удивился, когда именно Пилипенко назначили заместителем командира взвода.

Первый семестр тянулся долго. Казалось, что долгожданные каникулы не наступят никогда.

– Я, когда домой приеду, – мечтал, лежа на койке, после отбоя Пилипенко, – так сразу попрошу мать борщ сварить с гусятиной. Мне он по ночам стал сниться. Надоела казенная жратва. Хочется поесть по-человечески: налить до краев тарелку, положить туда гусиную ногу в пупырышках, отрезать ломоть колхозного поджаристого хлеба с хрустящей корочкой, намазать его густой домашней сметаной и долго-долго, не спеша, все это есть. Потом, конечно, выплюсь хорошенько, ну, а вечером наглажусь и – на танцы в клуб. У нас девченок в станице много и все красавицы – ладные, разбитные, веселые. У меня до училища девушки не было, теперь хочу обзавестись. Не солидно как-то, понимаешь, курсант и без подруги. Вроде молоток без ручки, – пошутил он. – А у тебя какие планы, старик? Ты чего там притих? Пилипенко посмотрел наверх, туда, где молча лежал Долгов.

– Не знаю, – отозвался Долгов. – Мама, наверно, пирогов напечет, ватрушек всяких. Она всегда что-нибудь печет. Хоккей по телеку посмотрю, почитаю. У нас дома книг много разных, целая библиотека.

– Не о том думаешь, – возразил ему Пилипенко. – Книжки на пенсии будем читать. У меня планы другие, более интересные. Хочу с противоположным полом мосты навести.

– Эй, – окликнул их кто-то сонным голосом из дальнего угла казармы. – Кончайте базарить. Потерпите. Утром мосты наведете. Дайте людям поспать!

Витька повернулся на бок и закрыл глаза. Он лежал в полудреме, перед тем, как окончательно уснуть, ему почему-то вспомнились Марина и дерево, к которому они вместе ходили. Что-то сжалось у него внутри, то ли от нахлынувшей нежности, то ли от тоски по родному дому. Зима заканчивалась, впереди были долгожданные каникулы.

Когда Долгов на автовокзале сел в автобус, был уже поздний вечер. Дорога была неблизкой. Он с интересом наблю-

дал, как за окном мягко бегущего по трассе «Икаруса» проплывают зимние ночные пейзажи. Кругом белели занесенные снегом поля. Вдоль обочины лежали сугробы, деревья в придорожной лесополосе гнулись под тяжестью налипшего за день снега, покрывшегося к ночи тонкой коркой льда, от этого они блестели в свете автобусных фар, как стеклянные. За окном довольно часто попадались утонувшие в сугробах по самые крыши фермы, различимые в ночи по желтым далеким огням. На одной из остановок рядом с ним села молодая круглолицая, одетая в теплое драповое пальто женщина.

– На вот, подкрепись, – протянула она ему большой плоский пирожок. – Напекла в дорогу, в гости к сестре еду.

Он хотел было отказаться, но есть, действительно, хотелось.

– Бери, бери, не стесняйся, – добавила как-то совсем по-свойски соседка, доставая из сумки, стоявшей в проходе, еще один пирожок. – Мужчина вообще должен много есть, особенно солдат.

Аргумент возымел действие. Виктор съел три пирожка, запил лимонадом, который был у него в сумке, и по всему его телу разлилась блаженная лень. Он закрыл глаза и представил свое село, все замеченное снегом. Одна картинка сменяла другую, и как-то незаметно он задремал. Беспокойная соседка тоже заснула, ее голова постепенно сползла к нему на плечо, он почувствовал какую-то неловкость. Виктор пошевелил рукой.

– Ой, – она смущенно поправила платок. – Извини, солдатик, сморило меня что-то.

У водителя совсем тихо заработало радио. Проехали какой-то большой город. По обе стороны шоссе сверкали огни. Прошло совсем немного времени, и голова попутчицы снова оказалась у него на плече. В этот раз Долгов решил ее не будить.

– Пусть себе спит, – думал он, – как-нибудь доедем.

Под утро она сошла, попросив водителя остановиться возле небольшого, стоявшего в заснеженном поле хутора домов из десяти. На прощание улыбнулась. Ее широкое полное лицо выглядело немного наивно, а шерстяной платок на голове выдавал сельскую жительницу.

– Ну, счастливо тебе добраться, – сказала она. – Служи хорошо, солдатик, чтоб мать тобой гордилась.

«Икарус» прибыл на городской автовокзал рано утром. У входа, зевая, прохаживался милиционер в шапке, шинели и надраенных до блеска сапогах. Долгов посмотрел расписание. Первый автобус отправлялся только через час. Ждать не хотелось. Отсюда до села быстрым шагом можно было дойти минут за тридцать. Он достал из внутреннего кармана пачку папирос, закурил, прикрывая рукой огонь спички от ветра, и пошел по засыпанной снегом дороге домой. На окраине села, учуяв постороннего, залаяли во дворах собаки. Улица, по которой он шел, была безлюдной, вдоль дороги, покачиваясь на ветру, горели редкие фонари. На душе у Долгова было спокойно и радостно оттого, что сейчас он поднимется по скрипучему порогу, откроет дверь, вдохнет запах родного дома и будет смотреть, сидя на диване, как мать суетливо хлопочет на кухне, собирая на стол. Об отце он не думал. Он вообще редко вспоминал о нем, а когда вспоминал, то в груди тяжелело, словно на сердце ложился холодный камень.

Когда он вошел в дом, мать уже была на ногах. Она встретила его у порога, всплеснула руками, обняла, расцеловала на радостях. Отец тоже уже не спал. Он пожал Витьке руку, похлопал по плечу.

– Смотри, а ничего, – сказал он матери, – и форма ему идет.

– Ну, вот я и дома, – подумал Виктор, ставя на пол сумку.

На следующий день он пошел в школу на вечер встречи с выпускниками. Ребят из класса было довольно много, девочки тоже пришли. Дискотека, как всегда, проходила в спортзале. Виктор с одноклассниками сходил в соседний магазин за сухим вином. На закуску взяли сыра, колбасы и конфет для девочек. Стол накрыли в кабинете физрука, Гурин не возражал.

– Беру ответственность на себя, – сказал он. – Вы уже взрослые, а мне терять нечего. Не под забором же вам праздновать встречу. Уволят, уйду тренером в ДЮСШ.

В маленькую комнатку с письменным столом и многочисленными кубками на полках набилось много народу. Боль-

шинство было из Витькиного класса. Пили за дружбу, за такое хорошее школьное время. Разошлись поздно, после одиннадцати.

Дни отдыха летели быстро. Иногда по вечерам Виктор ходил в кино. В клубе все было по-старому, даже баба Дуся в своем выцветшем от времени и побитом в нескольких местах молью салопе по-прежнему сидела у входа и торговала семечками. Как-то вечером, уже перед самым отъездом, Виктор выбрался в город. Сначала забрел на танцы, но никого из знакомых там не встретил. Рано возвращаться домой ему не хотелось. Он немного прогулялся по занесенному снегом городу, зашел в кафе, которое все местные называли «аквариум». Здесь тоже ничего не изменилось: столики на тонких ножках, пальма в углу – как в то, теперь уже далекое лето, когда они с Мариной зашли сюда после кино. Витька тогда заказал мороженое и лимонад, в его кармане лежали два рубля, и он переживал, хватит ему этих денег или нет. Они сидели, как взрослые, ели мороженое, разговаривали, слушали музыку. Виктор прошел через зал и сел за тот самый столик в углу, возле пальмы, заказал бокал сухого вина и мороженое, выпил, не спеша, вино, съел мороженое, посыпанное, как в детстве, сверху шоколадной стружкой.

– У вас курят? – спросил он официантку. Она молча поставила ему на столик пепельницу. Посидев еще немного, Виктор вышел из кафе на аллею.

Сосны были усыпаны только что выпавшим пушистым и казавшимся почти невесомым снегом. Круглые уличные фонари, стоявшие вдоль аллеи, источали мягкий матовый свет, который устремлялся куда-то вверх, расчерчивая ночное небо с летящими в нем снежинками тонкими светлыми линиями. Виктор дошел до вокзала и сел в автобус. В окно ему было видно, как от залитого огнями ночного перрона трогается пассажирский поезд.

Дни, оставшиеся до отъезда, он провел дома – много читал, смотрел телевизор, дремал на диване. Когда просыпался, шел на кухню и что-нибудь ел. Так прошли его первые каникулы, ничем выдающимся отмечены они не были. Собирая его в дорогу, мать суетилась, стараясь ничего не забыть. Отец ходил по дому дымя папиросой, изредка покашливая.

Первым, кого Долгов встретил, прибыв в училище, был его сокурсник курсант Степаненко. Он столкнулся с ним рядом с КПП.

– А Пилипенко еще утром приехал, – доложил Степаненко, протягивая ему руку. – Вон он возле столовой курит. Там на кухню двух новых поварих приняли. Девушки симпатичные, сразу после училища. Теперь все туда рвутся – знакомятся. Пилипенко тоже побежал, – рассмеялся Степаненко.

Долгов пошел к столовой. Игорь стоял у входа и улыбался ему своей широкой белозубой улыбкой.

– Ну что, познакомился? – спросил Долгов, протягивая руку.

Игорь ответил на приветствие и с досадой швырнул окурок в урну.

– Ага, тут познакомишься. – Там четвертый курс все оккупировал, к новеньким никого на пушечный выстрел не подпускает!

Они пошли мимо плаца к казарме. Здесь курсанты занимались строевой подготовкой. Порывистый ветер доносил обрывки команд.

– Взво-о-о-д, рав-няйсь! Смир-но-о! – Отдавал команды молодой шустрый лейтенант. – Правое плечо вперед. Шагом марш!

– Ну, а у тебя, старик, как там, на женском фронте? – спросил Игорь, когда они вошли в казарму.

– Ищу единственную и неповторимую, – ответил Долгов, раздеваясь у вешалки.

– Ну и что, нашел?

– Да пока похвастаться нечем.

Пилипенко ухмыльнулся.

– Нет, старик, ты меня удивляешь. Я, наверно, за тебя возьмусь, – он поправил шапку, сдвигая ее по-казацки на затылок. – Зачем таким, как ты, каникулы? Спать и телек смотреть? Молодость, Витя, она и дана для того, чтобы насыщать ее удовольствиями. Глазом не успеешь моргнуть, старость нагрянет. А ведь вспомнить будет нечего. Вот у меня, например, полный ажур. Классика жанра. Все, как в индийском кино. Познакомились на танцах, среди шумного бала,

случайно. Я весь вечер от нее ни на шаг и, как положено, провожаю девушку до хаты, ну а потом, – он выдохнул воздух из легких, – ну а потом все, как в сказке, легкий интим с поцелуями при луне на лавочке на десятиградусном морозе.

Правда, на следующий день в клубе на танцах ко мне подружили двое. Станица у нас большая, я их до этого никогда не видел. На вид им было лет по двадцать пять, если не больше, здоровые лбы, оба пьяные. Предложили мне выйти на свежий воздух поговорить. Ну, вышли. Один мне говорит:

– Чтобы я тебя возле Ленки больше не видел, а то башку, как лампочку, откручу! – Потом вынул изо рта бычок, сбил пепел себе в ладонь и сдул его мне в лицо со смехом. Дергай, – говорит, – отсюда, пока ветер без камней.

– Ну, а ты? – поинтересовался Витька.

– А я что? Одному провел бросок через бедро, другому «мельницу» сделал. Это тоже бросок, только через плечевой пояс. Ну потом, когда я их таким образом «успокоил», они отвалили. Правда, пообещали, что в долгу не останутся.

– Леночка все видела, оценила, сказала мне, что я молодец, – не без гордости сказал Игорь. – А перед моим отъездом, представляешь, хотела даже с родителями меня познакомиться.

– Пошел?

– Что я псих? Конечно, отказался. – Игорь подмигнул ему. – Знаю, для чего с родителями знакомят. Они же все спят и видят, как замуж выскочить. А мне жениться еще рано. Сказал, что стесняюсь. Ну и все такое...

– Ну, а она?

– А что она? – лицо Игоря растянулось в довольной улыбке. – Сказала, что будет меня ждать. А я и не против, пусть ждет, – он засмеялся. – Знаешь, это приятно, когда тебя ждут. Слушай, а у тебя как с этим делом?

Он стал в боксерскую стойку, выставив вперед левую руку, сжатую в кулак, правой прикрыл подбородок, пританцовывая, как заправский боксер. Игорь сделал несколько движений головой и корпусом, как бы уклоняясь от ударов предполагаемого противника, и неожиданно нанес Долгову несильный удар в живот. Закрыться от удара или отступить Виктор не успел, так быстро все произошло.

– Драться умеешь? – продолжая атаковать, спросил Пилипенко. – Давай, нападай. Не стой, как пень.

– Да я, в общем-то, по этой части не очень, – признался Виктор, – неумело закрываясь от несильных, но точных ударов Пилипенко.

– Это плохо, – категорично заявил Игорь, опуская руки. – Мужчина всегда должен уметь постоять за себя. Ну да ладно, это мы поправим. Драться я тебя научу. Перчатки возьмем у Слона.

– У какого слона? – не понял Виктор.

– У курсанта Соломоненко из второго взвода. Плотный такой, с перебитым носом. Он перворазрядник, на секцию бокса в город ездит. Его отпускают по распоряжению начальника училища. Был бы я перворазрядником, меня бы тоже отпускали, – с завистью сказал Пилипенко. – У него и лапы, и перчатки есть. Я сам видел. Он свой парень, даст обязательно. Так что тянуть не будем. На этой неделе и начнем.

Игорю нравилось выступать в роли наставника. Он оказался прав, Слон боксерские перчатки и лапы дал.

– Если нужны мои консультации или помощь, – обращайся, – сказал он, отдавая Игорю перчатки.

– Пока своими силами справляемся, – весело ответил Игорь, вешая их на шею. – Мы и сами кое-что можем.

– Ну-ну, – сказал Слон, щуря свои и без того узкие глаза. – Будут деньги, заходи.

– Бить, Витя, нужно всегда первым, – говорил Игорь своему другу, становясь в стойку и показывая, как нужно наносить удар. – Сначала уклон, потом шаг вперед и серия два или три удара. На отходах тоже бьем. И не жди, когда ударят тебя. Это только в кино сначала бьет плохой, а потом хороший отвечает. В жизни все не так. Оценил обстановку, принял решение и нанес удар, и, главное, поменьше думай в такие моменты. Это вредно. Нужно не думать, а делать. Ударил первым, значит, получил преимущество, соответственно, решил вопрос в свою пользу. Может, это, конечно, со стороны выглядит и не очень благородно, но зато надежно и проверено многократно жизнью и мною лично. Решать вопросы в жизни нужно именно так, Витек, – он похлопал Долгова по плечу.

– Учись, пока я живой. – Так любил говорить его отец, и он тоже иногда пользовался этой поговоркой.

Игорю легко было рассуждать. Он занимался в секции самбо, еще со школы неплохо боксировал, баловался гириями и, вообще, от природы был наделен недюжинной физической силой. Виктор с ним не спорил, понимал – в этих вопросах Игорь для него незыблемый авторитет. День за днем методично Игорь учил Виктора азам бытовой драки.

– Слушай, – уговаривал он Долгова, – давай к нам на секцию. Хватит этой кустарщины.

Виктор не соглашался.

– Какой из меня самбист? – говорил он. – Нет, уж ты там как-нибудь сам, без меня.

Пилипенко агитацию снял, но заниматься с Долговым не бросил. Учил добросовестно броскам, захватам, ударам. Для этой цели иногда использовались и занятия по физической подготовке. В примыкавшей к спортзалу снарядной комнате лежали гимнастические маты, и заниматься на них было удобно.

Виктор, видя, что у него кое-что получается, все ждал случая, чтобы проверить себя в деле и узнать, на что он способен. Не скоро, но этот случай все же ему представился. В самом начале третьего курса случилось ЧП. Они с Игорем пошли в самоволку или, как ее называли курсанты, самоход. В самоходы они, разумеется, ходили и раньше, когда удачно, когда не очень. Один раз их даже задержал патруль. Как положено, задержанных без увольнительных документов курсантов доставили в комендатуру, и комендант дал им двое суток гауптвахты на двоих. Начальник училища, когда ему доложили, расвирепел и тоже не остался в долгу, добавив от себя по три наряда вне очереди, и пообещал в следующий раз вообще отчислить их из училища. Спасло то, что они были при задержании трезвыми.

– Впредь умнее будем, – сделал вывод Пилипенко, которого чуть не сняли с должности заместителя командира взвода. – Ночью гулять нужно, когда патрулей нет.

Старшекурсники в увольнения ходили практически каждое воскресенье. Главное было не попасть в этот день в наряд или караул и не нахватать за неделю «неудов». Но в

этот раз увольнение накрылось медным тазом, так дословно сказал им на утреннем осмотре командир взвода старший лейтенант Блинов, заступивший дежурным по роте. Долгов не сдал зачет по тактике, которую он почему-то не любил, предпочитая технические дисциплины, а Пилипенко – по английскому языку. В школе Игорь учил немецкий, и теперь английский давался ему с большим трудом.

– Зачем мне иностранный язык? – говорил Пилипенко преподавательнице английского – старенькой женщине, не злой, но очень требовательной и строгой к нерадивым курсантам, – я лично в плен сдаваться не собираюсь!

Легальный выход в город был закрыт, но лишать себя законного отдыха друзьям не хотелось. Весь день погода стояла теплая, к вечеру неожиданно похолодало, и на город опустился туман – осень брала свое.

– Туман – это то, что нам нужно, – Пилипенко задумался и посмотрел на часы.

– Сейчас шесть часов. Ужинаем и на пару часов сосканиваем в город. Пивка выпьем, прошвырнемся, на людей поглядим, а к вечерней поверке вернемся. Доставим нашему командиру удовольствие пересчитать нас лично. Ты как? – обратился он к Долгову.

– А если опоздаем или задержат? – в голосе Виктора чувствовалась озабоченность. – Мы с тобой и так в черном списке. Так можно и из училища вылететь.

– Да успеем мы, старик, – Пилипенко выглянул за дверь, чтобы убедиться, не слышит ли их кто-нибудь из начальства.

– Одна нога здесь, другая там. Скоро стемнеет. А патруль, – он махнул рукой, – нас ведь еще догнать нужно. А ночью, как известно, все кошки серы. Как говорили гусары, кто не рискует, тот не пьет шампанского. А мне как раз сегодня охота выпить.

После ужина они зашли за столовую, стоявшую особняком в глубине двора и закрывавшую от посторонних глаз часть забора, легко перемахнули через высокую стенку из красного кирпича и оказались на плохо освещенной улице, которая находилась в задах училища. Пивная, в которую они направлялись, располагалась совсем неподалеку, минутах в десяти – пятнадцати ходьбы. Центральных шумных

улиц они избегали, шли закоулками, чтобы не столкнуться с патрулем или с кем-нибудь из преподававших у них офицеров. Настроение у приятелей было хорошим. Иногда им навстречу попадались небольшие группы девушек – неподалеку был техникум. Пилипенко каждый раз останавливался, провожая их взглядом, смотрел на часы и качал головой. В пивной, куда они пришли, было накурено и шумно. В выходные здесь всегда было много людей. Она считалась безопасной – патрули сюда никогда не заходили, потому что пивная располагалась в стороне от центра. Курсанты регулярно посещали это заведение. Здесь всего за два рубля можно было выпить пива и перекусить сытными и вкусными чебуреками. К вечерней поверке они успели. Переключку проводил старшина. Блинов сидел в это время в красном уголке и смотрел по телевизору футбол. Матч был международным, и он не хотел отвлекаться. Старшина доложил Блинову, что вечерняя поверка проведена успешно и что рота в полном составе готовится ко сну.

– А не провести ли нам девочек с ХБК? – предложил Игорь, когда они вернулись после поверки в казарму. – Там танцы в ДК обычно до одиннадцати, еще успеем. Можем напроситься к кому-нибудь в гости, если повезет. У меня там знакомые в женском общежитии имеются.

Виктору идея с танцами показалась неплохой.

– Пиво, бабы, папиросы? – спросил он. Такая присказка была у их взводного.

– Мне, если можно, только второе, – ответил Игорь. – Знаешь, старик, – признался он, – я заметил, что без женщин начинаю тупеть.

Миновав дневального на входе, они быстрым шагом вышли из казармы. Привычным способом перебравшись через стенку, друзья опять оказались на темной улице. Трамвай быстро домчал их до нужной остановки.

Дворец культуры Хлопчатобумажного комбината находился на восточной окраине города. Рядом располагалось сразу несколько женских общежитий, куда и любили нырять многие курсанты. ДК этот пользовался дурной славой. Обычно сюда на танцы приходили не только девушки с немного заниженными моральными нормами жизни, но и местная уголовная шпана. Они считали этот район своей территории.

ей и чувствовали себя здесь по-хозяйски вольготно. Оркестр заиграл лезгинку. Это был последний танец, народ начал потихоньку расходиться. Долгов осмотрелся. Игорь куда-то исчез. С ним и прежде такое случалось. Не было видно и блондинки, вокруг которой Пилипенко кружил последние полчаса.

– Наверно, в провожатые набился, – подумал он. Его поражало умение Игоря быстро запудривать женщинам мозги.

В этот раз, вопреки местным традициям, драки почему-то не было. Долгов направился к остановке. Он шел по темной улице один, периодически оглядываясь, не покажется ли где знакомая фигура его друга. Маршрут ему был хорошо знаком, чтобы срезать путь, Виктор, как обычно, свернул в узкий переулок. Место здесь было глухое, люди ходили редко. Внезапно впереди себя он увидел группу парней – их было человек пять. Они шли прямо на него. Виктор остановился. Когда парни подошли ближе, одного коренастого лопоухого типа в кепке он узнал сразу. Во время танцев этот парень с вызывающим видом ходил по залу, не обращая внимания на дружинников и замечая клешами гладкий пол. Иногда он отапливался возле танцующих, бесцеремонно, с улыбочкой что-то говорил, скаля при этом редкие кривые зубы, потом шел к ансамблю, по пути толкая, как бы случайно, встречавшихся ему молодых ребят, провоцируя их на конфликт. Те на конфликт не шли, осторожничали, видимо, зная, с кем они имеют дело. Несколько человек из свиты лопоухого курили в это время у входа. Было видно, что они пришли сюда не танцевать. По повадкам в жожаке без труда можно было определить бывшего зэка.

Страху Виктор не испытывал, он прошел еще несколько метров вперед и остановился. Ждать подмоги было неоткуда, нужно было как-то выкручиваться самому.

– Ну что, побазарим? – спросил жожек, выступая немного вперед. – У нас к тебе вопросы возникли. Ответить бы надо. Жаль только, дружок твой соскочил, – лопоухий изобразил на лице удовольствие оттого, что кто-то его испугался.

– Шустрый он, не успели глазом моргнуть, а его уже и след простыл. Бегает хорошо.

В толпе захихикали.

Долгов молчал. Как разговаривать с уголовниками, он не знал. Оправдываться было глупо, а убеждать их в своей невинности он считал унижительным. К тому же, Виктор понимал, слова здесь не помогут. Силы были не равны. Он ждал развязки.

– Что же ты, баклан, – вызывающе обратился к нему главарь, – пришел в гости, а ведешь себя, как хозяин?

Он гаденько улыбнулся, оглянулся назад. Остальные засмеялись, поддерживая главаря и как бы нехотя, вразвалку, широко расставляя ноги, медленно пошли на Виктора. В конце переулка, тускло горел фонарь, иногда мелькали человеческие тени. Еще можно было развернуться и попытаться убежать, но что-то мешало Долгову сделать это.

– Не нравится мне этот пассажир, – сказал лопоухий, обращаясь к своим подельникам. – Бикс наших весь вечер кадрил, а нам хоть бы полбанки поставил на общак. Это ж полная борзота. Желая получить! – лопоухий подошел к Виктору совсем близко. – Или, может, ты извинения попросишь? А? Не слышу! – Он приложил ладонь к уху. Толпа, стоявшая у него за спиной, снова засмеялась.

Долгов молчал. Он отступил к стене, прижался к ней спиной и, ослабив правую ногу, принял оборонительную стойку, как учил его Игорь.

– Только бы не упасть, – подумал он, – если упаду, тогда все, конец, добьют ногами. У этой братии понятий о чести нет, здесь лежачих бьют.

В переулке послышался шум приближающихся шагов. Нападавшие испуганно оглянулись. Внезапно перед ними, словно из-под земли, возник Пилипенко.

– Витя, уходим! – крикнул он на бегу, врезаясь, как таран, в толпу урок.

Каким-то чутьем он определил главаря и ударил лопоухого коротким боковым в челюсть – тот упал, как подкошенный. Другой, стоявший рядом с вожакom, получил ногой в область коленного сустава. Падая, он схватил Игоря за воротник и увлек его с собой на землю. Все случилось так быстро, что Долгов не успел ничего сообразить. Он услышал только звук падающих тел и какую-то возню внизу. Понимая, что счет идет на секунды и мешкать никак нельзя, он сделал шаг вперед и ударил стоявшего напротив него верзилу ногой. Он

почувствовал, что попал во что-то мягкое. Верзила охнул и присел, схватившись руками за живот. Уже через мгновение Пилипенко был на ногах и стоял рядом с Долговым. В рядах нападавшей стороны произошло небольшое замешательство, они не ожидали такого серьезного, а главное, быстрого отпора и поэтому опешили. Этой секунды хватило на то, чтобы, быстро сориентировавшись в обстановке, рвануть со всех ног подальше от этого места.

Друзья бежали в сторону трамвайных путей. Минут через пять они остановились и прислушались. Погони слышно не было, их никто не преследовал. Они быстро, даже не глянув на номер, запрыгнули в подошедший трамвай и, доехав до ближайшей к училищу остановки, пошли дальше пешком. Только перебравшись через забор, они почувствовали себя в безопасности.

– Ты про наши с тобой подвиги помалкивай, – посоветовал Пилипенко, когда они зашли в казарму. – Черт его знает, как там все обернулось. Мы-то, вроде, целые, а вот они, наверно, не очень. По-моему, я одному ногу повредил. Твой тоже с недельку на больничном пробудет. – Игорь усмехнулся. – Это ты ему гарантировал.

– Я этих тварей знаю, – продолжал он шепотом, – они этого так не оставят. Будут нас с тобой искать, чтобы счета свести. Так что помалкивай. На танцы в ДК ходить больше не будем и ребят предупредим, чтобы там не светились. На месяц на дно заляжем. А ты ничего, молодец! Отоварил клиента, как положено. По правде сказать, не ожидал. – Игорь зевнул. – Ну, ладно, давай спать.

Виктор лежал молча. Он понимал, что сегодня прошла стороной серьезная опасность и что именно Игорю он обязан тем, что не лежит сейчас где-нибудь в кювете покалеченный и избитый. Сегодня беда прошла мимо и только обдала его своим ледяным дыханием. Но не о себе и Игоре думал он. Он думал о матери. Что было бы с ней, случись с ним несчастье? Смогла бы она пережить это? Имел ли он право рисковать собой, не думая при этом о той, для которой он был дороже и ближе всех?

Ему вспомнился один эпизод из прошлой жизни. Это было в конце десятого класса. Отмечали по соседству в доме од-

ноклассника какой-то праздник. Все уже немного выпили. В самой большой комнате свет был выключен. В обстановке полумрака медленно топталось под музыку несколько пар. Неожиданно за окном послышался рев мотоциклов. Кто-то настойчиво забарабанил в оконное стекло. На улице слышались громкие мужские голоса. Все мальчишки высыпали на улицу. Там они увидели сидевших на явах городских парней. Кампашка была явно навеселе.

– Разговор есть, – сказал один из них хозяину дома, озираясь по сторонам.

Разбираться с незванными гостями пошли на пустырь, подальше от посторонних глаз. Напуганные девчонки остались в доме одни.

То ли материнское сердце подсказало Витькиной матери, что ее сыну грозит опасность, то ли кто-то сказал ей об этом по-соседски, но через пятнадцать минут после их ухода она уже бежала к соседям. В дом она не вошла, а ворвалась. Мать искала Витьку безумными от горя глазами – зашла в одну комнату, в другую, в третью. Его нигде не было. Не найдя сына, она бессильно опустилась на стул, сняла с головы платок. Подбородок ее дрожал, руки были прижаты к щекам. Она с мольбой смотрела на стоявших вокруг нее девушек.

– Где он? – еле выговорила она. – Где Витя?

Кто-то протянул ей стакан воды.

– Да вы успокойтесь, тетя Валь, они скоро придут.

– Отдайте мне моего сына, – тихо, с мольбой, просила она, – он у меня один. Отдайте мне его.

Слезы катились у нее по щекам, лицо было искажено гримасой боли и страдания.

– У меня же, кроме него, никого нет. Как вы не поймете? Никого.

Девчонки молчали, они не знали, чем ей помочь.

Вскоре ребята вернулись. К счастью, тогда ничего серьезного не произошло. Просто крупно поговорили и разошлись. Мать, увидев Витьку целым и невредимым, успокоилась, и он увел ее домой. По дороге она просила у него прощения.

– Ты прости меня, сынок. Сама не знаю, что со мной случилось. Как нашло что-то. Соседка прибежала и сказала: «Витьку твоего городские куда-то повели. Окружили мотоциклетами и повели». У меня внутри все похолодело. Я так за

тебя испугалась. Ты ведь один у меня, больше никого нет, – повторяла она, пока они шли, одну и ту же фразу. – Ты ведь у меня один.

4

Преподаватель «Истории военного искусства» подполковник в отставке, высокий, худощавый, седовласый старик частенько беседовал с курсантами на житейские темы. На вид ему было лет семьдесят. Несмотря на возраст, он выглядел подтянутым, аккуратным, в нем чувствовалась какая-то старорежимность, что-то настоящее, то, что не могли убить годы, болезни, лишения. Его мундир украшали боевые награды, их было много. На лекции подполковник приходил в обычном штатском костюме, а военную форму надевал только по большим праздникам. Курсанты его уважали и любили. Он относился к ним по-отечески – двоек на семинарах не ставил, голос не повышал, конспектов не проверял и не требовал, и, тем не менее, его предмет все знали и занимались охотно. Говорил подполковник мягким тихим голосом, во всех его движениях была плавность, а в манере держаться и говорить чувствовалась интеллигентность. Удивительно было курсантам – внешность преподавателя никак не вязалась с биографией боевого офицера, прошедшего от начала до конца всю войну и закончившего ее в Праге, имевшего многочисленные ранения, в том числе два тяжелых, это было видно по прямоугольникам красных и желтых планок на правой стороне мундира. Иногда он любил беседовать с курсантами на отвлеченные темы, не имеющие прямого отношения к его предмету.

Четырехлетняя программа обучения в училище подходила к концу. На носу были выпускные экзамены. Долгова экзамены не пугали, он был уверен в своих знаниях. У Пилипенко ситуация была немного другой. Хорошей успеваемостью он похвастаться не мог, часто и густо получал на экзаменах «тройки», но должность заместителя командира взвода, которую он занимал уже четвертый год, и хорошие отношения с командиром взвода старшим лейтенантом Блиновым давали ему уверенность в том, что диплом об окончании училища и лейтенантские погоны он получит в любом случае.

– А вы боялись, что вас на фронте могут убить, товарищ подполковник? – неожиданно спросил один из курсантов. Аудитория притихла – вопрос был задан бестактно.

Пилипенко оглянулся и покрутил пальцем у виска. Тот махнул рукой.

Подполковник сразу не ответил – задумался.

– Вопрос, конечно, не простой, но я постараюсь вам на него ответить, – сказал он. – Каждый боится, что его убьют. Людей, которых не пугает смерть, нет. Вопрос в другом – как он ее боится? Это трудно объяснить. Все происходит на уровне чувств и ощущений. Один человек ощущает опасность остро, и это находит какие-то внешние проявления, другой держит эмоции в себе, наружу не выпускает. У каждого свое восприятие событий. Что касается страха в его привычном понимании, то его на фронте просто нет. Месяц, от силы два, и все. Как только новобранец становится солдатом, он перестает ощущать страх. Его вытесняют фронтовой неустроенный быт, чувство голода, постоянная усталость, бессонные ночи, лютый холод, жара, дождь, снег и другие природные явления. Когда нет крыши над головой, они воспринимаются по-другому. Постепенно свыкаешься с мыслью, что тебя могут убить, потому что смерть становится такой же естественной, как и жизнь. Ты видишь ее каждый день. Она всегда рядом – в окопе, в блиндаже, на марше, в медсанбате, в обороне и в наступлении. Она никуда не уходит. Она в печенке, в селезенке и в мозгу каждого, и поэтому о ней уже не думаешь, с ней живешь. И ничего героического в этом нет. Это нормальная реакция мужчины. Страшнее, когда отправляешь на смерть других. Это не просто. Но приказ есть приказ, его ведь, как известно, не обсуждают. А матери ждут сыновей, ждут, несмотря ни на что, и надеются. А дождутся не все. Пуля ведь убивает и рушит не одну жизнь.

Подполковник вытер платком пот со лба, сел на стул, полистал задумчиво журнал, собираясь с мыслями. То, о чем он говорил сейчас, было не из программы, а из сердца: он хотел сказать о том, что пережил, что понял за долгие годы войны.

Иногда во время занятий подполковник шутил. Как-то он увидел у кого-то из курсантов синяк под глазом. Мгновенно

нашел, что сказать. Как говорится, за словом в карман не полез.

– Вот это, товарищи курсанты, не что иное, как недоработка на занятиях по физической подготовке. Это очень плохо, когда курсант после увольнения возвращается в училище с испорченным фасадом. Какой же ты солдат, если позволяешь противнику упражняться на твоём лице? Вот, берите пример с курсанта Пилипенко. У него никогда фонарей под глазами не бывает, а вот у его оппонентов они, наверняка, есть.

– И еще, – добавил он, – запомните, а у кого память плохая, запишите. Это правило, – продолжал он, – выполняя которое, вы можете дослужиться даже до генерала, если, конечно, немного повезет...

У подполковника была редкая особенность делать неожиданные переходы от смешного к серьезному, и наоборот. Иногда было трудно понять, когда он говорит серьезно, а когда шутит.

– Советский офицер должен быть всегда первым, – он загибал пальцы на руке, подняв ее над головой, – в бою, в драке за свою честь и за честь дамы и, конечно, в любви. Если вы будете такими, женскую привязанность и карьерный рост я вам гарантирую. А это в жизни любого офицера немаловажный аспект!

Подполковник говорил, прохаживаясь вдоль кафедры.

– Вот закончите вы училище, женитесь, приедете в часть по месту вашей службы, обустроитесь, прослужите лет эдак с пяток, с вас слетит вся курсантская шелуха и спесь, и тогда кто-то из вас, может быть в первый раз, задумается над тем, зачем он выбрал этот трудный путь и что для него армия. Вот тогда, в эти самые минуты сомнения и внутренней борьбы, в вас и начнет формироваться настоящий офицер и, может быть, спустя годы, пройдя через лишения и потери, вы поймете, что главное для офицера вовсе не карьера, как многие из вас сейчас думают. Нет, не карьера. А что же тогда? – спросите вы. Он окинул взглядом аудиторию.

– Каждому из вас придется самому сделать выбор и ответить на этот сложный вопрос, как ответило в свое время наше поколение. Мы победили в той кровавой и тяжелой войне. Многие шли добровольцами на фронт, не дожидаясь

повесток, по зову сердца. Это был наш выбор. Это было то главное, что мы сделали в своей жизни.

Курсанты сидели тихо. Никто не шевелился. Последние слова подполковник произнес очень серьезно, и было видно, как глаза его увлажнились. Наверное, он вспомнил что-то свое, давнее, пережитое, что не поросло травой забвения. Стариковская сентиментальность не позволяла ему сдерживать свои чувства.

– Старик был сегодня в ударе, – сказал Пилипенко, когда они выходили из ворот училища. – Умственные упражнения почему-то пробуждают во мне зверский аппетит. Давай заскочим, купим что-нибудь пожевать. Можно по бутылочке пива взять. Сегодня, кстати, футбол по телеку. Динамо (Киев) играет.

Они зашли в магазин, купили, как обычно, хлеба, колбасы и сыра. Жигулевского пива Пилипенко взял четыре бутылки.

– Чтобы на два тайма хватило, – пошутил он, рассчитываясь на кассе.

На последнем году обучения курсанты были уже не на казарменном положении, им разрешалось жить на съемных квартирах. Это было немного накладно по деньгам, но зато очень удобно в бытовом плане. Казарма за годы учебы порядком надоела. Пилипенко и Долгов снимали квартиру неподалеку от училища. Вернее, даже не квартиру, а комнату на третьем этаже кооперативного нового дома. Хозяйка квартиры, Валентина Емельяновна, полная, круглолицая женщина средних лет с широченными бедрами, обладала всеми недостатками квартирных хозяек – она любила читать нравочения, воспитывать и всюду совать свой нос. Правда, она работала проводницей и, в связи с этим, редко бывала дома. Квартирантам это очень нравилось, потому что в отсутствие хозяйки всегда можно было как-то наладить личную жизнь. Если такая потребность возникала, то кто-то из них двоих, как правило, это был Долгов, либо шел в кино на последний сеанс, либо читал на кухне художественную литературу. Свои комнаты хозяйка запирала на ключ от греха подальше. Перед отъездом наказывала квартирантам никого в ее квартиру не водить. Говорила она бесцеремонно и резко.

– Узнаю, что баб водите, выгоню к чертовой матери на улицу. Так и знайте. Я свою квартиру в публичный дом превратить не дам! – говорила она, становясь в дверном проеме и занимая своими габаритами его полностью.

– Мы никого не водим, – отвечал Пилипенко. – Нам учиться надо, Валентина Емельяновна, а женщины и учеба несовместимы.

– Знаю я вас, кобелей, – говорила хозяйка. – Все у вас хорошо совмещается. Сама, небось, молодая была. Все надеялась, дура, на что-то, мечтала. Выпить можете на праздник, не возражаю, мужики как-никак. Это не грех, если в меру. Но чтобы баб ни-ни.

Проведя инструктаж, она уезжала в поездку дней на пять, а то и на все десять. Нужно было выплачивать за кооперативную квартиру, поэтому и квартирантов пускала.

В молодости событий всегда много, они идут чередой, сменяя одно другим, кажется, что все еще впереди, что главные события еще не наступили, что все происходящее – это только прелюдия перед большой жизнью. Дни складываются в месяцы, месяцы в годы – а годы летят, проходят безвозвратно, и человек замечает, к своему удивлению, что юность закончилась и наступила пора зрелости и время принятия серьезных самостоятельных решений.

Четыре года учебы пролетели незаметно. Оставалось всего несколько месяцев до экзаменов. Впереди курсантов ждали офицерские погоны и одновременно пугающая и манящая взрослая жизнь.

В конце зимы на дискотеке в училище Долгов познакомился с Верочкой – студенткой пятого курса филфака университета. Вместе с ней на вечере была и ее подруга Даша, тоже студентка, за которой сразу же начал ухаживать Пилипенко. После дискотеки друзья пошли вместе провожать девушек до общежития. Шли пешком, не торопясь. Пилипенко обнимал Дашу за талию и всех веселил. За ними шли Долгов и Верочка, она держала его под руку и громко смеялась над шутками Игоря. Так и встречаться стали – Долгов с Верочкой, а Пилипенко с Дашей.

Эксцентричный характер Пилипенко проявился и здесь. Не прошло и месяца, как он вдруг «прозрел» и неожиданно

воспылал чувствами к Верочке. Теперь он не мог простить себе, что тогда после танцев пошел провожать не ее, а Дашу. Верочка, конечно, была поэффектнее Даши. В ней бродила какая-то притягивающая к себе женская энергия, это чувствовалось во всем: в том, как она двигалась, смеялась, в манере разговаривать, в томном с поволокой взгляде. По сравнению с простоватой и романтической Дашей, она казалась более взрослой и прагматичной. В ситуациях, касавшихся ее личной жизни, Верочка никогда ничего не пускала на самотек и частенько брала инициативу в свои руки. Ее фигура и красивое лицо вызывали у мужчин восхищение. В этой области она чувствовала себя, как рыба в воде. Часто ее романы были непродолжительными. Уже после первых недель знакомства Вера разочаровалась в Долгове. Ей стало с ним скучно.

– Ты, Витя, парень хороший, – говорила она ему, – но скучноватый и молчаливый. Запомни, Витюша, женщины любят щедрых и разговорчивых мужчин. Не разочаровывай меня, а то нам придется расстаться.

Верочка не считала этот роман для себя чем-то особенным, выдающимся и не дорожила им. Никаких особых перспектив он ей не сулил.

Пилипенко скрывал от Долгова свое увлечение Верочкой, потому что сам еще не знал, что ему делать со своими вдруг неожиданно нахлынувшими чувствами. Он видел, что Виктор с его привычкой все усложнять чувствует себя возле Верочки не очень уютно, то ли считая ее для себя слишком эффектной, то ли боясь по неосторожности обидеть ее и тем самым оттолкнуть от себя, в общем, ему было видно, что у них что-то не клеится. Интерес к Даше с ее комнатной пуританской философией в последнее время у него сильно ослаб; ему хотелось остроты, непредсказуемости, и поэтому все его мысли сейчас были устремлены к Вере. Она казалась ему идеалом современной девушки.

– Зачем ему такая? – недоумевал он. – Они же абсолютно разные люди!

Иногда они гуляли вместе, все вчетвером – так было веселее. Ходили в кино, на танцы, иногда забредали в какое-нибудь недорогое кафе поесть мороженого, выпить по бокалу вина, послушать музыку. Каждая новая встреча с Верой

усиливала желание Игоря быть с нею рядом во что бы то ни стало. Даша стала замечать с его стороны повышенное внимание к ее подруге Верочке, но, боясь ошибиться, молчала и отношений не выясняла. Расстались они плохо, не полюбки.

Праздновали день рождения курсанта. Он был местным, поэтому отмечали у него дома – родители демократично ушли, предоставив трехкомнатную квартиру в полное распоряжение единственного сына и его гостей. Пригласили, естественно, и девушек, в том числе и Дашу с Верочкой. Праздновали бурно, с тостами, брудершафтами и танцами.

Верочка сидела в кресле возле большой колонки стереомагнитофона и кивая головой в такт ритмичной музыке, демонстрировала всем свои красивые ноги. Она улыбалась и специально выставляла круглые коленки напоказ, периодически стреляя в жертву своими зелеными, с мутноватой поволокой, глазами. Когда Верочка, продефилировав мимо Пилипенко, вышла покурить на лоджию, подчиняясь какой-то непреодолимой силе, он последовал за ней. Она курила картинно, держа сигарету тонкими красивыми пальцами с розовым маникюром. Игорь тоже закурил и, не сдержавшись, в шутку обнял ее за талию. Верочка как будто ждала этого, прижалась к нему и, вынув изо рта сигарету, поцеловала, едва коснувшись его щеки своими красивыми мягкими перламутровыми губами. От нее пахло дорогими духами. Игорь, теряя над собой контроль, попытался ее поцеловать в губы, но она выскользнула из его объятий, потом достала из небольшого карманчика на юбке платок, вытерла ему помаду на щеке и со смехом убежала. В комнате гремела музыка, народ танцевал. Пилипенко весь вечер смотрел только на Верочку, почти не обращая внимания на скучавшую рядом с ним Дашу. В конце концов, Даша все поняла и, не попрощавшись ни с кем, ушла. Заметив, что Даши нет, Игорь хотел догнать ее, он даже надел плащ и вышел из квартиры на улицу. Погода была скверной. Он немного постоял около подъезда, подумал и, швырнув окурок в голые мокрые кусты, вернулся назад.

– Ты чего? – спросил у Игоря в коридоре именинник, которого уже немного покачивало. – А где Даша?

– А, – махнул Игорь рукой. – Вышла подышать воздухом.

– Все нормально? – спросил он, кивая в сторону гостей.

– Все путем, – ответил именинник, – отдыхаем по полной программе.

– Иди, иди, – подтолкнул его Игорь, – а то тебя уже гости заждались, особенно вон та блондинка, – он показал на танцующую белокурую девушку. Именинник развернулся и послушно пошел в указанном направлении.

– Все, что ни делается – к лучшему, – как бы оправдываясь перед самим собой, думал Пилипенко. – Ее никто не прогонял. Она ушла сама. Значит, сделала свой выбор, и у меня теперь развязаны руки.

– Взво-о-о-д! Слушай мою команду! – неожиданно закричал кто-то диким голосом, каким обычно в казарме дневальный объявляет утренний подъем. Кричал вернувшийся за стол после неудачной «швартовки» к блондинке пьяный именинник.

– Взво-о-о-д! Нали-вай! Раз-два. – По форме приглашение напоминало скорее приказ, который все гости с радостью выполнили.

– У кого не налито, господа офицеры? Прошу наполнить емкости. – Именинник обвел всех слегка затуманенным взглядом. – Дамам шампанского, кавалерам водки.

– Игорек, – обратился он к Пилипенко, который, откликнувшись на зов, подошел к столу. – Ты меня уважаешь, а? – именинник обнял его за шею.

– Уважаю, уважаю, – ответил Пилипенко. – Федя, мы все тебя очень уважаем.

– Тогда скажи тост, – попросил Федя и взял в свободную руку рюмку, до краев наполненную водкой.

– За Федино здоровье, – сказал Игорь, – и за наш взвод. Гип-гип!

– Ура, ура, ура! – дружно крикнули курсанты. Веселье продолжалось.

С Дашей он больше не встречался и не вспоминал о ней. Игорь как будто вычеркнул ее из своей жизни. После дня рождения все его мысли были о Верочке.

– Какая она красивая! – думал он. – Такая может любого мужчину сделать счастливым.

От одной мысли о том, что она может стать его женой, у Игоря захватывало дух.

До встречи с Верочкой ни одна женщина не вызывала у него желания на ней жениться.

Он мысленно представил себе, как Верочка идет в высоких сапогах на платформе по улице, как красиво ставит на мокрый асфальт свои длинные ноги. Чем-то она зацепила его, может, своей красотой, и независимостью, а может, раскованностью и умением обострять ситуацию, ставя все на кон и требуя от мужчины ежеминутно доказательств того, что он мужчина. К месту будущей службы, куда-нибудь к черту на кулички без жены Игорю ехать не хотелось. Он решил предложить Верочке руку и сердце, так как считал, что она соответствовала его представлениям о том, какой именно должна быть жена офицера советской армии.

– Только конченный кретин добровольно откажется от такой девушки. Но я же не кретин, – продолжал размышлять Игорь, – и добровольно отказываться от своего счастья не намерен. Можно ей позвонить и предложить встретиться под любым предлогом где-нибудь в кафе, и уже в личной беседе все и выяснить. Там ей и откроюсь. Признаюсь в своих чувствах.

Но где-то в глубине души Игоря все же терзали сомнения.

– А вдруг она откажет? Скажет, катись ты подальше со своими чувствами, товарищ курсант? – думал он. – Может, у нее на Долгова серьезные планы, а тут я со своим дурацким предложением. Ну, а с другой стороны, если у них все нормально, то на кой черт ей тогда меня целовать? Ведь поцеловала на дне рождения и в глазки смотрела, и ножку перекладывала в кресле, чтобы я видел.

Конечно, Долгов был его другом, и Игорь понимал, что, ища подходы к Верочкиному сердцу, поступает по отношению к нему плохо, что его действия могут разрушить или сильно навредить их дружбе, но остановиться на полпути к цели уже не мог.

– Для начала приглашу ее куда-нибудь, – строил планы Игорь. – Объясняться сразу не буду, чтобы не выглядеть

идиотом – пока только почву прощупаю. Сделаю вид, что просто хочу пригласить ее в кафе. Не пойдет – останется с Долговым, ну, а пойдет – значит, он ей до лампочки. А это все меняет. Тогда главное не упустить своего – действовать быстро и решительно.

Наблюдательность не подвела Пилипенко, его повышенное внимание к Верочке не осталось для нее незамеченным. Мысль, что она нравится парням, приносила ей удовлетворение. Ловя на себе их взгляды, Верочка безошибочно отличала простое любопытство от настоящей заинтересованности, когда она становилась для кого-то предметом обожания и желания. Ей доставляло удовольствие флиртовать с мужчинами, ставить их в неловкое положение, в зависимость от своих капризов и прихотей и постоянно ощущать свою власть над ними. Она испытывала в этом постоянную потребность. Верочке нужны были праздники, страстные взгляды, цветы, комплименты и подарки. Она привыкла к такой жизни и не была готова променять ее на тихую семейную гавань, домашние заботы, хлопоты и прозябание у кухонной плиты в ожидании пропадающего на работе мужа. От Долгова она могла ждать только этого. Симпатичный колхозный увалень – этот ярлык она приклеила к нему сразу, как только познакомилась с ним поближе.

Долгов плохо разбирался в женщинах и поэтому даже не предполагал о наличии подводных камней в их взаимоотношениях. Правда, после одной встречи он вдруг почувствовал, как между ним и Верочкой возникло какое-то невидимое препятствие. В кафе, где они сидели в тот вечер, было многолюдно и шумно, громко играла музыка. Верочка вела себя как-то необычно: нервничала, не скрывала своего раздражения, пыталась его в чем-то обвинить, говорила, что у нее из-за подготовки к экзаменам не хватает времени, часто смотрела на часы, как будто действительно куда-то спешила. Виктор курил и больше слушал, чем говорил, весь этот разговор был ему не понятен.

– И, вообще, пора тебе прекратить курить эту гадость, – сказала она, показывая рукой на дымящийся в пепельнице окурок от папиросы. – Ты своим «Беломором» провонял уже меня с ног до головы.

Он поднял глаза и удивленно посмотрел на нее.

– Да, – сказала она, вставая, – тебе пора взрослеть, Витя, и научиться понимать многие вещи, а если ты не бросишь курить эту дрянь, то к тебе ни одна приличная девушка не подойдет.

Верочка, чем-то расстроенная, ушла, а он так и не понял, в чем был перед ней виноват.

В течение тех нескольких дней, пока Долгов занимался самокопанием после нелепой ссоры в кафе, произошли определенные события. Пилипенко все-таки набрался храбрости и однажды вечером позвонил Верочке. Он набрал нужный номер и попросил дежурного из числа студентов, который обычно сидел рядом с вахтером, пригласить Верочку к телефону. Она спустилась довольно быстро.

– Здравствуй, Вера, – сказал он. – Это Игорь беспокоит.

Она узнала его и, казалось, не удивилась этому звонку.

– Здравствуй, Игорек, – ответила она ласково. Голос ее был довольно веселым.

Игорь звонил из телефонной будки. Уже стемнело. Рядом был дежурный магазин, и поэтому мимо него постоянно сновали люди.

– Разговор есть, – сказал Игорь. – Ты не можешь одеться и выйти?

– Что-нибудь случилось? – поинтересовалась Верочка на всякий случай.

– Нет, ничего не случилось, – успокоил ее Игорь. – Просто хотел с тобой поговорить. Я надеюсь, ты не против погулять полчаса на свежем воздухе?

– Чтобы погулять полчаса, мне нужно часик собираться, – пошутила она. – Я ведь женщина, а не солдат.

– Подождем, – бодрым голосом сказал Игорь. – Какие наши годы!

– Да шучу я, – Верочка рассмеялась в трубку. – В принципе, я одета. Куда мне подойти?

– А я тут рядом, возле магазина «Волна», где телефонная будка, – объяснил Игорь.

– Я скоро, – сказала Верочка и положила трубку.

Ждать ему пришлось недолго. Верочка вынырнула из темноты, подошла к нему, улыбаясь, и игриво взяла под руку.

– Ну, молодой интересный, куда мы идем? – спросила она.

– Я приглашаю тебя в ресторан, – объявил Пилипенко. – У меня есть пятнадцать рублей, предлагаю их пропить.

– Ого! – Верочка одобрительно улыбнулась. – Я вижу, ставки растут.

Пилипенко поймал на дороге «мотор», и они поехали в ресторан.

Через несколько дней после этой встречи он решил, что наступило время для решительных действий – купил большой букет цветов и сделал Верочке предложение. К его радости, она сразу согласилась.

О своих отношениях с Верочкой Пилипенко до поры до времени молчал, но, понимая, что шило в мешке не утаишь, решил открыться Долгову. Надоело ему ходить вокруг да около. Хозяйка была в отъезде, и помешать их разговору было некому.

– Знаешь, старик, – сказал он, отодвигая от себя кружку с чаем и приподнимаясь из-за стола. – Я, конечно, перед тобой виноват, и, может быть, ты в сто раз порядочнее меня, а я последняя свинья по отношению к тебе, но ты знаешь, сердцу, как говорится, не прикажешь, – начал он как-то неуверенно.

– Могу сказать тебе по дружбе только одно, – он взял стул и сел напротив Долгова, – она тебя не любит.

Ему показалось, что он нашел верную тональность для беседы. Первый шаг был сделан – разговор начат. Игорь, не любивший различного рода выяснения отношений и, как правило, избегавший их, теперь думал только о том, чтобы поскорее закончить этот разговор. Его положение было довольно двусмысленным.

– Ты это о чем? – не понял Долгов.

– Коротче, деликатничать не буду. – Пилипенко вел себя так, как будто делал Долгову одолжение. – Я вообще не хотел ничего говорить. Узнал бы в свое время. Но вот решил все-таки ввести тебя в курс дела, обозначиться, чтобы внести полную ясность. Мы с тобой мужики, поэтому обойдемся без эмоций. Этот вопрос решенный и обжалованию, как говорится, не подлежит. А потому сообщаю тебе, моему другу... – Игорь замаялся, подбирая слова.

Он встал, прошелся по кухне туда-сюда, облизал высохшие губы, заправил в трико с белыми лампасами вылезшую спортивную майку.

– Понимаешь, старик, мы с Верой, вернее с Верой Ивановной, решили пожениться. – Его голос немного дрожал. – Вот такие дела.

Сначала Виктор подумал, что это шутка, розыгрыш. Игорь был мастер на эти штучки и не упускал случая разыгрывать своих товарищей по училищу. Конечно, Вера последнее время вела себя немного странно. После встречи в кафе она уклонялась от свиданий с ним, говорила, что много занимается, а вчера по телефону сказала ему, что заболела. Теперь, после слов Игоря, все становилось на свои места. Он понял, что Верочка ему просто-напросто врала.

– Да, старичок, через месяц свадьба. – Игорь картинно развел руками.

– Вчера заявление подали. Понимаешь, у нас с ней чувства, серьезные отношения, мы семью хотим создать. А к тебе она относится как к другу, – поспешно добавил он.

– Как к другу, значит? – переспросил Виктор.

– Ага, – ответил Пилипенко. – Именно как к другу, и ничего больше. Я у нее спрашивал. Она мне сказала, что между вами ничего такого не было.

– Значит, эта тема тоже обсуждалась? – Виктор с пренебрежением посмотрел Игорю в глаза. Тот не выдержал – отвел глаза в сторону.

– Не то, чтобы обсуждалась, – как-то неуверенно ответил он. – Просто зашел разговор о тебе, то да се... Ну, знаешь, как у них, у женщин, бывает? Словом, ее потянуло на откровенность, и она мне все про вас честно рассказала.

– А ты уверен, что она тебе все рассказала? – с усмешкой переспросил Виктор.

– Ну, знаешь, старик, вот только не нужно пошлить и втягивать Веру в наши отношения. – Игорь обиженно отошел к окну и сел на подоконник. – Не ожидал от тебя. Я понимаю, тебе кисло. Ну, бортонула девочка, бывает. Зачем же теперь клепать на человека лишнее? Я знаю точно, что тебе она отказала. Оснований не верить Вере у меня нет, она на этот счет девушка строгая и порядочная.

На кухне воцарилось молчание. Игорь, не зная, что еще добавить к сказанному и посчитав, видимо, что разговор окончен, пошел к себе в комнату. Через пятнадцать минут он уже спал. Его всегда отличал здоровый и прагматичный подход к любой теме.

– А чего зря нервничать, – говорил он, – все равно ничего не изменится.

Иногда Игорь любил пофилософствовать, особенно перед сном.

– А я лично так считаю, – делился он своими мыслями с Долговым, – жизнь сама знает, куда ей течь, а против течения грести глупо и нерационально. От судьбы, ведь, не уйдешь. Выбор направления за ней, нужно только успеть вовремя сориентироваться, момент не прозевать и занять место в лодке, потому что на всех мест не хватит. Не займешь ты, проявишь либерализм – займут другие, да еще дураком тебя же считать будут. Свято место пусто не бывает.

Виктор остался на кухне один. Он потушил свет. Занавески на окне были раздвинуты. В комнату проникал слабый свет уличного фонаря, желтая полоса делила кухню на две части, светлую и темную, неосвещенную. Спать не хотелось. Виктор достал из пачки, лежащей на столе, папиросу, не торопясь закурил. Он долго смотрел в ночное окно. На другой стороне улицы в пятиэтажном общежитии в нескольких окнах горел свет. Там тоже не спали, веселились. Из открытой форточки раздавались ритмичные звуки Бони М, а в оконном проеме на фоне полупрозрачной занавески мелькали многочисленные тени танцующих.

Так получилось, что до Верочки Долгов серьезно не встречался ни с одной девушкой. Теперь, после сегодняшнего разговора с Игорем, он не знал, как ему быть. Они не виделись с Верочкой уже неделю. Ему казалось, что их отношения развиваются нормально, несмотря на нелепую сцену в кафе. Он думал, что Вера просто на него за что-то обижается, и стоит им встретиться, поговорить – и все снова наладится. Заявление Игоря выбило его из колеи. Он находился в состоянии растерянности, голова соображала плохо, мысли путались. Сначала он хотел поймать такси и поехать к Вере в общежитие, чтобы убедиться, что все это ложь. Но, поразмыслив,

понял, что делать этого не стоит. Вряд ли Игорь лгал ему. Зачем? Такими вещами не шутят.

Виктор пытался разобраться в том, что же все-таки произошло. Для него было ясно одно – она его бросила. Кем Вера была для него и чем, скорее всего, закончился бы их роман? Вероятнее всего, ничем. Жениться на ней, во всяком случае, он не собирался – даже не думал об этом. Свою жену он представлял себе немного иной. Да, ему понравилась девушка: красивая, умная, эффектная, немного кокетливая. Женское кокетство – это ведь приманка для мужчин, поманила она его пальчиком – он и побежал. Разонравился один – поманила другого. Обидно было, что выбор свой она остановила на Игоре, вбив тем самым клин в их многолетнюю дружбу.

Месяц назад она тоже сделала свой выбор. Он хорошо помнил, как это было. Вечер только начался. В актовом зале военного училища собралось много народа, было очень душно. Они стояли с Игорем возле стенки и о чем-то разговаривали. О чем, он уже не помнил. Верочка подошла к нему сама и спросила, вроде как в шутку:

– А молодой человек танцует?

– Танцует, конечно, танцует. Мы оба танцуем! – ответил за него стоявший рядом Пилипенко.

– А у вас есть подруга? – взял он сразу быка за рога.

– Есть, – ответила она.

– Такая же красивая, как и вы? – заглядывая девушке в глаза, продолжал допрос Игорь.

Когда дело касалось женщин, он не понимал, что такое нельзя, и всегда лез напролом в самую гущу. Верочке, судя по всему, такая напористость нравилась.

– Такая же. Даже лучше.

– Познакомьте, – жалобно попросил Игорь, – не дайте погибнуть в расцвете лет!

– Ну, хорошо, уговорил, – сказала она. – Мы сейчас придем, только никуда не уходите, а то вы здесь все одинаковые.

– А что вы хотели? Это, между прочим, девушка, армия, – пояснил Игорь. – Как говорится, однообразие до безобразия – все на одно лицо, как близнецы.

Она ушла в глубину зала и через несколько минут привела Дашу.

– Знакомьтесь, это Даша, – сказала она. – А меня зовут Вера. Близкие друзья называют меня Верочкой.

– Игорь, – представился Пилипенко. – Курсант четвертого курса, заместитель командира взвода.

Ансамбль заиграл медленный танец.

– Разрешите! – пригласил он Дашу. Даша молча кивнула, и Игорь увел ее в противоположный конец зала, поближе к оркестру.

– А тебя как зовут, курсант? – спросила Верочка, когда они остались вдвоем.

– Виктор, – представился Долгов.

– Ну, и что же мы стоим, Витя? – на ее красивом лице играла улыбка.

– Вы разрешите вас пригласить на танец? – стараясь загладить свою неловкость, поспешно предложил Долгов.

– Разрешаю, – рассмеялась Верочка. – Вам, Витя, разрешаю.

Во время танца Долгов ловил на себе восхищенные и завистливые взгляды своих товарищей по училищу. Еще бы, такая девушка! От восторга у него захватывало дух. Тогда он казался себе героем.

С этого дня они начали встречаться. Виктор вспомнил, как привел ее к ним на квартиру. Валентина Емельяновна укатила в очередную поездку, прихватив с собой несколько тяжелых сумок с товаром. Игоря дома не было. Еще утром он сказал, что будет поздно, скорее всего, за полночь. Верочка оказалась не ханжой и не стала строить из себя недотрогу. Все случилось на редкость буднично и даже банально. После стандартной выпивки и медленных танцев под магнитофон он сел рядом и стал ее обнимать, позволяя себе небольшие вольности. Она принимала ласки, отвечала на них, но при этом смотрела на Виктора немного насмешливо. Казалось, ее забавляли его неопытность и нерешительность. Когда он попытался снять с нее кофточку, она вдруг отстранила его, встала с кровати, поправила короткую юбку, сама сняла кофточку и, повесив ее на спинку стула, спросила:

– А где у нас ванна?

– Вон там, – показал он рукой, – а туалет рядом.

Верочка вышла из комнаты, но через секунду вернулась, остановилась в дверном проеме и спросила:

– Может, ты меня все-таки проводишь, а то я могу заблудиться?! – а потом добавила, – ихвати чистое полотенце.

Он снова и снова вспоминал тот вечер. Каждая деталь прочно отпечаталась в его сознании. Виктор помнил все – каждый жест, каждое сказанное ею слово. Потом он провожал ее. Погода была сырой и промозглой, к вечеру лужи покрылись тонкой коркой льда.

– Знаешь, Вера, – сказал он, когда они подошли к общежитию, – Я тебя увидел в первый раз на вечере и немного испугался. Ты была такая красивая!

– А сейчас? – спросила она.

– Что сейчас?

– Ну, сейчас что – некрасивая?

– Нет, конечно, красивая! Ты очень красивая, – поспешно поправился он.

– Ну, а теперь... – Верочка сделала паузу, – теперь ты, надеюсь, меня уже не боишься?

– Теперь не боюсь, – подтвердил Виктор, обнимая ее.

– Ты самая, самая красивая.

– Вот то-то же! – Верочка осторожно освободилась из его объятий, достала из сумочки помаду и стала подкрашивать губы. – Ты, Витя, как тюбик с пастой – из тебя все выдавливать нужно, даже слова. Пока сама не попросишься на комплимент, так и не похвалят девушку. Кстати, не ты один такой пугливый. Друг твой тоже тогда на вечере увидел меня и застыл, как парализованный. Все норовил в глазки заглянуть. Да! Так что ты меня крепче держи, курсант, чтоб не увели. – Она засмеялась. – Ну, все! Чао! – Она поцеловала его в щеку и убежала.

За воспоминаниями и раздумьями он не заметил, как заснул прямо за столом. Утром его разбудил Игорь.

– Рота, подъем! – рявкнул он, как ни в чем не бывало, веселым и бодрым голосом, заходя на кухню.

Виктор подскочил, протирая спросонья глаза. Увидев перед собой Пилипенко, он вспомнил вчерашний вечер, нахмурился и молча пошел в ванную. Ему было непонятно, почему его друг живет с ощущением собственной безнаказанности, очень умело подтасовывая обстоятельства и выставляя себя жертвой. Он всегда разговаривал с ним с позиции умудренного жизнью старшего брата, а ведь они были ровесниками.

Странно, но Дологов почему-то считал виновницей их разрыва Веру, а вовсе не Игоря.

Он знал Игоря уже четыре года – его всегда отличало навязчивое эгоистичное желание быть первым, не важно как, какой ценой и даже для чего, главное, чтобы первым. В этом была его суть. Долгов включил душ, разделся и стал под теплую приятную струю. В голове всплывали давние события, которые, казалось, не имели ни малейшего отношения к тому, что произошло накануне. Ему припомнился разговор, который состоялся несколько месяцев назад. Они уже жили на квартире и, как это часто бывало, сидели вдвоем вечером на кухне и пили пиво. Хозяйка уехала к сестре в гости, наказав перед отъездом, чтобы вымыли за собой посуду и проветрили помещение.

– А то, как ни придешь, а у вас грязь на кухне и накурено, как в кабаке. Чтобы к моему приходу все блестело и сияло! Тогда напеку блинов на ужин и угощу вас, нет – останетесь голодными.

– Мы поняли, Валентина Емельяновна! Все будет тип топ! – ответил за двоих Игорь. – Я проконтролирую уборку пищевого блока лично. Разрешите выполнять! – Он вытянулся перед ней по стойке смирно.

Она махнула рукой, мол, знаю я вас, бездельников и разгильдяев, закрыла за собой дверь и вышла на лестницу, оставив после себя в прихожей навязчивый запах духов «Красная Москва».

Разговор между ними сначала шел об учебе, а потом как-то незаметно перешел на личности. Виктор отметил хорошие человеческие качества некоторых офицеров из училища.

– Нужно быть, прежде всего, хорошим специалистом! – Не согласился с ним Игорь. – Придумали себе сказочку про добро и зло, про душевность и бездушие. Ничего этого нет, одно притворство! Души нет – это поповские бредни. По научному атеизму проходили. Наукой давно доказано, бога нет! А раз бога нет, значит, и души тоже нет. Пусть, вон, попы в бессмертную душу верят и носятся с ней. Я и без души как-нибудь проживу. Главным мотивом всех человеческих поступков является корысть, а не душевные порывы.

– Что ж, по-твоему, все люди одинаковые? – спросил Виктор. – Добрый, злой, плохой, хороший – разницы нет, гребни

всех под одну гребенку? Всех одинаково подстригли, одинаково одели, одинаково заставили думать, построили и – шагом марш? Так у тебя получается?

– На то она и армия, чтобы все было одинаково, и все ходили строем. Строй – это порядок, – парировал выпад Игорь. – По мне лучше строем ходить, чем по пояс в навозе жить. Мы, между прочим, с тобой военные люди, без пяти минут офицеры. Мы профессионалы. Нам платят – мы служим. Меня такие отношения вполне устраивают. И я не претендую на то, чтобы отцы-командиры копались в моей душе и делали вид, что им это безумно интересно. Во всяком случае, со мной им не придется притворяться. В Уставе все написано, что можно и чего нельзя.

– Кажется, ты нарисовал себе уж очень упрощенную схему жизни, если думаешь, что Устав ответит тебе на все вопросы.

Виктор начинал горячиться. Слова Игоря задели его.

– А если человек ходит строем, а подлец? Если он жену свою бьет, а на работе передовик, на доске Почета висит? Тогда как?

– Ну, это исключение из правил, – с иронией сказал Игорь. – Это для нас нетипично. – Горячность Виктора его веселила. – Взрослые люди не должны об этом думать. Есть вопросы поважнее, чем копать в душах. Ну, а жена пусть не будет дурой и в милицию заявит, там быстро разберутся, кто подлец, а кто нет. У меня дома полстаницы – хорошие люди, а телевизор поломается, кинешься, а починить некому, брюки сшить тоже проблема. К хорошему мастеру очередь на месяц вперед. А купишь в магазине – носить будет стыдно.

– Почему стыдно? – не понял Виктор.

– Да засмеют потому что! И все хорошие, а главное, добрые люди. – Игорь говорил зло и категорично. – Главная наша беда не в том, что хороших людей мало, а в том, что грамотных специалистов нет. Добрых людей у нас много, хоть пруд пруди. Только толку-то с того, что они добрые! Кроме как на троих сообразить, больше ни на что не способны. Доброту, ее на хлеб не намажешь и с кашей не съешь. Я и в армию пошел потому, что у нас самая сильная армия в мире, техника

передовая, самая лучшая, ну, во всяком случае, не хуже, чем в Штатах. Вот поэтому они с нами и считаются, а вовсе не потому, что мы хорошие люди.

– Одно другому не мешает, – возразил Виктор. С Игорем трудно было спорить – он всегда находил серьезные аргументы, чтобы доказать свою правоту.

– Мешает! Оказывается, мешает, мой юный друг. Мы мало делаем и много говорим, а нужно делать, причем, желательно, молча, даже то, что не всем нравится. Брать и делать! Самолеты строим, а шмотки из-за границы возим, и обувь возим, и джинсы. Поэтому они и стоят двести рэ. Нам за эти двести рэ скоро нужно будет месяц вкалывать. «Жигули», и те иностранные. Раньше думал наши, отечественные. Потом от соседа узнал, оказывается, итальянские. Вот так! – Он развел руками. – Пока о душе думали, штаны шить разучились. И, вообще, хороший человек – это не профессия. Если мне однажды нужно будет выбрать между человеческими качествами и профессиональными, я выберу профессиональные.

Разговор тогда закончился ничем. Каждый стоял на своем. Игорь, как всегда, занял позицию человека, знающего ответы на все жизненные вопросы.

– Он, конечно, эгоист, – думал Виктор. – Но на подлость не способен, даже из-за женщины. Скорее всего, Верочка действительно сказала ему, что больше не встречается со мной. На нее это было похоже. Кстати, об этом она, пусть в шутку, но предупреждала. Долгов вспомнил их разговор возле общепита.

– Держи меня крепче, курсант, чтоб не увели, – сказала она тогда. И на Пилипенко намекнула. Значит, такой вариант расставания не исключала для себя. А Игорь что – увидел красивую женщину и сразу мозги набекрень. Такое с ним частенько и раньше случалось.

Теплые струйки воды приятно били по лицу и плечам. Виктор согрелся, выходить из-под душа не хотелось. Мысли пытались выстроиться в какую-то логическую цепь.

У него в семье все решали женщины. Сначала домом правила бабушка, потом, когда бабушка умерла, ее место заняла мать. Отец в дела своей жены сильно не вникал, делает и делает – она баба, она знает лучше, что семье и детям нужно. В вопросы воспитания он тоже не лез, считая это чисто

женским занятием. В высказываниях отца было много непонятного для маленького Витьки.

– Мужик должен дело делать – землю пахать, паровозы водить, чтобы семья в достатке жила, а когда надо, то и родину защищать, как наши отцы и деды, казаки-терцы, а все остальное бабы сами сделают, – говорил он своему собутельнику, инвалиду, ходившему целыми днями по селу на костылях от двора до двора с вечным желанием выпить. Он жил неподалеку и частенько составлял отцу компанию, когда тот пил дома. Они сидели, обычно, в сарае за верстаком, который использовали как стол, разложив на нем закуску и наливая в стаканы мутную жидкость из белой бутылки, заткнутой плотно свернутым куском газеты. Отец всегда разговаривал громко, так, что было слышно даже во дворе, где гулял Витька.

– Нечего нам дома возле бабьих подолов сидеть и детям сопли вытирать, а то им театры с опереттами подавай, книжки они, видишь ли, по ночам читают. В гробу я эти театры и книжки видел. Понял? Мы – простые люди, для нас главное работа, чтоб копейка в доме водилась. На то мы и мужики!

Витька не понимал, о чем говорил отец.

– Что плохого сделали ему книги? – думал он.

Когда отец напивался, его начинало злить, что он в семье на вторых ролях, что не получил в свое время образования, что он недоучка с семьей классами. Не зная другого способа самоутвердиться, он выплескивал всю свою неудовлетворенность жизнью на жену и ребенка при помощи мата и свинцовых мужицких кулаков. Пьяная бесконтрольная энергия искала выхода. Когда на него накатывало такое, Витька с матерью прятались в погребе в самом конце огорода. Они сидели, прижавшись друг к другу, рядом с банками и бочками, боясь лишним движением или шорохом выдать свое убежище, и ждали того момента, когда отец, находившись вдоволь по пустым комнатам, сломленный водкой и усталостью, наконец уснет. К участковому мать никогда не обращалась – боялась людского осуждения.

Наступало утро, ярость и злоба отца уходили куда-то вместе с ночью, он молча ходил по дому, попыхивая папирсой, потом, не спеша, собирался на работу: надевал рабочую спецовку, сапоги, фуражку, клал в карман пачку «Беломора» и

уходил, заперев за собой калитку на щеколду. Спустя неделю или две все опять повторилось.

Виктор закрыл душ, вытер голову полотенцем, надел махровый халат, который был у них с Пилипенко один на двоих, и вышел из ванной на кухню. Чайник устало засвистел, сначала чуть слышно, как бы собираясь с силами, потом все громче и громче. Игоря на кухне не было. Виктор выключил чайник, открыл холодильник, достал сыр, масло, нарезал батон и сделал бутерброды на двоих. Завтракали молча. Выпили чаю с бутербродами, надели в прихожей плащи-накидки и вышли на улицу. Шел мелкий морозящий дождь со снегом. На остановке было много народа, поэтому в трамвай они втиснулись с трудом. Ехали стоя, всю дорогу молчали. Долгов смотрел в залитое дождем трамвайное окно. Его толкали входящие и выходящие на остановках пассажиры, но он не замечал этого.

5

Спустя неделю Пилипенко и Верочка сняли себе отдельную квартиру в другом районе, решив перед свадьбой пожить вместе. Переезжали на такси. Вещей было не особенно много. Девчонки из Верочкиной комнаты помогали нести ее вещи: пальто с лисьим воротником, несколько шляпок, корзинку и чайник из нержавеющей стали с загнутой сверху ручкой. Потом поехали на квартиру к Пилипенко. Виктор сидел в кресле и смотрел телевизор, лицо у него было спокойным. Игорь молча собрал свои вещи, засунув их в большую синюю сумку, на которой крупно было написано «Динамо», снял со стены боксерские перчатки, повесил их себе на шею, в другую руку взял гантели. В дверях он остановился.

– Ну, бывай, старик, – сказал он. – Извини, если что не так.

С этими словами он ушел. Виктор слышал в открытую форточку, как на улице хлопнула в машине дверь и заработал двигатель, потом водитель дал газу, и они уехали.

Виктору переезд Игоря на другую квартиру пошел на пользу – он успокоился и внешне выглядел уже вполне благополучно, дела и заботы отвлекали его от грустных мыслей, нужно было много заниматься, готовиться к экзаменам.

Однажды, случайно попав в тот район, где находилось общежитие университета, Виктор увидел Дашу. Время было к вечеру. Она шла с небольшим портфельчиком, очень милая и, как ему показалась, немного грустная. Они поздоровались. Даша была ниже Верочки ростом и, вообще, смотрелась не такой броской и видной, как ее удачливая и шустрая подруга. Они стояли на тротуаре рядом, и она едва доставала ему до плеча. Даше во время разговора приходилось все время поднимать голову. Разговор с самого начала не клеился, да и разговаривать-то, в общем, было не о чем. Беседа состояла из обычного набора шаблонных фраз: как погода, как дела, скоро ли экзамены? Даша, как и Вера, в этом году заканчивала университет. Ей предстояло распределение. Вновь испеченных молодых специалистов обычно направляли в сельские школы – там всегда не хватало учителей. Ехать куда-то в глушь после пяти прекрасных лет, проведенных в большом городе, никто не хотел – жаль было расставаться с друзьями, учебой, да и просто с веселой студенческой жизнью. Даша в последнее время часто думала об этом, и от этих мыслей ей становилось грустно.

– Пойдем в кафе, посидим, – неожиданно предложил Виктор. – Ужасно хочу есть, – пояснил он. – Составь компанию, будь человеком!

– Пошли, – охотно согласилась Даша. – У меня еще одна «пара», но я не пойду. Настроение весеннее, – с улыбкой сказала она, – на учебу что-то не тянет.

Они вышли на вымощенную плитами широкую улицу и направились в сторону кафе. Оно располагалось неподалеку. Сюда любили ходить и студенты, и городская молодежь. Здесь можно было неплохо и недорого поесть, послушать музыку. Спиртное продавалось отдельно в буфете, который располагался у входа.

В зале было довольно многолюдно. Они сделали заказ. Спустя какое-то время полная круглолицая официантка в кокошнике и белом фартуке принесла две порции люля-кебаба. За вином Виктор сходил в буфет, по пути он бросил монетку в музыкальный автомат, там что-то внутри зашумело, и через секунду заиграла музыка. Пел Джо Дассен. Это была популярная песня о любви. Она как-то удачно попадала в то-

нальность этого вечера, – тихого и немного грустного. Они неторопливо пили марочное сладкое вино, слушали музыку и разговаривали. Время от времени кто-то из посетителей кафе бросал монетку в аппарат и нажимал кнопку с выбранной им песней. К аппарату подошел молодой парень в свитере. Он порылся в кармане, достал монетку и нажал кнопку. Снова зазвучала песня Джо Дассена. Виктор посмотрел на Дашу, и они одновременно рассмеялись. Ему вдруг показалось, что между ними возникло что-то такое, что сближало их в эти минуты. Он порадовался в душе тому, что не одинок в этот холодный вечер, что рядом с ним девушка, которая улыбается ему, и, наверно, ей хорошо рядом с ним.

В углу, где стоял их столик, царил полумрак. На улице за широким витражным стеклом в свете фонарей блестели лужи. Перед уходом они заказали кофе с пирожными.

– Мне заварное, – попросила Даша.

– Значит, два заварных, – сказал Виктор официантке.

Они допили кофе, оделись и вышли из кафе. Уже давно стемнело, на улице моросил мелкий дождь и было немного ветрено. На мокрых, еще по-зимнему голых ветках деревьев блестели прозрачные капли ночного дождя. Прохожих на улице было мало. Расходиться не хотелось. Редкие трамваи проносились мимо, из-под визжащих колес вылетали искры, освещая на какое-то мгновение пустынную аллею, старые, с узловатыми стволами, клены и белые, вытянувшиеся вверх, контуры пятиэтажек с пятнами светящихся в ночи окон.

– Такой хороший вечер, – нарушил молчание Виктор, – что не хочется расставаться.

– Можно пойти ко мне, – предложила Даша. – Я сегодня одна, девчонки уехали домой, вернутся только в понедельник, так что мы никому не помешаем.

– А ты почему не поехала?

– Ты знаешь, почему-то не захотелось. Теперь не жалею. Видишь, с тобой встретились. Не знаю почему, но мне приятно тебя видеть.

Ему было странно это слышать. Они были мало знакомы, встречались редко, всего несколько раз, да и то в компаниях, но сейчас разговаривали, как старые добрые знакомые.

К общежитию шли молча. Даша взяла его под руку.

– Можно? А то я боюсь свалиться в лужу.

– Не бойся, я тебя обязательно спасу, – пошутил Виктор. На вахте он предъявил курсантское удостоверение, и его пропустили, собственно, вахтерша знала, к кому ходит этот курсант, и посмотрела документ для порядка.

– В какую комнату? – спросила она, возвращая удостоверение.

– Двести двадцать седьмая, – машинально ответил Виктор и, как бы спохватившись, посмотрел на Дашу.

Она улыбнулась. В двести двадцать седьмой обитала Верочка. Даша жила напротив – в двести двадцать шестой. Как всегда в выходные, на этаже было пусто. Она достала из портфеля ключ и открыла дверь. В комнате было темно. Даша включила настольную лампу, разулась и залезла на кровать с ногами.

– Я ужасная мерзлячка, – сказала она, кутаясь в тонкое шерстяное одеяло.

На столе, придвинутом к окну, стоял чайник и несколько пустых чистых стаканов. Виктор достал из кармана плаща и поставил на стол бутылку марочного десертного вина, завернутую в белую бумагу, положил на стол пачку «Беломора». Вино он купил на всякий случай в буфете, когда они уходили из кафе.

Даша быстро спрыгнула с кровати, достала из тумбочки вазочку с печеньем и конфетами и пачку сигарет.

– Пойдет? – спросила она.

– Пойдет, – ответил он. – А сигареты зачем?

– Я, вообще-то, не курю, так, иногда, за компанию.

– А сейчас как, компания соответствует?

– Вполне, – ответила она.

На душе у Долгова было спокойно. Общение с этой девушкой, своей мягкостью и нежностью чем-то похожей на его мать, отодвинуло на второй план все его невзгоды и неудачи. Даша сидела на кровати, прислонившись спиной к стенке, завешенной простеньким ковриком, и смотрела в темное окно. Тяжелые капли дождя монотонно били по железному оконному отливу, и в этом ритме угадывалась какая-то мелодия. Он налил в стаканы вина.

– Я предлагаю выпить за сегодняшний вечер.

– Сегодня, действительно, хороший вечер, – согласилась с ним Даша. – Знаешь, – сказала она задумчиво, – я теперь

даже рада, что все так получилось. Ты понимаешь, о чем я говорю?

Виктор кивнул ей в ответ головой.

– В нашей жизни много суеты, шума, неискренности, посторонних людей, которых мы часто ошибочно принимаем за близких, – продолжила она. – Мне кажется, нужно просто уметь ценить те редкие часы и даже минуты, когда все идет так, как тебе хочется, когда не задумываешься над тем, что сказать, потому что знаешь наверняка – тебя обязательно поймут. Сегодня именно такой вечер. А сейчас давай выпьем. – Даша подняла свой стакан. – И пусть у нас всегда все будет хорошо.

В ее словах было столько искренности, что Виктор даже не нашелся, что ответить. Не хотелось произносить пустых фраз, которые обычно говорят в таких случаях. Пустые признания нарушили бы эту тонкую беззвучную гармонию, а найти нужные слова, которые смогли бы выразить то, что он сейчас чувствовал, он не мог. Его тянуло к этой простой, доверчивой курносой девчонке в коротком коричневом, как у школьницы, платье. То ли это было от вина, то ли оттого, что он увидел в ней то, чего не было в других девушках, но он вдруг почувствовал к ней прилив нежности. В этот сырой и ненастный мартовский вечер ему было хорошо рядом с ней. Сейчас Виктору казалось, что они знают друг друга уже давно и прожили вместе долгую жизнь. Даша улыбалась в темноте и смотрела уже не в окно, а на него. Он молча сел к ней на кровать и погладил ее сначала по распущенным волосам, а затем по плечу.

– Ты очень красивая, – сказал Виктор.

Он взял ее холодную, как ледышка, руку, поднес к губам и поцеловал ладонь. Даша доверчиво прильнула к нему и, неожиданно для себя самой, расплакалась. Глубокое волнение охватило Виктора. Он не смог удержаться и поцеловал ее – сначала в щеку, сделав это как-то неуклюже, почувствовав на своих губах соленый вкус ее слез, потом в губы.

Даша реагировала на все, что делал Долгов, сначала как-то безвольно и равнодушно, ее красивые мягкие губы не сопротивлялись, но и не стремились ответить ему, потом она как бы очнулась, убрала руки с груди Виктора, которыми до этого пыталась отстранить его от себя. Робко, совсем по-де-

тски, она обняла его за плечи и ответила ему своим поцелуем. Виктор почувствовал в нем все: и горечь недавней разлуки, и женское одиночество, и радость новой счастливой встречи.

В дверь напротив постучали.

– Девочки, – гулко раздался в пустом коридоре низкий женский голос, – пора гостям домой.

Это был голос вахтерши тети Нади.

Никто не отозвался.

– Нас, по-моему, потеряли, – прошептала Даша.

– А, по-моему, нас ищут, – сказал Виктор, прислушиваясь к шороху за дверью.

Они прижались друг к другу и притихли.

Пошаркав по коридору шлепанцами, вахтерша, бурча что-то, убралась восвояси. Снова воцарилась полная тишина, и лишь изредка в коридоре раздавался звук шагов. Они сидели, обнявшись, под тихий ночной шепот монотонного дождя за окном, как будто боясь потерять друг друга.

Около шести утра Виктор тихо, на цыпочках, прокрался мимо спящей у себя в каморке вахтерши, открыл засов на дверях и, выйдя на улицу, направился к трамвайной остановке. Пешком идти не хотелось, на улице было холодно и сыро. Он дождался трамвая, сел в холодный вагон, прислонился головой к стеклу и задремал.

У него появился человек, который был ему по-настоящему дорог. Долгов сам не верил, что такое возможно – это было как наваждение. Ему хотелось, чтобы Даша всегда была рядом, когда ее не было с ним, мир ему казался пустым и бесцветным.

– Странно, – думал Долгов, – как я раньше без этого жил?

Он как будто снова открывал для себя простые и обыденные вещи, по-новому смотрел на все то, что окружало его. Вот по пустынной дождливой улице плывет по рельсам старенький трамвай, а то вдруг тихо, словно ночной гость, постучится в темное ночное окно холодный дождь. У него было светло на сердце оттого, что он вот так неожиданно встретил свое голубоглазое счастье по имени Даша.

Приглашение на свадьбу Пилипенко вручил Долгову в училище на перемене.

– Вот, старик, приглашение, – протянул он конверт. – Кафе «Встреча». Дата и время указаны. Мы с Верой ждем и тебя, и Дашу.

– Ты хорошо осведомлен о моей личной жизни, – удивился Виктор.

Игорь немного сконфузился.

– Просто тебя с Дашей видели в общежитии, – как бы оправдываясь, сказал он. – Вот мы и подумали, что будет правильно пригласить вас вместе.

Виктор молча взял конверт, повертел в руках, достал красивую открытку с обручальными кольцами на лицевой стороне.

– Хорошо, – сказал он, – мы будем.

– Я рад, старина, что ты на меня больше не обижаешься! Просто так получилось. В сердечных делах обид не должно быть. Это, брат, жизнь. Я хочу, чтобы ты знал. – Он остановил Виктора, когда тот уже собирался выйти из аудитории. – Может, друг – это громко сказано, я, как говорится, не претендую, но ближе, чем ты, у меня товарища нет. – По его тону чувствовалось, что он говорил это искренне.

– Спасибо за откровенность, Игорь, – поблагодарил его Долгов. – Но мне кажется, что твои поступки иногда противоречат твоим словам.

– Ты что, мне не веришь? – Игорь с обидой посмотрел на него.

– Странно как-то получается, – усмехнулся Виктор. – Ты у меня девушку отбил, и ты же на меня обижаешься.

– Да никого я у тебя не отбивал! Как ты этого не поймешь? – не в силах сдерживать себя воскликнул Пилипенко. – Просто Вера мне всегда нравилась, с самого первого дня. Как выяснилось потом, я ей тоже нравился. Это что, преступление, если два человека любят друг друга? Я тебя спрашиваю, ответь, у тебя же все по полочкам разложено. Это можно, а это нельзя. Да я просто голову потерял! А расстаться с тобой она решила давно, еще до того, как мы встречаться стали. – Игорь взял Долгова за плечо. – Ты же знаешь, старик, когда надо, я за тебя в огонь и в воду.

Прозвенел звонок. В аудиторию стали заходить курсанты.

– Ладно, остынь. – Виктор убрал руку. – Не трать зря нервы. Проехали.

Пообещав Игорю, что они будут на свадьбе вдвоем, Долгов, как выяснилось, немного поторопился. Даша идти на свадьбу отказалась.

Они шли по ярко освещенной многолюдной вечерней улице. Впереди виднелся треугольный силуэт кинотеатра «Аврора».

– Может, в кино сходим? – как-то неуверенно предложил Виктор. – Там сейчас интересный фильм идет, польский, исторический. Даниэль Ольбрыкский в главной роли.

Даша на его вопрос не ответила. Он чувствовал, что поступил опрометчиво, не посоветовавшись с ней по поводу свадьбы. Получалось, что он все решил за нее.

– Если хочешь, иди один, я не обижусь, – сказала она. – Извини, но мне на этой свадьбе делать нечего.

Виктор был расстроен ее отказом. Он не думал, что Даша воспримет его предложение в штыки.

– Понимаешь, он парень-то хороший, вот только с женщинами у него всегда чехарда какая-то, не может он с ними никак разобраться, – заступился Виктор за друга.

– А ты помоги ему с ними разобраться. Я думаю, и Верочка от твоей помощи не откажется. Она, вообще, мужчинам отказывать не привыкла, – выпалила Даша. – Да что я тебе рассказываю, – усмехнулась она, – сам, наверно, знаешь?

Сказав это, она остановилась и посмотрела Виктору в глаза. Он смутился. Напоминание о Вере было ему неприятно.

– Я без тебя не пойду, – сказал он. – Только я уже пообещал. Получится, что я не держу слово. Для будущего офицера это плохо. К тому же, Игорь мой друг, пусть оступившийся, безалаберный, но друг.

Даша ничего на это не ответила. Минуту они шли молча. От кинотеатра, где толпился народ, они свернули на аллею. Здесь было не так многолюдно.

– Хорошо, давай сходим, – неожиданно согласилась Даша. – Я подумала, раз для тебя это так важно, то нужно, конечно, идти, к тому же, ты дал слово. Мы с Верочкой пять лет знакомы, вроде подругами были, и вы с Игорем тоже друзья. Что ж, раз так вышло, врагами жить, что ли? Я вообще

не умею враждовать. Мне, когда я с кем-то поругаюсь, плохо до тех пор, пока не помирюсь.

– Ну вот, заодно и помиритесь. В конце концов, мы не обижаться должны, а благодарить их, – обрадовался Виктор. – Да и не ругались мы с Игорем. Он же сам мне все честно рассказал.

Гостей на свадьбу съехалось много. Родственники жениха, что называется, ломили стеной – от села, где жили родители Игоря, до города было от силы часа два езды. Часть приглашенных приехала на свадьбу на своих машинах, остальные по старинке – на рейсовом автобусе. Невеста в белом кружевном платье очень хорошо смотрелась рядом с женихом, одетым в строгий черный двубортный кримпленовый костюм с отливом. Верочка выглядела очень серьезной, как будто немного озабоченной. Она то и дело одергивала Игоря и не давала ему ничего пить, кроме шампанского и лимонада. Игорь, наоборот, сиял от удовольствия и радостно улыбался всем присутствующим. Когда свадьба пошла на спад и гости немного утомнились, Игорь снял пиджак и повесил его на спинку стула.

– Верунчик! – обратился он к своей теперь уже жене, – ты не возражаешь, если я со своими друзьями-курсантами водочки выпью? А то ребята на меня обижаются. Говорят, что я отрываюсь от коллектива.

– Милый, – стараясь не сорваться, ответила ему Верочка. – Какая водочка? – Она не скрывала своего раздражения и не боялась, что ее услышат, потому что за ревом музыки все равно никто ничего бы не разобрал. – Ты с ума сошел! Не хватало еще, чтобы ты со своими курсантами в такой день нализался. Успеете еще. Уж я-то вас знаю. Вы своего не упустите. Вот твое шампанское, пей на здоровье, – она подвинула ему ближе почти полный бокал.

Игорь с кислым видом посмотрел на рассерженную супругу. Такое начало семейной жизни его явно не устраивало.

Какая-то родственница невесты, женщина средних лет в фиолетовом платье, все время трогала Долгова, сидевшего с ней рядом, за локоть и приговаривала с умилением:

– Ах, какая пара, посмотрите, какая красивая пара. Он будущий офицер. Красивый такой, ладный. Господи, лишь бы войны не было. Пусть живут.

Она вытирала носовым платком с вышитыми на нем розочками выступавшие на ее глазах слезы умиления. Даша слушала все это и улыбалась. Рассуждения женщины о жизни казались ей наивными.

Окна кафе были распахнуты настежь. Весна набирала силу. Теплый южный ветер срывал с цветущих деревьев нежные белые лепестки, они падали на зеленые газоны, тротуары, плавали в мелких лужах на асфальте, и казалось, что вся улица усыпана белыми карнавальными конфетти.

Даша весь вечер была оживленной, много танцевала, после каждого быстрого танца на ее щеках выступал румянец. Виктор танцевал мало. Сначала он немного переживал за то, как Верочка и Даша встретятся на свадьбе. Женщины есть женщины. Мало ли что кому-то из них могло взбрести в голову, но все прошло на удивление гладко и хорошо. Верочка все свое внимание переключила на жениха. Ей было не до гостей.

В середине застолья, когда объявили танец для жениха и невесты, Виктор взял Дашину ладонь и крепко сжал ее. Она удивленно посмотрела на него, потом все поняла и улыбнулась.

– Я здесь, Витя, – сказала она ему очень тихо. – Если хочешь, я больше ни с кем танцевать не буду. Только с тобой.

– Нет, танцуй, пожалуйста, – ответил Долгов. – Просто я по тебе скучаю.

– А разве можно скучать, когда человек рядом?

– Можно, – сказал он серьезно.

Она рассмеялась.

– Ты неисправимый идеалист. С тобой нужно что-то срочно делать, иначе ты совсем потеряешь связь с реальной жизнью.

Перед свадьбой Виктора и Даши в город пришло настоящее лето, хоть на календаре было только начало мая. Солнце палило прямо с утра. На остановках в мягком асфальте были видны отпечатки женских каблучков. На улице было жарко

и душно даже по вечерам. Приглашение на свадьбу, предназначенное супружеской чете Пилипенко, Виктор и Даша решили отвезти вместе.

– Вместе жить собираемся, значит, вместе и приглашения вручать будем, – сказала Даша. – Я тоже хочу в этом участвовать.

Виктор не спорил. Вместе, так вместе. Он понимал, что Даше просто не хочется отпускать его одного, а с другой стороны, ей, как женщине, было любопытно хоть одним глазом взглянуть на то, как живут после свадьбы молодожены. Они захватили с собой бутылку шампанского и теперь, сидя в просторной квартире, которую снимали Верочка и Игорь, пили его из высоких фужеров на тонких ножках. На столе стояли конфеты и фрукты.

– Знаешь, старик, – обратился Пилипенко к Долгову. – У меня возникла прекрасная идея, – он ударил себя ладонью по лбу. – Ты ж у нас скромный, сам не предложишь. Поэтому предлагаю я. У тебя дружкой на свадьбе кто будет?

– Да пока не знаю, – ответил Виктор уклончиво.

– Тогда предлагаю себя, – Пилипенко встал и картинно раскланялся.

Предложение было неожиданным, Виктор немного растерялся и посмотрел на Дашу.

– Если ты откажешь мне в этой мелочи, старик, – сказал Игорь, наполняя фужеры, – и твоим дружкой на свадьбе будет кто-то другой, я обижусь. Что было, то было. – Он перевел свой взгляд на Дашу. – Вот видишь, и ты нашел свою единственную и неповторимую. Так что решай. Только долго не думай, а то я, действительно, на тебя обижусь.

– Ну, хорошо, хорошо, – согласился Виктор. – Я же не отказываюсь. У меня и кандидатуры другой нет. – Ему была приятна настойчивость Игоря.

– Ну, а моя законная супруга будет тогда дружкой. Куда иголка, туда и нитка, – добавил Игорь. – У нас будет с ней семейный подряд. Надеюсь, Даша не возражает? – Игорь, вальяжно раскинувшись в кресле, посмотрел на Дашу, ожидая ее реакции. – Общественность ждет решения.

– Нет-нет, я только за, – быстро ответила Даша, – я сама хотела предложить, да побоялась. А вдруг откажетесь? Вы теперь люди семейные, может быть, у вас дела.

– Мы откажемся? – удивился Пилипенко. – Нет, вы это слышали?! Пилипенко еще никогда не отказывался от мероприятий, где есть напитки и женщины. Ну, скажи, – обратился он к Долгову, – разве это не так?

– Что правда, то правда. К женщинам и напиткам тебя тянуло всегда, – сказал Виктор.

– В самую точку, – подтвердила Верочка. – Особенно к напиткам. Дня после свадьбы не было, чтобы он не выпил. Не медовый месяц, а проверка печени на прочность.

Все засмеялись.

– Нет, ну вы посмотрите, как они быстро спелись, – радостно воскликнул Игорь. – И это мой лучший друг и моя любимая жена! Ай-я-яй, и не стыдно вам наговаривать на приличного человека. По-вашему, получается, что я какой-то бабник и алкоголик! Но я не обижаюсь. Наоборот. Я рад, что вы вместе можете мне косточки. Жизнь все-таки прекрасная штука. Я вот только сейчас это понял. Вот смотрю на Виктора и Дашу и радуюсь. У вас все будет хорошо, ребята, я в этом уверен. Вы просто созданы друг для друга. Это же очевидно. Поэтому предлагаю выпить за будущую семью Долговых.

Он поднял бокал. Все последовали его примеру, чокнулись, выпили шампанского.

– Ребята, вы даже не представляете, как мы за вас рады, – добавила к сказанному мужем Вера. – Это так здорово, что вы решили пожениться. Вы такая хорошая пара.

У Даши на глазах выступили слезы. Она расчувствовалась и чмокнула Веру в щеку.

– Спасибо, Верочка, спасибо.

Верочка обняла Дашу и тоже расплакалась.

– Ничего, ничего, – говорил Пилипенко Долгову, уводя его за собой на кухню. – Пусть поплачут, посплетничают. Не будем им мешать. Бабам это надо. Он достал из холодильника недопитую бутылку коньяка.

– Вот, – сказал он. – Лекарство от семейных невзгод. Им полезно поплакать, а нам полезно сейчас выпить. У тебя предсвадебный стресс, а у меня послесвадебный шок. Брак, Витя, – это постоянная проверка мужчины на прочность. – Он говорил так, словно прожил в браке сто лет. – В браке,

как на фронте, нужно год за три считать. Семейная жизнь, между прочим, вещь непредсказуемая, – делился он своими наблюдениями, – не знаешь, кого куда занесет. Мы за месяц совместной жизни уже два раза ругались. – Игорь сказал это шепотом, чтобы их не услышали в соседней комнате, и закрыл дверь.

– А чего ругаетесь? – поинтересовался Долгов.

– А власть делим – кто главнее? Как соревнования по перетягиванию каната. То она на себя потянет, то я. От женщин, вообще, всего можно ожидать – источник повышенной опасности для нас, для мужчин. И, тем не менее, я счастлив. – Игорь обнял Долгова. – Предлагаю выпить, старина, за мужскую солидарность. – Он налил в рюмки коньяк. – Ну, и за то, чтобы ты тоже поскорее расстался с холостой жизнью и влился в наши ряды.

Свадьба Виктора и Даши проходила в небольшом уютном кафе. Гостей было немного: в основном за столом сидела молодежь – студенты и курсанты. С Дашиной стороны были ее мама и родная сестра с мужем.

Своих немногочисленных родственников Виктор встретил накануне свадьбы на автовокзале. Все дружно поехали к нему на квартиру.

Хозяйки дома не было – насчет гостей он договорился с ней заранее. Отец на свадьбу не приехал. Мать ничего не говорила о причинах такого поступка, но Виктору и без слов все было ясно. Она грустными, усталыми глазами смотрела на сына, словно была виновата в отцовских запоях.

На следующий день после торжественной регистрации, когда все приглашенные вышли на улицу и стали садиться в автобус, Долгов поискал глазами мать. Она стояла в сторонке и украдкой вытирала платком наворачнувшиеся слезы. Долгов подошел к матери и обнял ее, они так и стояли на глазах у всех, мать и сын, как будто не виделись много-много лет или расставались перед дальней и опасной дорогой и хотели хотя бы на мгновение продлить этот такой недолгий миг счастья – быть рядом друг с другом.

Сначала на свадьбе гостям было немного скучновато. Многие видели друг друга впервые и вели себя зажато. Спустя не-

которое время они перезнакомились, освоились, и зал ожил: со всех сторон посыпались тосты, шутки, кое-кто пытался петь, перекрикивая громко игравший ансамбль. Курсанты сидели вместе одной группой, налегали на выпивку и закуски и поглядывали на подружек невесты, сидевших за столом напротив них.

– Горько! – хором кричали они после каждого тоста, заставляя молодых вставать и публично целоваться.

Где-то в середине застолья Пилипенко взял слово на правах дружка.

– Вот мы с моим другом Долговым четыре года из одного котелка хлебали, – сказал он, держа в вытянутой руке полную рюмку. – Всякое было: и обиды, и ссоры, и непонимание. Один раз даже чуть не подрались.

– Ну, что было, то было, – он развел руками, – на то мы и мужики. Но ни разу мы мужскую дружбу свою не променяли ни на что. Вместе держались, несколько раз в серьезные переплеты попадали. Никогда у нас не было и тени сомнения в том, что рядом надежный, проверенный друг, мы знали, что никто не покажет в случае опасности спину и не предаст. И эта уверенность всегда помогала нам жить. – Игорь обнял Виктора. – Четыре года вместе, все поровну делили, горе и радости, и что? Вот так взять и расстаться? Мы будем последними дураками, если вот так расстанемся.

– А что, Витя, – запальчиво сказал Игорь, – давай обратимся к начальнику училища с просьбой, пускай нас вместе служить отправят. Хоть к черту на кулички, на север там или в Сибирь. Нам разницы нет куда, лишь бы вместе! Я правильно говорю, а? – обратился он к гостям.

Гости одобрительно зашумели. Предложение всем понравилось.

– Даешь Сибирь! – крикнул кто-то из курсантов.

Виктора тронули слова Игоря, сказанные искренне, от всего сердца. Он посмотрел на Дашу, она улыбалась.

– Ну, что ж, – сказал он, – вместе учились, вместе и служить будем.

– Горько! – крикнул Пилипенко, отхлебнув из рюмки. – Да почему же водка такая горькая сегодня?

Молодые офицеры в военном городке жили дружно, в свободное от службы время использовали любую возможность, чтобы собраться вместе, повеселиться, поделиться новостями, послушать новые магнитофонные записи, пластинки, потанцевать, ну и, чего греха таить, выпить по случаю встречи. Все пути вели тогда в торговый центр «Юбилейный» – здесь всегда был хороший выбор продуктов и горячительных напитков, способных удовлетворить любые самые изысканные вкусы.

Когда приходила весна и наступали погожие дни, население военного городка, соскучившись за долгую зиму по теплу, начинало выбираться на природу. Далеко ходить было не нужно. Совсем рядом с многоэтажками, в низине, располагался заросший камышом пруд, образованный искусственной дамбой на реке Мазутке. Несмотря на запрещающие надписи, находились смельчаки, которые в нем купались и даже ловили рыбу. Частенько на берегу пруда можно было увидеть шумные веселые компании: кто-то жарил шашлык, кто-то играл в волейбол. Тут же бегали дети разного возраста, радуясь солнышку и теплу. Мероприятия, для которых требовалась более серьезная подготовка, обычно проводили дома, кафе в городке не было.

Поводов пригласить к себе друзей у каждого было предостаточно. Получил кто-нибудь повышение по службе – банкет, пошел в отпуск – вечеринка, вернулся из отпуска – товарищеский ужин, а уж если кто в командировку наладился, тут уж без отвалной никак – примета плохая, удачи не будет. Верить в приметы офицерам не мешало наличие комсомольских, а кое у кого и партийных билетов. Пилипенко как раз такой билет имел. На третьем году службы он вступил в члены КПСС – подсуетился замполит полка. Он вызвал его к себе после развода: в кабинете было накурено, над головой замполита висел в темной деревянной рамке портрет генсека.

– Ты, Пилипенко, у нас в полку уже сколько? – спросил замполит, когда тот вошел в кабинет.

– Два года, товарищ майор, – ответил Пилипенко.

– Два года, – задумчиво пробормотал замполит. – Это хорошо.

Игорь не понимал, зачем ему задают такие странные вопросы. Чтобы узнать, сколько он прослужил, вовсе не обязательно было вызывать его лично. Эту информацию мог предоставить и отдел кадров.

– Насчет вступления в партию не думал? – задал вопрос в лоб замполит. В его руке дымилась папироса, на столе стоял чай в подстаканнике. Игорь пожал плечами – вопрос был для него неожиданным. На этом этапе жизни его вполне устраивал комсомольский билет.

– Пока не думал, товарищ майор, – ответил он. – Время, как говорится, терпит.

На лице майора появилось выражение легкой досады. Было видно, что ответ Пилипенко ему не понравился.

– Зря, старший лейтенант. Зря. Все нужно делать вовремя, пока предлагают. Куй железо, пока горячо, – он криво усмехнулся. – Так что ты подумай, терпит у тебя время или нет? А как надумаешь, заходи, продолжим беседу. – Майор загасил папиросный окурочок в пепельнице, встал из-за стола, давая ему понять, что разговор окончен. – Только мой тебе совет, старший лейтенант, – он сделал почему-то акцент на слове «старший», – долго не думай. Майор развернулся к нему спиной и стал смотреть в окно.

– Разрешите идти, товарищ майор, – обратился Пилипенко к замполиту.

– Можете идти, – сдержанно ответил майор.

Пилипенко вышел из штаба. Замполит своим предложением его слегка озадачил.

Сначала Игорь сомневался:

– Все-таки у коммуниста ответственность, – рассуждал он. – Оступишься – не простят, спросят по полной, а могут и вовсе из партии попереть, тогда на карьере можно смело крест ставить.

Но потом он подумал, все взвесил и решил, что нужно вступать. Вечером дома во время ужина он сказал об этом жене.

– Правильно, чего думать?! – сказала она, ставя на кухонный стол сковородку с жареной на сале картошкой, – без партии наверх ходу нет, а с партбилетом в кармане для тебя

все двери открыты. Это же звучит – коммунист Пилипенко. Гораздо лучше, чем лейтенант Пилипенко.

Служба у друзей шла нормально; дежурства сменялись плановыми и внеплановыми проверками, проверки – учебными тревогами, ночными дежурствами, смотрами и отпусками, отпуска снова сменялись все той же однообразной и серой, как осенние дожди, службой, которую скрашивали лишь праздники, дни рождения и походы с женами в клуб.

Первым звание старшего лейтенанта получил Пилипенко. Тенденции, заложенные еще в училище, проявлялись и здесь – Игорь снова был лидером. Начальство его ценило, отмечало грамотами, ценными подарками, особенно за достижения в спорте. Он был на хорошем счету, пользовался доверием и расположением командира полка, его считали хорошим семьянином и примерным и дисциплинированным офицером. После рождения дочери ему дали двухкомнатную квартиру, как и его другу Долгову. Дети у них родились с интервалом в два месяца – сначала сын у лейтенанта Долгова, а потом дочь у старшего лейтенанта Пилипенко.

– Обскакал ты меня в этом вопросе, – говорил Долгову Пилипенко, когда они в узком мужском кругу обмывали рождение дочери у него дома.

Верочка еще лежала в роддоме, поэтому пока отмечали без жен.

– Признаю при всех, обскакал. Главное, женился позже, а отцом стал раньше. И сразу, с первой попытки, сын. Ты, наверно, секрет какой-нибудь знаешь? – обратился он к Долгову. – Поделись. Я тоже возьму на вооружение.

– Перед тем, как детей штамповать, Игорек, нужно рубанок под кровать класть, – посоветовал голубоглазый высокий капитан – командир роты связи. – Тогда есть гарантия, что будет мальчик. А так, без рубанка, всегда большой риск.

– А где я рубанок возьму? – растерянно спросил Пилипенко, не понимая, что капитан шутит.

– Ну, если рубанка нет, – рассмеялся капитан, – тогда клади португепю, тоже, говорят, хорошо помогает.

Пилипенко пропустил шутку мимо ушей.

– Я ведь тоже пацана хотел, – жаловался он, – наследника. Даже имя придумал. Хотел в честь отца назвать Петром.

– Ничего, – успокаивал его капитан, – будет у тебя сын. Ты ж упертый мужик, лбом стену прошибешь, а своего обязательно добьешься. Вон уже старлей, а мы по три года в лейтенантах проходили. Годика через три капитана получишь, в академию поступишь. У тебя еще вся жизнь впереди. Не отчаивайся. Какие твои годы!

Расходились поздно. Кто-то затынул песню возле подъезда:

*Мы – ракетные войска,
Нам любая цель близка.*

Все дружно подхватили:

*Наши меткие ракеты,
Наши мощные ракеты,
Безотказные ракеты
Грозно смотрят в облака.*

Капитан ошибся – второго ребенка Игорь с Верочкой заводить не стали, решили пока, как говорится, пожить для себя, зато со званием так и получилось. Из тех, кто приехал в часть одновременно с Пилипенко, капитана он снова получил первым. Через год после него дали четвертую, капитанскую, звездочку и Долгову.

У Долгова служба шла не хуже, чем у его закадычного дружка, но как-то невесело, без огонька. Не такой представлял он себе эту службу. Не мог он найти в ней то, за что мог бы зацепиться, что было бы созвучно его душе и характеру. Все в ней казалось ему каким-то будничным, казенным, а порой и просто глупым. Долгов своих мыслей не скрывал, высказывался. Начальству, привыкшему видеть в офицерах, прежде всего, четких и безотказных исполнителей и имевшему везде свои уши, это не нравилось.

– Выбрось ты из головы эти мысли, – советовал ему Пилипенко, – это в училище на собраниях можно было дискутировать, да и то в меру. А здесь армия. Понимаешь, Витя, армия. Нужно делать только то, что приказывают. Здесь умников не любят.

Когда мужья были заняты на службе, жены коротали вечера вместе, слава богу, что жили почти рядом. Верочка мастерски пекла пироги, Даша помогала ей. Так за разгово-

рами и стряпней проходило время. Иногда Даша жаловалась Верочке на мужа.

– Невнимательный он у меня какой-то. Вроде, с мужем живу, а вроде, и без. Нет, он не жадный и добрый. Но, понимаешь, Вера, я все сама – сама готовлю, сама по магазинам хожу, сама ребенка воспитываю. Ладно, если бы у него хоть на работе достижения были, а то ведь и там не все гладко. Начальство его не очень-то жалует, потому что он настроен критически. Что-то там пытается доказывать. А с работы приходит – ему уже не до меня.

– Ты на это внимание не обращай, не трать нервы, – советовала ей Верочка, – что с них возьмешь? Одно слово – мужики. Запомни, кроме работы, рыбалки и футбола, им ничего не нужно. Возьми моего Пилипенко. Когда по телевизору футбол – мы с дочкой по дому на цыпочках ходим. Гол забьют – вскакивает и телевизор целует. По отношению ко мне я такого темперамента давно не наблюдаю. Правда, цветы регулярно покупает, а не только на Восьмое марта, как все. В этом он молодец. По дому сам все делает, без напоминания. Посуду не моет, полы тоже – я, говорит, мужчина и за тряпку половую держаться не буду. Украшения разные дарит, – хвасталась она.

– Ну, во-первых, таких, как твой Игорь, мало, – соглашалась с ней Даша, – а во-вторых, я заметила, что большинство мужчин, вообще, ювелирные отделы обходят стороной – считают, что украшения нам, женщинам, ни к чему.

Верочка частенько заводила разговор о своих дальнейших планах на жизнь.

– А я вот мечтаю в какой-нибудь большой город перебраться, – говорила она. – Ну, не в Москву, конечно, а хотя бы в Челябинск или Оренбург. Надоела эта дыра.

– А мне нравится здесь, – отвечала Даша. – Я привыкла уже – спокойно, тихо, сын здесь родился. Как-никак работаю по специальности. Да и люди здесь хорошие, жалко с ними расставаться. – В ее голосе были слышны нотки затаенной грусти.

– В большом городе тоже люди, а не звери живут, – не соглашалась с ней Верочка. – Ничем, я думаю, не хуже этих. А твои настроения мне не нравятся, – говорила она Даше. – В карете прошлого далеко не уедешь, дорогая. Найди себе

кого-нибудь. Встряхнись. Вон их сколько ходит, в глазки заглядывает. Твой, он мягкий, добрый – простит, если что. Только не кисни! Нам, бабам, раскисать нельзя. На нас вся обороноспособность страны держится!

Подобные разговоры для Верочки были не редкостью. Даша ее рецептами пользоваться не собиралась, но рук не опускала и пыталась найти хоть какой-то позитив в своей жизни.

– В принципе, живу, как все, – думала она. – Вроде все у меня есть – муж, работа, ребенок. Быт более-менее устроен. Может, еще все наладится? – надеялась она. – Нужно только чуть-чуть потерпеть, успокоиться, и тогда, наверно, все наладится.

В последнее время Долгов почему-то часто вспоминал свое детство, мальчишек, плывущих на автомобильных камерах по реке, запах свежескошенного сена, южное небо, синие вершины на горизонте, до которых теперь были тысячи километров. Здесь все было чужое, даже степь была другой, не такой, как там, на далекой родине. Зимой все окрестности военного городка заметало снегом, и трескучие уральские морозы загоняли людей на несколько долгих месяцев в помещения. Четырехэтажный панельный дом, в котором жила его семья, стоял на самом краю военного городка. Дальше никаких строений не было, насколько хватало глаз, простиралась ровная белая степь.

В отличие от Пилипенко, Долгов особого рвения к службе не проявлял, но делал все на совесть, не показушничал и о стремительной карьере, как его друг, не мечтал. За годы службы он стал высококлассным специалистом. Начальство не раз отмечало его высокий профессиональный уровень – он хорошо разбирался в АСУ, в любых радио- и электросхемах, в случае необходимости находил и устранял неисправности своими руками. За годы службы в нем накопилась какая-то неудовлетворенность жизнью – ему казалось, что он способен на большее.

Как часто бывает в жизни, в дело вмешался случай. Однажды Долгова неожиданно вызвали в штаб дивизии к заместителю командира по кадрам. Долгов вошел в приемную: слева от двери, обитой дерматином, на стульях сидели офи-

церы. Он поздоровался и назвал свою фамилию молоденькой секретарше.

– Проходите, товарищ капитан, – сказала она, – вас ждут.

В кабинете он увидел сидевшего за столом полноватого, с родинкой на щеке, полковника. У него на столе лежала папка с какими-то документами, которые он внимательно изучал. Отодвинув папку в сторону, полковник поднял глаза и посмотрел на Долгова.

– Я вот для чего вас вызвал, капитан Долгов, – сказал он. – Мы хотим представить вас к назначению на должность оперативного дежурного на командном пункте дивизии. Анкету мы вашу проверили – вопросов к вам нет. Специалист вы хороший – это тоже нам известно. Говорят, телевизоры и магнитофоны чините?

– Ремонтирую, товарищ полковник, когда товарищи обращаются, – ответил Долгов, немного смущаясь, – в свободное от службы время.

Полковник улыбнулся.

– Этого стесняться не надо. Я пригласил вас, чтобы узнать ваше мнение. Дело это сугубо добровольное. Силком никто никого не тянет. Перспективы карьерного роста, конечно, имеются – такие специалисты у нас в дивизии в цене. Да и в материальном плане пополнение будет для семейного бюджета, что тоже немаловажно. Не скрою, ответственность очень высокая. Вы будете иметь допуск к боевому потенциалу дивизии. Что это значит, я надеюсь, вам объяснять не нужно. Не каждому родина оказывает такое доверие. Но не каждый и выдержит такую нагрузку. Думаю, вам это по плечу.

– Я не член КПСС, товарищ полковник.

– А это не ко мне. Это к замполиту. Напишите заявление, если у вас есть такая потребность. Партсобрание его рассмотрит. Мне нужно ваше согласие или отказ, больше у меня к вам вопросов нет. – Он закрыл папку, лежавшую перед ним, и замолчал.

– Когда нужно дать ответ? – спросил Долгов.

– У вас есть дня два, не больше, – ответил полковник.

Долгов на минуту задумался. Офицеры, допущенные к управлению пусками стратегических ракет, были основой лю-

бой ракетной части. Такая должность открывала широкие перспективы к профессиональному росту. Упускать такой шанс ему не хотелось.

– Я согласен, – сказал он.

Дома он сообщил Даше о своем разговоре с полковником. Она безразлично пожала плечами.

– Делай, как знаешь, – сказала она. – Тебе виднее, я в твоей работе ничего не понимаю.

После прохождения обучения в специальном центре Долгов был допущен к боевым дежурствам на командном пункте дивизии. Теперь ему довольно часто приходилось дежурить в спрятанном от посторонних глаз на территории части многоуровневом бетонном бункере, снабженном мощными герметичными железными дверями, лифтом, увозящим людей вниз на сорокаметровую глубину, туда, где жили своей жизнью многоярусные бетонные города с длинными узкими коридорами, с проложенными вдоль серых безликих стен толстыми бронированными кабелями. Здесь, глубоко под землей, в этих каменных лабиринтах офицеры и солдаты несли свою нелегкую службу с одной целью – защитить страну и мирную жизнь простых людей от потенциального врага. Именно отсюда велось управление всеми ракетами дивизии, разбросанными по степи в радиусе более ста километров от командного пункта. Там, в частях и подразделениях, в жерла ракетных шахт, накрытых огромными многотонными стальными крышками, были загружены стратегические ракеты, нацелившие свои овальные серые носы на враждебный запад.

Каждый раз, заступая на боевое дежурство, Долгов ощущал приятное волнение от осознания серьезности тех задач, которые ему теперь предстояло выполнять. Страна доверила ему, простому сельскому парню, свой ядерный щит. С новым назначением что-то изменилось в его отношении к службе – теперь он как будто распрямился, расправил плечи.

Иногда Долгов вспоминал старого подполковника из училища. В нем было что-то родное, русское, простое, незащищенное и одновременно прочное и надежное.

– А впрочем, каждому из вас предстоит сделать выбор и ответить на вопрос, что для него главное, – вспоминал он на-

путственные слова подполковника. Он говорил тогда о том, что волновало Долгова сейчас.

Он тоже сделал свой выбор и не жалел о том, что связал свою жизнь с армией, в полной мере ощущая теперь свою ответственность за судьбу страны, за это чудовищное по своей силе и мощи оружие, управление которым находилось в его руках, и был горд тем, что и он есть эта сила, вернее, часть ее, пусть ничтожно малая, но все-таки часть.

Когда на разводах караула Долгов слышал знакомую мелодию марша «Прощание славянки», которую исполнял дивизионный духовой оркестр, по телу его пробегала легкая приятная дрожь. Дежурный по гарнизону стоял перед караулом и четко отдавал отточенные годами команды.

– Караул! Напра-во! Шагом марш! Оркестру играть развод.

Мелодия марша проникала в него глубоко, затрагивала самые тонкие струны души. Сколько раз, еще с училища, приходилось Долгову маршировать под эту музыку, и всегда он испытывал душевный подъем – такая сила была заложена в ней. Он шел по дивизионному плацу и ощущал себя человеком, которому страна доверила самое главное – защиту родной земли и всего живого, что на этой земле есть. Когда он думал об этом, даже внутрисемейные невзгоды казались ему мелкими и незначительными и отходили на второй план. Его жизнь теперь наполнилась новым смыслом.

Иногда во время несения караульной службы к ним заглядывал начальник политотдела дивизии – тучный подполковник с массивным подбородком и хитрыми глазами; он любил по ночам проверять караулы и беседовать с личным составом. Обычно подполковник садился за стол, ему заваривали крепкий чай, и он делился своими наблюдениями над жизнью, оттачивая комиссарский стиль общения. Он был большим либералом и любил блеснуть остроумием.

– Товарищ подполковник! А вы хотите стать генералом? – спросил у него как-то в шутку один из молодых офицеров-двухгодичников, которых здесь, в дивизии, называли «пиджаками» – они приходили после институтов, служили два года лейтенантами и снова возвращались на гражданку.

Лейтенант был совсем молодым, прослужил всего полгода, и мечты о генеральских погонах еще будоражили его голову.

– Чтобы стать генералом, лейтенант, – ответил подполковник, отставляя от себя чай и закуривая, – нужно родиться генеральским сыном. Другого пути, к сожалению, нет.

– А как же знания, академии? – не успокаивался лейтенант.

– А знания генералу не нужны. У него куча умных заместителей, – пошутил подполковник.

Все, кто сидел за столом, рассмеялись.

– Есть еще один путь, – не унимался лейтенант.

– Какой? – поинтересовался подполковник. – Просвети нас, сырых. А то мы тут сидим в шахтах и кабинетах, как кроты, не знаем современных тенденций служебного роста.

– Проложить тропинку к сердцу генеральской дочки.

– Молодец! – похвалил его подполковник, – тебе палец в рот не клади, ты его быстренько отхватишь, и ключик под коврик от квартиры тоже класть нельзя, а то вернешься домой, а там занято, как говорится, картина Репина, приплыли. – Подполковник откинулся на спинку стула и засмеялся.

– Ты институт какой закончил? – хитро прищуря глаз, спросил он.

– Политехнический.

– Трудно учиться, наверно, было, а?

– Да уж, мозги нужны были, – не без гордости ответил лейтенант.

– У нас про студента политеха анекдот раньше ходил по дивизии.

Подполковник посмотрел на офицеров. По его взгляду было видно, что у него кое-что припасено напоследок.

– Женатый студент политеха жалуется другу, как у них тяжело учиться, – начал рассказывать он. – Представляешь, говорит, жене вру, что пошел к любовнице, а любовнице вру, что пошел к жене. А сам за кульман и всю ночь – чертить, чертить, чертить.

Офицеры, сидевшие за столом, снова рассмеялись. Настроение лейтенанта упало.

– Я не женат, – сказал он, глядя на улыбающегося подполковника.

– Ну, ничего, женишься, лейтенант. – Он по-отечески похлопал его по плечу. – Правда, генеральскую дочку не обещаю. У нас с этим напряженка.

Неженатых офицеров в части было мало. Все они жили в общежитии. Здесь же проживали и семьи молодых офицеров, которые ожидали жилье. Часть офицерских жен, особенно те, у которых были маленькие дети, не работали – сидели дома, на хозяйстве. Свою жену Пилипенко после декретного отпуска устроил на работу вольнонаемной в секретную часть – в школе, как жена Долгова, она работать не захотела.

Летом, когда наступала пора отпусков, друзья с семьями выбирались в отпуск на юг. Сначала разъезжались по родным, а потом уже ехали на море недели на две, а то и на три, заранее договорившись о том, где они встретятся. Обычно снимали одну квартиру на две семьи – так было дешевле, да и удобнее. Днем ходили на пляж, загорали, купались, вечером гуляли по набережной, заглядывали в кафе. По утрам Пилипенко обычно забирался в ванну и нежился там по полчаса, наслаждаясь отпускной жизнью.

– Вер, а Вер, – звал он жену, – потри мне, пожалуйста, спинку.

– Не хочу, – отвечала Вера, – мне не до тебя, детей кормить нужно.

– Пусть Даша накормит, – не унимался он.

– Даша на рынок ушла за фруктами.

– Кому сказал, иди сюда, – шутливо кричал Игорь, – и немедленно потри мужу спину. Зачем я женился? Чтобы с грязной спиной ходить?

– Освободи территорию, – смеясь, кричал через закрытую дверь Виктор, – ты сегодня на голодном пайке.

Если получалось со временем и с деньгами, то с моря они возвращались через Москву, чтобы немного приодеться и приобуться; останавливались там у знакомых на день-два всем своим табором. В Москве очереди в магазинах были километровые, зато товар выбрасывали на прилавки хороший, добротный, в основном импортный. Жены на очереди не жаловались и отоваривались, что называется, по полной программе.

– Потратила все до копейки, Пилипенко, – отчитывалась запыхавшаяся Верочка, забегая в комнату.

– Простояла в очереди в ГУМе три часа. Вот! – положила она на стол картонную коробку. – Купила себе сапоги югославские на зиму! Я о таких мечтала всю жизнь.

Она надела сапог, поставила ногу на стул, а чтобы ему было лучше видно, подняла повыше юбку.

– Ну, как я тебе в них? Произвожу впечатление?

– Конечно! – подтвердил Пилипенко, который разглядывал вовсе не сапог, а красивую ногу жены. – В городке все просто сдохнут от зависти!

Пилипенко называл это «вернуться с добычей».

– Вот, с богатой добычей вернулись, – говорил он, наблюдая за тем, как жена уже дома примеряла новые кофточки и платья.

– В отпуск не зря съездили. Прибарахлились. А что море? Сплошная абстракция. Приехали назад, загар в душе смыли, и остались одни воспоминания.

Больше всех радовалась новым вещам Верочка. На работу она ходила в форме прапорщика, но не упускала случая блеснуть на людях обновкой.

Устроившись на работу в спецчасть после почти двухлетнего сидения дома, Верочка снова почувствовала себя полноценной женщиной. Работа ей нравилась, вокруг всегда было много интересных мужчин.

Даша магазины посещала с меньшим, чем Верочка, рвением, но тоже привозила себе наряды из Москвы. Долгов к вещам был равнодушен и плохо в них разбирался.

– Витя, – давай мы тебе костюм новый купим, – предлагала она.

– Куда мне его надевать? – отказывался Виктор. – Ты лучше себе купи платье или духи. Тебе нужнее.

Он, как и большинство мужчин, не любил ходить по магазинам и носил то, что на свой вкус покупала ему жена. Мебель, занавески, ковры, посуда его тоже интересовали мало. Сначала Даша по этим вопросам пыталась советоваться с мужем, но, видя его полное равнодушие к устройству семейного быта, бросила. На похвалу он тоже был не очень щедрым – то ли стеснялся красивых слов, то ли не умел их говорить, но,

как женщина, она была этим обделена – нежных, ласковых слов от него почти не слышала.

Политические потрясения, которые происходили в стране, докатились и до дивизии. В стране объявили перестройку. Долгов поначалу пытался, как обычно, во всем этом разобраться, а потом махнул рукой – дальше болтовни, как всегда, дело не шло. Никто толком не понимал, что это такое и с чем ее едят, эту перестройку. Начальство суетилось, пытаюсь уловить новую идеологическую линию, угодить, усидеть на своем месте, не попасть под сокращение в связи с потеплением международной обстановки. Там, на самом верху, полным ходом шли переговоры о сокращении стратегических ядерных вооружений. Так писали в газетах. Это вызывало нервозность в офицерской среде.

– С чего бы это политическая обстановка взяла вдруг и резко потеплела? – недоумевал Долгов, читая газеты. – Бывшие враги не могут вот так взять и стать друзьями. Что-то здесь не так.

В дивизии поговаривали, что вот-вот может начаться разоружение. В офицеров это большого оптимизма не вселяло. К обычному армейскому бардаку, к которому все давно привыкли и уже считали нормой, добавились еще антиалкогольная агитация и новые, неприемлемые для многих принципы трезвого образа жизни, воспринятые, естественно, всеми офицерами в штыки. В дивизию зачастили проверяющие. Между солидными товарищами в погонах мелькали и штатские в шляпах и плащах.

Как-то, поссорившись из-за какого-то пустяка с женой, Долгов решил зайти пообедать в столовую. Заведующий столовой, прапорщик предпенсионного возраста, которого все офицеры звали просто по отчеству, Петрович, подсел к нему поговорить. Видимо, ему было скучно одному на складе среди мешков с мукой и ящиков с тушенкой и килькой. Знакомы они были давно – до переезда Долгова в двухкомнатную квартиру они жили в одном доме.

– При Хрущеве тоже вот так все начиналось, – вспоминал он. – Меня тогда на срочную только призвали. Сначала комиссии понаехали с портфелями, все вынюхивали что-то, пересчитывали, ничего никому не говорили, а потом бац, как

обухом по голове, приказ – дивизию расформировать. Резали по живому, без жалости. Выдирали прямо с корнями. С насиженных мест людей срывали с детьми, женами. Смотреть было жалко. Нашу дивизию полностью сократили. Молодые, конечно, пристроились как-то, а офицерам, кто постарше, похуже пришлось. Некоторым до пенсии по два-три года оставалось. Были и воевавшие, с боевыми наградами. Так их тоже на гражданку отправили. Поговаривали, что два с лишним миллиона сократили. Вот так было.

– Зачем они с армией так? – поинтересовался Долгов. – Да еще в таких масштабах?

Он был удивлен, почему сам, будучи военным служащим, никогда ни о чем подобном не слышал.

– Так ведь они нам не докладывали зачем, – с усмешкой посмотрев на Долгова, сказал Петрович. – Я рядовым служил. Меня и еще несколько солдат, правда, оставили и в другую часть перевели. А офицеров всех до единого уволили в запас. Тогда шутили, что Хрущев решил конницу и пехоту на ракеты поменять. Вскоре после того сокращения, кстати, и наша ракетная дивизия образовалась. Может быть, конечно, с точки зрения повышения обороноспособности страны генералы были и правы. Им, как говорится, видней. Только нельзя было так с людьми – они честно родине служили, а их, как мусор ненужный, – на улицу.

Из столовой Долгов вышел озабоченным, разговор с Петровичем оставил у него неприятный осадок. Он видел, что в армии, действительно, происходят какие-то нездоровые перемены. Престиж военной профессии падал. Приезжавшие в дивизию комиссии крутились все больше вокруг складов с военным имуществом и ракетных шахт. Они что-то писали, составляли отчеты о проделанной работе, потом ехали на рыбалку километров за сто от гарнизона, парились в командирской сауне, после этого отваливали назад в Москву с чувством выполненного воинского долга. От этих визитеров с неприятными хитрыми лицами и от неприкрытой показухи нормальных офицеров уже тошнило.

Между тем с прилавков магазинов начисто исчезло все спиртное. В единственном в городке универсаме, где всегда в былые времена можно было купить любые напитки, не было даже обычной, самой дешевой, водки с зеленой эти-

кеткой, которую в народе почему-то называли «Андроповкой». Виданное ли дело, отмечать праздники русским людям без спиртного? Первое время выручало то, что в дивизии на складах хранились запасы спирта, который применялся для обслуживания радио- и электрооборудования и потом каким-то образом переключивал в домашние холодильники. Кое-кто из офицеров стал потихоньку гнать в сараях и гаражах самогон и устраивать для друзей вечера дегустации крепких напитков. Начальство знало об этих новшествах, но никого не наказывало, относилось с пониманием к нуждам кадровых офицеров, поскольку это не снижало уровня боевой готовности подразделений; знало – для себя гонят, не на продажу, а втихую и само попивало «самиздат», как его называли в определенных кругах, когда кто-то угощал, да еще нахваливало. Стало совсем плохо с продуктами, с одеждой, с повседневными бытовыми товарами. В мутной воде ловили рыбу многие. Кто-то пытался продвинуться под шумок по карьерной лестнице, кто-то – нажиться. Капитан Пилипенко не стоял в стороне от всех этих веяний. Вовремя сориентироваться в этой непростой обстановке ему помогла жена. Был, правда, момент, когда и его начал грызть червь сомнения – не податься ли из армии на вольные гражданские хлеба? Связист – специальность крепкая, можно было и на гражданке неплохо устроиться. Видимо, уловив эти настроения мужа, Верочка решила кое-что предпринять. Как-то вечером дома она заявила, что завтра ему нужно зайти в штаб дивизии.

– Это для чего? – не понял Игорь.

– Я сама пока не в курсе. Намекнули, что по поводу новой работы. Зайдешь к заместителю командира дивизии по тылу, – ответила Верочка. – Завтра в три часа. Он тебе все объяснит.

Игорю этот вызов «на ковер» показался странным, но, зная свою жену, о деталях он допытываться не стал. Она была практичным человеком, и если бралась за что-то, то всегда извлекала из этого пользу. На следующий день Пилипенко вошел в кабинет заместителя командира дивизии по тылу.

– Здравия желаю, товарищ полковник, – сказал он. Тот кивнул и предложил ему присесть.

– Вы производите впечатление умного человека, капитан, – сказал он. – К тому же, вас порекомендовали люди,

к мнению которых я не могу не прислушаться. Не скрою, мне сейчас до зарезу нужны инициативные люди с деловой хваткой. Исполнителей хватает, но это все не то. Нужны преданные люди, способные работать на перспективу. Парторганизация вас характеризует как грамотного и преданного делу партии коммуниста. Кстати, должность, которую вы при благоприятном для вас раскладе можете занять, майорская. – Он вопросительно посмотрел на Пилипенко.

– Я надеюсь, капитан, мне не придется жалеть о своем предложении?

– Я постараюсь, товарищ полковник, – четко ответил Пилипенко. – Приложу все силы.

Он пока еще до конца не понимал, что ему предлагают, но чувствовал, что дело стоящее.

– Ну и хорошо. Детали, как говорится, обсудим позднее, – сказал полковник. – Ждите приказ о переводе вас из полка в дивизию. Его скоро подпишут. Можете идти.

Вскоре, действительно, приказ был подписан. Теперь на новой должности Пилипенко имел доступ ко всем складским помещениям дивизии. Верочка была довольна, ее мужа заметили, и он пошел вверх. Получив должность, капитан Пилипенко не забыл и про своего друга капитана Долгова.

– Ты обращайся, старик, – говорил он при встречах – в последнее время они виделись не так часто. – Не скромничай. Расшибусь в лепешку, а для тебя все достану. Ты же знаешь, для друзей у меня всегда двери открыты.

Долгов плохо ориентировался в вопросах обеспечения семьи одеждой и продуктами и всегда отсылал Пилипенко к Даше.

– Ты лучше позвони Даше и спроси у нее, – говорил он. – Она тебе точнее скажет.

Обычно после подобных разговоров в доме появлялись продукты в красивых импортных упаковках: чай, тушенка, печенье, рыбные консервы, ветчина в банках. Долгов видел, как радовалась всему этому Даша. Он с сожалением понимал, что жизнь стремительно меняется, и на смену одним ценностям, устоявшимся традициям, идеалам приходят другие. Новая жизнь, словно злая бездушная мачеха, выгоняла из родного дома на улицу тех, кто не принимал новые правила игры.

То ли от скуки, а может быть, от пресыщенности этой однообразной жизнью, но только капитан Пилипенко стал поглядывать в сторону жены капитана Долгова.

Даша после рождения сына заметно похорошела – из девушки-студентки превратилась в красивую женщину. Она немного пополнила, но это не испортило ее красивую фигуру, а, наоборот, добавило ей женственности и очарования. Игорь по-прежнему часто бывал у них дома. Даша за все эти годы настолько привыкла к нему, что не могла даже подумать о том, что он может начать за ней ухаживать. Но в последнее время в его поведении появилось что-то странное, он стал более внимателен к ней, старался во время разговора смотреть в глаза, как будто надеясь прочесть в них что-то важное для себя. Даше это было непонятно. Мысль о том, что Игорь за нею ухаживает, пришла к ней после дня рождения, когда Игорь подарил ей французские духи. Он с женой пришел немного раньше других. Цветы и чайный сервиз вручили прямо в коридоре.

– Поздравляем, дорогая, – Верочка чмокнула Дашу в щеку.

– Желаем тебе, чтобы ты всегда оставалась такой же веселой и красивой, – присоединился к ней Игорь.

– Спасибо, мои дорогие, – сказала Даша, кладя коробку с сервизом и цветы на тумбочку. – Ну, вы тут располагайтесь пока, а я на кухню. Хочу все сделать к приходу гостей, чтобы потом не бегать. Виктор занимается в зале сервировкой стола. Этим мужчинам нельзя ничего поручить, боюсь, что он переколотит там всю посуду.

– Я сейчас возьму этот вопрос на контроль, – успокоила ее Верочка. – А ты иди к Даше на кухню, – обратилась она к Пилипенко. Нечего без дела болтаться!

Из зала выглянул Долгов, в руках у него были тарелки.

– Что, получил наряд вне очереди? – спросил он у Пилипенко.

– Что делать, старик, – Игорь развел руками. – Есть женщины, которым впору полком командовать, а в наличии один муж. Вот за всех и отдуваюсь!

Он снял фуражку, в которой все это время стоял в коридоре, повесил ее на вешалку и нырнул на кухню.

– Капитан Пилипенко прибыл в ваше полное распоряжение, – шутливо доложил он, обращаясь к Даше, как к старшему по званию командиру. – Это здесь требуется грубая физическая сила?

– Вот тебе банка огурцов, грубая физическая сила, – сказала, улыбаясь, Даша, – открой. Нужно еще открыть консервы и нарезать колбасу. Только тонко. А то я знаю, как вы режете. Шпроты из банок не выкладывай. Я сама выложу.

– Слушаюсь! – вытянув руки по швам, сказал Пилипенко. Было видно, что у него хорошее настроение и он дурачится. – Выглядишь на все сто, – сказал он ей.

– Спасибо, – она немного смутилась от такого комплимента.

Даша понесла тарелки с салатами в зал и немного задержалась там, разговаривая с Верочкой. Когда она вернулась, банки были уже открыты, колбаса аккуратно нарезана.

Пилипенко полез в карман и достал оттуда небольшой флакончик духов.

– Даша, а это от меня лично, – серьезно сказал он, протягивая Даше духи. – Только спрячь их пока. Ты же Верочку знаешь, она к фонарному столбу приревнует.

– Господи, – Даша взяла в руки духи, – да это же «Шанель»! Игорь, ты бьешь без жалости в самое сердце. – Даша растерянно посмотрела на него. – Но мне неудобно принимать от тебя такой дорогой подарок.

– Не мелочись! – сказал Игорь. – Во-первых, я их брал в магазине, а не у спекулянтов. А во-вторых, это всего лишь деньги. Их нормальный мужчина всегда может заработать. Вот красоту такую, как у тебя, за деньги не купишь.

– Все равно, – сказала она, – такие подарки нужно дарить женам, а не знакомым женщинам.

– Ты не просто знакомая женщина – ты жена моего лучшего друга. А за мою жену не беспокойся. Она сама себе все купит. Просто мне хотелось, чтобы у тебя были французские духи. Это не справедливо, что именно у тебя их нет. – Он взял у нее из рук духи и положил флакон в карман ее фартука.

– Спасибо. – Даша обрадованно поцеловала Игоря в щеку. – Ты настоящий друг.

Он привлек ее к себе и поцеловал в край губ. В коридоре раздался шум и голоса.

– Люди, ау, – позвал кто-то.

Это подошли гости.

Даша отстранила Игоря от себя, поправила нарядное платье и прическу, сняла фартук, повесила его на спинку стула и вышла к гостям, которые толпились в прихожей.

– Проходите к столу, – приглашала Даша гостей, принимая цветы и подарки. – Проходите, пожалуйста, там уже все готово.

Из зала вышла Верочка. Одета она была, что называется, с иголки. Красное шевиотовое платье плотно облегалo ее красивое тело, макияж был подобран в соответствии с нарядом, на ногах отсвечивали лаком новые итальянские туфли на шпильках. Выглядела она эффектно.

– Вы у нас, Верочка, сегодня, как Софи Лорен, – отпустил ей смачный комплимент сосед Долговых, майор, когда все ушли в зал и они остались в прихожей вдвоем.

– Я лучше, – недовольная комплиментом, сказала Верочка, почувствовав в тоне майора насмешку. – Ваша Софи Лорен – старая драная кошка.

Майор пожал плечами и, не поняв, чем он вызвал ее гнев, пошел к народу.

Стол накрыли со вкусом. Было много закусок и крепких напитков – в этом вопросе подсуетился вездесущий Пилипенко. Вечер проходил обычно: звучали тосты, поздравления, шутки, потом танцевали. Пилипенко, потанцевав для приличия с женой, пригласил на танец Дашу. Наклонясь к самому ее уху, он прошептал:

– На правах друга могу сказать, что просто люблю, как с каждым годом ты все хорошеешь и хорошеешь, Дашенька. По правде сказать, не разглядел я тебя тогда, не разглядел. Каюсь. Теперь вот локти кусаю.

Даша немного выпила, настроение у нее было хорошее. Внимание мужчин, в том числе и Игоря, было приятно ей. Его рука, лежавшая у нее на талии, казалась ей такой сильной, надежной. В течение всего вечера он еще несколько раз приглашал Дашу на танец.

Верочка сидела за столом и злилась, наблюдая за кругами, которые нарезал ее законный муж вокруг Даши. Она удивлялась сама себе, почему ни с того ни с сего сегодня вдруг стала

снова его ревновать? И к кому? К Даше. Своей конкуренткой она ее никогда не считала.

Когда Верочка и Игорь вернулись к себе домой, она прямо с порога набросилась на мужа с упреками.

– Когда это кончится, Пилипенко? – кричала она. – Ты не пропускаешь ни одной юбки! Теперь эта Даша!?

– Да тише ты, ребенка разбудишь, это ж жена моего друга – твоя подруга, между прочим. Она мне как сестра, – успокаивал он жену.

Он подошел и попытался обнять Верочку. Она оттолкнула его.

– Не заговаривай мне зубы! Тоже мне, нашел дуру! Рожу твою бесстыжую видеть не могу!

Пилипенко еще раз предпринял попытку примирения, подошел сзади и осторожно взял жену за талию.

– Я свою Наталию узнаю по талии. Как широка талия – то моя Наталия, – спел он, прижимаясь к ней.

– Брось свои дурацкие шуточки, Пилипенко! – выкрикнула она, вырываясь. – Знаем мы таких сестер! Может, старая любовь вернулась? А? По второму кругу пошел?

После дня рождения Игорь стал заходить к Долговым чаще, в основном, когда Виктора не было дома. Заходил без дела, просто так. Открыто ничего не предлагал, в разговорах ходил вокруг да около, обходя щекотливую тему, ограничивался какими-то непонятными намеками. Ей казалось, что он как будто ждет от нее чего-то. Наконец, она все поняла.

– Неужели я дала повод? Когда? – Даша пыталась припомнить все их встречи и не находила в своем поведении ничего такого, за что могла бы себя упрекнуть.

– Что же случилось? – недоумевала она. – Почему после стольких лет знакомства он вдруг неожиданно переменялся ко мне?

Теперь каждый новый его приход был для нее и радостью и испытанием. Даша не знала, как себя вести. Ей припомнился случай, который произошел на море несколько лет назад. Они, как всегда, снимали одну квартиру на две семьи. Рано утром Даша зашла в ванную комнату и забыла запереть дверь. Она разделась, включила воду и встала под душ. Неожиданно дверь открылась, в дверном проеме она увидела

Игоря. Он стоял с полотенцем на шее и глядел ей прямо в глаза – в его взгляде не было даже грамма смущения. Даша негромко ойкнула и прикрылась полотенцем, висевшем рядом на крючке.

– Извини, – сказал он. – Я не знал, что здесь ты.

Даша ничего не ответила ему. Игорь как будто ощупывал ее своим взглядом. Подобных ощущений она никогда потом не испытывала.

Странно, но Даша поймала себя на мысли, что была благодарна Игорю за то, что он растревожил ее душу, внес в нее смятение и теперь, приходя к ней, оказывал ей знаки внимания, интересовался ее жизнью, ее мыслями. Он как-то незаметно стал ей просто необходим. Годами в ней копилась усталость, неудовлетворенность жизнью, и теперь ей была необходима хоть какая-то отдушина. Надоело быть не женщиной, а домработницей и добытчицей: бегать по магазинам, стоять в очередях и, вообще, бороться за существование двадцать четыре часа в сутки. Жизнь стала какой-то запутанной и непонятной, даже работа перестала нравиться. Каждый раз, выходя из школы, Даша ощущала внутреннюю опустошенность. На уроках она говорила детям одно, а, выйдя на улицу, сталкивалась совсем с другим. Поделиться своими переживаниями было не с кем – с Верочкой на подобные темы разговаривать было бесполезно, а в разговорах с мужем в последнее время она старалась серьезные темы не затрагивать – сознательно обходила их. Когда выдавались свободные вечера, Долгов или читал, устроившись на своем любимом месте – в кресле у окна, или общался с сыном: они с ним играли в настольный хоккей, клеили аэропланы, запуская их потом на пустыре, ползали по-пластунски по комнате, прятались под кроватью от разбойников, собирали из конструктора машины, трактора и танки. Служба не позволяла ему делать это часто. На жену времени оставалось и того меньше, вместе они смотрели телевизор, иногда ходили в гости.

– Неужели это и все? – думала Даша, – а как же мечты о семейном счастье, наконец, любовь? Что впереди? Перспектива вместе состариться?

От этих мыслей ей становилось не по себе. Не такой представляла Даша свою семейную жизнь. Ведь она была еще так молода! Ей хотелось душевного тепла, заботы, внимания,

крепкого мужского плеча рядом, на которое можно было бы опереться. В последнее время все чаще и чаще Даша стала ловить себя на мысли, что почти не думает о муже, что перестала скучать за ним, когда он уезжал в командировки, и сердце ее уже не екало, как прежде, когда она слышала в прихожей его шаги. Их отношения стали формальными и схематичными. Даже ложась с ним в постель, она мечтала только об одном – чтобы он поскорее уснул. Близость с мужем стала для нее обузой, а не радостью. Его ласки были ей уже не нужны. Появилась трещина в семейной плотине и через нее потихонечку, незаметно ушло из семьи что-то главное, без чего теперь трудно было жить.

Даша не понимала, что с ней происходит. Она вышла замуж за хорошего парня, родила ему сына и решила, что теперь жизнь так и потечет дальше – ровно и спокойно. В начале их отношений Долгов, безусловно, нравился ей – высокий, умный, красивый, с покладистым уравновешенным характером. Вполне естественно, что на его предложение выйти за него замуж она ответила согласием. Но была ли между ними любовь? Именно та любовь, о которой мечтает каждая девушка. Теперь, родив ребенка, повзрослев и набравшись жизненного опыта, она все чаще и чаще стала задумываться над этим. Что ожидало их впереди? Виктор раздражал ее своим неумением устроиваться в жизни. Нет, он старался и делал все, что мог – иногда готовил обед, забирал сына из детского сада и даже ходил по магазинам за продуктами, просто не умел, как другие, доставать, пробивать, договариваться. Она чувствовала, что дело не только в нем, возможно, она сама была главной причиной их непонимания и отдаления друг от друга. На многие вещи Даша смотрела теперь по-другому – не так, как в начале их семейной жизни. Тогда все было как-то проще, ссоры быстро забывались, стоило только улыбнуться друг другу. Иногда Даше хотелось, чтобы все вернулось назад. Она тосковала по тому времени, не зная, что делать, искала в муже то, что снова могло бы ее привлечь и приблизить к нему, заставляла себя быть ласковой с ним, приветливой, пыталась воскресить в себе угасшее чувство, но ничего не получалось – ее сердце равнодушно молчало. И все же она чего-то ждала от жизни – то ли крутого поворота, то ли новой встречи.

Шагов навстречу Пилипенко она не делала, но и не прогоняла его. Он видел ее состояние и, догадываясь о той борьбе, которая шла у нее в душе, терпеливо ждал. Даша еще не решила для себя, как ей быть. Ей было хорошо от того, что рядом есть человек, которому она нужна. Она не собиралась разбивать его семью, вступать с ним в близкие отношения.

– Нет, этого не будет, – думала она. – Хорошо, что я еще могу чувствовать. Может, я еще когда-нибудь снова полюблю?

Когда осенью Долгова отправили на месяц на переподготовку, поздно вечером в их квартиру позвонил капитан Пилипенко. Дверь ему открыла Даша.

– Это ты? – спросила она удивленно и немного растерянно. – Почему так поздно, Игорь? – Даша говорила тихо, чтобы не разбудить сына. – Ну, проходи, чего ты стоишь? – сказала она, как бы спохватившись, что гость стоит на пороге, – только Виктора нет, он в командировке.

– Я знаю, – сказал Пилипенко, раздеваясь. – Я, собственно, к тебе. Сашка спит?

– Да, спит, весь вечер плохо себя чувствовал, боюсь, как бы не заболел. Еле уложила.

Они прошли на кухню. Даша задернула на окнах занавески.

– Чай будешь пить? – спросила она. – У меня чайник горячий.

Игорь кивнул. Когда Даша поднялась, чтобы достать с кухонной полки чашки для чая, он встал, обнял ее сзади за плечи, потом повернул лицом к себе, поцеловал в губы. Она стояла, опустив руки, не обнимая его, но и не отталкивая. Ее губы были безвольными и мягкими. Пилипенко дотянулся до выключателя и погасил свет. Он понимал, что поступает бесчестно, но остановиться и отказаться от этой женщины уже не мог. В таких делах каждый решает сам, что ему важнее – честь или корысть.

Измена, она, как ложь. Трудно солгать в первый раз, а дальше уже все идет по накатанному, потому что ничего другого не остается. Но сколько веревочке не виться, а конец всегда будет. В военном городке, как в деревне – утаить что-то трудно. О том, что Пилипенко бегаёт к жене Долгова, знал весь городок. Но люди молчали.

– Пусть сами разбираются, – думали они. – Вмешиваться в такие дела – только врагов себе наживать.

За семейными заботами и служебными делами пролетела осень, и в городок как-то незаметно пришла зима. Долгову зима нравилась тем, что укрывала белым снегом чуть ли не на полгода серую молчаливую степь. Можно было в свободное от службы время смотреть в окно на покрытую до самого горизонта серебристым снегом белую равнину. Снег от долгого лежания схватывался сверху ледяной коркой, и было видно, как порывистый ветер гонит по ней поземку в сторону городка, наметая сугробы вокруг редких кустов и деревьев. Усиливающийся к ночи мороз покрывал прозрачные стекла замысловатыми узорами.

В один из вечеров, вскоре после Нового года, офицеров собрали на совещание. Просидев часа два в душном помещении, Долгов вышел на улицу и вдохнул чистый морозный воздух. Над дивизионным плацем поднимались вверх морозные световые столбы от горящих по периметру фонарей. Он закурил и пошел по направлению к дому. Сзади раздались торопливые шаги. Оглянувшись, Долгов увидел майора, жившего с ним в одном доме.

– Слышь, капитан, – сказал он Долгову, – можно тебя на пару слов?

Сначала шли молча. Виктору было непонятно молчание майора. На углу под фонарем он остановился. Перед Домом культуры толпилась молодежь, из открытых дверей доносились звуки музыки,

– Танцуют, – сказал майор, не зная, как начать разговор. – Это, конечно, не мое дело, капитан, но я подумал и решил с тобой поговорить. Другому б не сказал, наверно, а тебе скажу. Просто мне такие люди, как ты, симпатичны – делаешь спокойно свое дело, не лезешь на трибуну, под себя не гребешь, как другие. Такие сейчас редкость. Поэтому хочу дать тебе совет. Присмотрись к своей жене, по-моему, она что-то не то делает.

– Что? Не понял! – Долгов схватил майора за грудки. – Ты что плетешь?

Майор с большим усилием оттолкнул Долгова от себя.

– Возьми себя в руки, капитан, – сказал он, – я не для того тебе это говорю, чтоб обидеть. Мне тоже с тобой разговари-

вать про это – не мед ложкой есть. Один на один тебе говорю, как товарищ. Я на этом деле сам десять лет назад обжегся. Мое дело доложить, а там поступай, как знаешь. Просто за то время, пока ты в командировке был, здесь кое-что произошло. И к дружку своему тоже присмотришь, повнимательней присмотришь, – добавил майор.

Он ушел, оставив Долгова одного. Еще какое-то время было слышно, как скрипел снег под его сапогами. Вскоре шаги затихли.

Виктор задумался. Даша, действительно, сильно изменилась в последнее время. Вместе они давно не ходили даже в гости. Она стала какой-то чужой, равнодушной; то вдруг неожиданно на нее находили приступы веселья, и она смеялась весь вечер, то, наоборот, он заставлял ее сидящей задумчиво на кухне возле кипящего чайника. Долгов заметил, что утром перед уходом на работу Даша дольше обычного прихорашивалась перед зеркалом, от нее пахло дорогими духами.

Майор своей откровенностью сильно озадачил Долгова. Трудно было собраться с мыслями – они путались в голове, возвращали его то назад в прошлое, когда у них все только начиналось, то снова всплывали какие-то реалии дня нынешнего, главное, что никакой информации, которая могла пролить хоть какой-то свет на то, что происходит, не было. Слова майора били наотмашь, без жалости и снисхождения. Можно было просто не обратить внимания на то, что он сказал, пропустить мимо ушей, но как после этого смотреть людям в глаза? У него еще теплилась надежда, что все это только слухи и ничего больше, но интуиция подсказывала ему, что майор сказал сегодня правду.

Несмотря на то, что семейная жизнь сейчас была не такой гладкой, как раньше, Долгов своей жене доверял. Она за все время их супружества ни разу не дала ему повода усомниться в ней. Но его продолжали терзать сомнения.

– Дыма без огня не бывает, – думал он. – Просто так языком ляскать не будут. Во всяком случае, штабной майор на сплетника, действительно, был не очень-то похож. И еще этот недвусмысленный намек на капитана Пилипенко.

Несколько дней Долгов мучился, боролся с собой. Он старался не смотреть Даше в глаза, избегал разговоров – обида

на жену подтачивала его изнутри и мешала жить. Наконец он решился.

Вернувшись вечером домой, Долгов разделся в коридоре и вошел на кухню. Он сам налил себе борща в небольшую эмалированную чашку, разогрел его на плите и стал неторопливо есть. Даша резала мясо на разделочной доске.

– Через час будет готов гуляш, – сказала она вместо приветствия.

– Гуляш – это хорошо, – сказал он как можно бодрее и добавил, – завтра вечером на сутки заступаю.

Она молча кивнула. Собирать мужа ей было не нужно – тревожный чемоданчик, как обычно, стоял в углу. Продукты из дома с собой Виктор никогда не брал, горячим питанием офицеров во время боевых дежурств обеспечивали.

На следующий день вечером Долгов поужинал, попрощался с женой, поцеловав ее в щеку и, как ни в чем не бывало, пошел с чемоданчиком на выход. Настроение было плохим, на душе скребли кошки.

Немного в стороне от дома стояли индивидуальные сараи для каждой квартиры. Ключ от замка он заранее положил в карман. Долгов отомкнул дверь в свой сарай и вошел внутрь. В маленькое окно был виден вход в подъезд, над которым висел неяркий фонарь. На третьем этаже в окнах его двухкомнатной квартиры горел свет. Подъезд, в котором жила семья Долгова, был крайним. За домом располагался пустырь, и с этой стороны обычно никто не ходил, потому что домов дальше не было, только холодная заснеженная степь. Все жильцы дома ходили по тротуару, который был сейчас перед ним, как на ладони. Минуты ожидания тянулись долго. От волнения он непрерывно курил и бросал окурки себе под ноги на бетонный пол. Прошло часа три. Долгов стал понемногу замерзать. Мороз был не сильным, но ноги в сапогах от долгого стояния на бетонном полу стали мерзнуть. Он видел, как Даша вошла в их комнату, задержалась у окна, задернула штору, потом потушила свет; еще некоторое время свет горел на кухне, потом потух. Иногда в подъезд входили люди, он узнавал их – все они были его соседями. Долгов думал о том, порядочно ли он поступил сегодня, начав слежку за женой. Может быть, проще и честнее было спросить у нее прямо, по-мужски, правда это или нет, без виляний, и посмотреть

при этом ей в глаза, а не кружить теперь, как бездомный пес, вокруг собственного дома. Он уже жалел о том, что выбрал именно этот путь. Долгов приоткрыл дверь сарая, чтобы выйти на улицу. Неожиданно из-за угла, со стороны пустыря, показался коренастый мужчина. Он быстро открыл дверь и скрылся в темном проеме подъезда. Незнакомец явно не хотел, чтобы его узнали и прятал лицо в поднятый воротник полушубка. Долгов не успел толком его рассмотреть.

– К ней или не к ней? – подумал он.

По фигуре незнакомец сильно смахивал на капитана Пилипенко. Долгов посмотрел на темные окна своей квартиры. Никаких признаков присутствия «гостя» не было. Неожиданно одно окно засветилось – зажгли торшер. Спустя минуту свет погас, но он успел заметить в окне, на фоне задернутой шторы, две тени – мужскую и женскую. Кровь застучала в висках. Долгов отказывался верить в то, что сейчас происходило. Почувствовав, что ноги окончательно замерзли и уже деревенеют от мороза, он взял в руки свой маленький чемоданчик, закрыл на ключ дверь сарая и пошел по плохо освещенной улице городка к дому своего друга.

В том, что жена ему изменяет, теперь он был уверен. Его волновало только одно: кто был этот человек, так похожий на капитана Пилипенко?

То, что Игорь сегодня не был занят на службе, Долгов знал абсолютно точно, потому что специально еще утром навел справки. Он ускорил шаг и быстро пошел к знакомому подъезду. В военном городке все уже давно спали, редко где светились окна. В квартире Пилипенко свет на кухне еще горел. Дверь открыла Верочка и с удивлением посмотрела на него.

– Можно я войду? – тихо спросил Долгов, чтобы не разбудить соседей по лестничной клетке.

– Проходи, конечно, Витя, – сказала она, – что ты спрашиваешь? Только тихо, дочка спит.

– Игорь дома? – спросил он, останавливаясь в узком коридоре.

– Он еще в обед уехал, сказал, по делам, – ответила Верочка, зевая, – будет только завтра. А что случилось, Вить? – обеспокоенно спросила она, постоянные командировки мужа ей казались подозрительными. – Да ты проходи на кухню. Ничего не случилось?

– Нет, – сказал Долгов, – все нормально. Так зашел. Смотрю, свет горит, думал Игорь дома. Вот и зашел.

Верочка с недоверием посмотрела на него. Долгов не выдержал ее взгляда и отвел глаза в сторону. Он прошел, не разуваясь, на кухню, открыл кран и выпил кружку холодной воды. Долгов не знал, о чем говорить с Верочкой, да и нужно ли в таких случаях что-то говорить? Слова, ведь, они ничего в таких делах не решают. Он попрощался и, ничего не объяснив, вышел из квартиры. Вера растерянно пожала плечами, так и не поняв цели его странного ночного визита. Она потушила на кухне свет и пошла укладываться спать.

На улице шел снег. Он хрустел под ногами, и каждый шаг был отчетливо слышен в обманчивой тишине спящего городка. Было морозно и зябко, колючий ветер охлаждал щеки. Виктор поднял воротник шинели, закрываясь от бьющего в лицо ветра, и пошел в сторону офицерского общежития. В двух комнатах на первом этаже обосновались недавно прибывшие в часть лейтенанты со своими женами. Для Долгова нашлась свободная комната по соседству с ними. Слава богу, что заспанный комендант, живший здесь же, не был бюрократом и не потребовал никаких документов.

– Мне на одну ночь, – сказал Долгов, разбудив коменданта.

Тот молча дал ключ и снова ушел спать. Комната была гостевой, в ней обычно останавливались командировочные. Сегодня она пустовала. Долгов как был в одежде, так и лег на застеленную кровать, снял только шинель и сапоги. Ему вдруг вспомнился страшный эпизод из прошедшего детства. Лопнула льдина на речке, где они с мальчишками играли в хоккей. Дело было ранней весной, и лед уже был не такой прочный. Витька чуть-чуть замешкался, собирая свои вещи, которые, разгорячившись во время игры, бросил прямо на лед, и не успел соскочить на берег вместе со всеми. Когда он схватил пальто и шапку и хотел перепрыгнуть по льдине, было уже поздно – она стала слишком широкой и с каждой секундой становилась все больше и больше. Витька растерянно стоял на льдине и не знал, что ему делать. Глубина в этом месте была приличной – выплыть в одежде шансов не было. В это время льдина треснула еще раз, потом наклонилась и стала уходить из-под ног, и он, скользя и тщетно

цепляясь за лед застывшими от холода пальцами, медленно стал сползать в черную ледяную воду. Течение затягивало его под лед. Каким-то чудом он все-таки спасся. Ребята не растерялись и дружно бросились на помощь. Они, взявшись за руки, вошли в воду, и первый протянул ему сухую длинную ветку, которую они нашли на берегу. Витька схватился за нее и выбрался на берег. Теперь у него возникло похожее ощущение, словно он потерял опору и падает куда-то вниз в черную бездну.

Заснул он только под утро. Это был не сон, а, скорее, какое-то полузабытье, когда мозг не отключается и сознание продолжает искать выход из тупика.

Он пришел к себе домой утром, когда Даши уже не было, быстро собрал свои вещи в две большие сумки и направился в общежитие. По пути ему встретился знакомый капитан.

– Ты куда собрался? – поинтересовался он. – В отпуск?

– Что-то вроде того, – ответил Долгов, – в долгосрочный.

Через неделю он подал заявление на развод. В дивизии мнения по поводу этого события разделились. Одни считали, что Долгов поступил правильно, другие – что он погорячился. Некоторые офицеры части, и это не было ни для кого секретом, тоже имели любовниц. В мужской среде считалось, что изменять женам не такое уж большое преступление. Здесь же был другой случай. Пилипенко покусился на жену своего лучшего друга, и многие офицеры осуждали его именно за это, хотя открыто никто ему об этом не говорил.

Развели Долгова и Дашу быстро, без волокиты, по обоюдному согласию сторон. Через пару месяцев вслед за Долговыми развелись и Пилипенко – Верочка изначально была против расторжения брака, но Игорь настоял на разводе. Квартиру и обстановку он оставил жене и дочке, а сам переехал жить к Даше. Долгов так и продолжал жить в общежитии.

– Напиши заявление, – советовали ему друзья, – ты же капитан, тебе через годик все равно отдельную квартиру дадут.

Но он никого не слушал и заявлений никаких не писал.

Через несколько месяцев после развода Даша и Игорь расписались. Виктор изредка заходил в свою бывшую квартиру проведать сына. В этом ему никто не препятствовал, к тому же Даша на алименты не подала. Сначала Долгов думал по-

ложенную сумму перечислять ей на книжку, а потом решил каждый месяц приносить деньги и гостинцы лично. Когда он приходил, сын бросался к нему на шею, от радости на глазах у Виктора выступали слезы, которые он прятал – ему не хватало семьи, сына, Даши. Только теперь он понял, что они для него значили.

Как-то уже по осени Долгов собрался по делам в город. Как раз в этот день из части на станцию ехал бортовой ЗИЛ. Водитель согласился его подбросить. Когда в условленное время Долгов подошел к машине, то увидел в кабине бывшую жену капитана Пилипенко. Верочка выглядела довольно бодрой.

– Привет, – сказала она ему, пододвигаясь ближе к водителю, чтобы дать возможность Долгову сесть. – Какие люди! – Всплеснула она руками. – Это ж надо! Не возражаете против компании, товарищ капитан? – спросила она в шутку.

– А ты не возражаешь? – спросил он у нее, показывая пачку папирос.

– Не возражаю, – ответила Верочка, – кури на здоровье. Сколько лет тебя знаю, все время куришь эту дрянь. Что, на приличные не заработал?

Долгов усмехнулся, но курить не стал и положил пачку с папиросами в карман. В районе железнодорожного вокзала он сошел и договорился с водителем, где и когда тот его забереет. После обеда возвращались назад той же компанией.

На середине пути в районе дач машина поломалась. Водитель, молодой щуплый солдат-первогодок, залез под капот ЗИЛа и стал там что-то крутить и продувать.

– Ну, что там с машиной, боец, надолго стали? – обратился Долгов к солдату.

– Не знаю, товарищ капитан, – ответил как-то неуверенно солдат. – Похоже, стартер навернулся.

Можно было подождать автобус, но Долгову ждать почему-то не хотелось.

– Ну, что, красавица, пошли тогда пешком, – обратился он к Верочке. – Минут за тридцать, думаю, доберемся.

Верочка взяла свою хозяйственную сумку и вылезла из машины.

– А ты жди здесь, – приказал он солдату, – я машину с тросом пришлю.

– Есть, товарищ капитан, – ответил солдат и опять наполовину залез под капот автомобиля.

Несмотря на ноябрь, было довольно тепло, кое-где на берегах болтались на ветру редкие желтые листья. Дошли они до части довольно быстро, через степь, срезая, где можно, дорогу.

Сначала он забежал в штаб к дежурному предупредить, чтобы выслали машину с тросом, потом помог Верочке донести до дома тяжелую сумку.

– Может, зайдешь? – спросила она, когда они поднялись на четвертый этаж. – Хоть чаем тебя напою, а то осунулся, похудел, один нос торчит. Все по Дашеньке своей, небось, сохнешь?

Последнюю фразу она сказала с напускной веселостью. Он не ответил, поставил сумку у двери и стал ждать. Верочка достала длинный ключ с насечками, вставила его в замок и открыла дверь.

В квартире никого не было.

– Раздевайся, – сказала Верочка, – никого нет – муж к другой ушел, а дочка в детском саду. Через час забирать пойду. В следующем году в школу пойдет, как и твой, в одном классе, наверно, будут учиться.

– Наверно, – ответил Игорь, – они же одногодки.

– Может, породнимся когда-нибудь? – пошутила Верочка. – Хоть мы с тобой и так родня, – она рассмеялась.

На кухне было тепло, уютно и очень вкусно пахло. Этот запах ему был хорошо знаком, он узнал бы его их тысячи других запахов – в детстве так пахли мамины пироги. На столе, действительно, лежал большой аппетитный пирог с золотистой корочкой, из надрезанной части выглядывал толстый слой мясной начинки.

Все получилось как-то само собой, как тогда, много лет назад, когда они встретились на квартире. Она подседа к нему поближе, положила голову на плечо.

– Обними меня, – попросила она.

Он обнял ее, поцеловал...

– Завтра бери свой чемодан и переезжай жить ко мне, – сказала ему Верочка, когда он уходил. – Нечего нам по углам прятаться, мы тоже имеем право на нормальную человеческую жизнь.

– А это удобно? – спросил Долгов.

– Ты, Витя, как маленький, – усмехнулась Верочка. – Ты перед кем в порядочность играешь? Перед ними, что ли? Да плевали они на твою порядочность. Бери вещи и приходи. Можешь даже сегодня.

– Хорошо, – сказал Долгов. – Завтра вечером перееду. Только, собственно, перевозить нечего.

Верочка махнула рукой.

– Мне твое приданое не нужно.

Все было как-то обыденно и буднично. Он спокойно, без спешки, стал спускаться вниз. Было слышно в пустом подъезде, как цокают о бетон ступеней его подбитые каблуки. На следующий день он переехал к Верочке.

– Веселые вы ребята, – сказал комендант общежития, старый отставной капитан с бурачным от спирта лицом, забирая у него ключ.

– То сходитесь, то расходитесь. Как будто вам делать больше нечего.

Долгов пропустил слова коменданта мимо ушей. Он свою жизнь веселой не считал и не любил, когда посторонние люди в нее вмешивались.

Последнее время он много думал над тем, как ему жить дальше. Чем он, капитан Долгов, мог еще заняться в этой жизни? Кроме военного ремесла, других профессий у него не было, да и не лежала его душа ни к чему другому.

– Получается, что мы – как они? – спросил он как-то у Верочки, когда они, спустя месяц после его переезда, сидели вечером на кухне и ужинали.

– Нет, – ответила она зло, – мы не как они. Просто нам тоже жизнь свою устраивать надо, раз уж так сложилось. Нас судьба свела.

– Да, – сказал Долгов, – клин клином вышибают, по-другому, видимо, не получится.

Переехав к Верочке, он вроде как поквитался с капитаном Пилипенко. В городке поговорили, поговорили о них, да и успокоились. Бывшим друзьям нечего было больше делить, все уже было поделено. Иногда они все же встречались в каких-то компаниях. Долгову было неприятно сидеть за одним столом с человеком, в одночасье лишившим его семьи, но он сохранял выдержку, старался не показывать, как ему горь-

ко, не рвал до конца отношений с бывшей женой, оставлял ниточку, которая тянулась из прошлого – эта ниточка позволяла ему видеть Дашу и сына, разговаривать с ними, и хоть иногда, пусть иллюзорно, возвращаться на короткое время в ту далекую жизнь, когда они были вместе. Теперь, когда он оглядывался назад, ему казалось, что это было самое счастливое время в его жизни.

С Верочкой они все же расстались. Он знал, что это произойдет рано или поздно и никаких иллюзий на этот счет не строил. Верочка не могла жить мирно, без потрясений и скандалов. После очередной такой ссоры он вернулся назад в общежитие. Они с Верой оказались разными людьми. Долгов это знал и раньше. Не нужна она была ему, а он ей. Не лежала у него душа к этой, погрязшей в поисках всевозможных благ и в быте, красивой женщине. Все в ней было для него чужим.

– Уходишь? – спросила она, стоя в коридоре, сложив руки на груди. – Смотри не пожалей. Будешь проситься назад, не приму. У меня не гостиница.

– Не волнуйся, не попрошусь, – сказал он ей на прощание, закрывая за собой входную дверь.

После ухода Долгова Верочка горевала недолго. Спустя всего месяц, она подцепила в клубе какого-то молодого лейтенанта из «пиджаков», прибывшего в часть сразу после окончания института, который тут же по уши в нее влюбился и даже, по слухам, собирался на ней жениться. Вся дивизия с интересом наблюдала за этим романом.

Дашу Долгов видел чаще всего утром на аллейке перед штабом, по которой она ходила на работу. Иногда он специально прогуливался там, когда был не на службе, чтобы увидеться с нею. Они здоровались, не останавливаясь, как будто ничего между ними никогда не было – ни прожитых вместе лет, ни подрастающего сына. Ему хотелось остановить ее и спросить, почему все так нелепо получилось? Но он не делал этого, понимая, что ответа на этот вопрос нет. После таких встреч ему становилось особенно одиноко, в нем снова и снова что-то просыпалось к этой женщине. Это чувство не хотело умирать – оно боролось и сопротивлялось там, глубоко внутри, мучило его душу, иссушало ее и не давало возможности обрести желанный покой. Долгову было тяже-

ло видеть равнодушные, холодные глаза когда-то родного человека. Она жила в своем мире, куда ему был закрыт вход, и не нуждалась в его прощении, а он давно не осуждал ее, а больше винил себя – за то, что не смог удержать возле себя эту дорогую ему женщину.

В последнее время Долгову часто снились родные места – река рядом с домом, синяя гора в черных тучах перед дождем, огромное старое дерево на берегу. Он видел его живым, полным сил, устремленным своей верхушкой в голубую даль высокого неба, и сердце наполнялось ощущением радости и свободы. Когда утром он просыпался, это ощущение куда-то бесследно исчезало. Долгов вспоминал, что дерева уже нет, как нет в его жизни Даши и той далекой девочки из детства. Она и Даша слились для него теперь в один странный образ, и ему порой казалось, что это он с Дашей ходил тогда за цветами, обнимал ее и именно ей писал потом длинные письма, которые так и остались лежать неотправленными в ящике письменного стола. Его душа жила воспоминаниями. Каждую ночь он снова и снова погружался в прошлое, как будто ища там ответ на вопросы, которые перед ним ставила жизнь. Долгов давно понимал, что любит вовсе не эту молодую красивую женщину, которая ходит сейчас где-то рядом по военному городку, а другую, ту юную искреннюю девушку, которая осталась там, в безоблачной и наивной юности в темной комнате университетского общежития. Ему не давала покоя одна мысль, она измучила его – любила ли она его? Нет, не сейчас, когда прошло время, которое изменило их, сделало чужими людьми, смотрящими на многие, даже простые, вещи по-разному. Любила ли она его тогда, в те дни и месяцы еще курсантской для него и студенческой для нее жизни, когда он был так счастлив, когда стремился к ней, и даже двухдневное расставание казалось тогда для него вечностью? Неужели это было с ее стороны хорошо замаскированной и прикрытой маской наивности ложью, женской хитростью? Долгов отказывался в это верить, не мог даже на миг представить себе, что это было именно так, и что Даша просто позволила ему любить себя, притворилась такой, как было нужно ему. Он гнал от себя эту мысль, потому что она разрушала его мироощущение – тот фундамент, на котором

строилась вся его жизнь. Этот вопрос был очень важным для него, может быть, на этот момент жизни – самым важным, и ему было больно сознавать, что он уже никогда не получит на него ответ.

Беда, как известно, не ходит одна. Как-то вечером, когда Долгов был на службе, раздался телефонный звонок. По голосу он узнал телефонистку с коммутатора.

– Товарищ капитан, – сказала она, – тут с почты звонили. Просили вас найти. Вам телеграмма срочная. Текст они продиктовали. Прочитать?

– Читайте, – сказал он.

– Умерла мама похороны среду отец, – прочла телефонистка.

Он не ждал отсюда беды. С тех пор, как Долгов последний раз был дома, прошел почти год. Тогда мать выглядела больной и сильно постаревшей. Она обняла его и на ее глазах выступили слезы – то ли от радости, то ли от предчувствия скорой разлуки.

От дежурства его освободили. Друзья, кто сколько мог, скинулись на дорогу. Он заехал на железнодорожный вокзал и купил себе билет до Челябинска. Ближайший поезд был только рано утром.

В общежитии было непривычно тихо, даже соседи за стеной сегодня не слушали музыку, ничего не праздновали и не ссорились. Долгов вошел в комнату, не включая свет, сел на стул и заплакал. Заплакал беззвучно, как плачут доведенные до отчаяния мужчины. Не замечая своих слез, он смотрел в темную пустоту окна и думал о матери. Последняя живая ниточка, которая связывала его с этим миром, порвалась. Теперь он остался один на один со своей большой и непоправимой бедой.

До дома он добрался только через два дня. Пришлось лететь через Москву – прямого рейса не было, сначала закрыли по метеоусловиям аэропорт в Челябинске, потом не принимала Москва. Когда Долгов подъехал на такси к своему дому, то неожиданно ощутил в сердце непонятную для него пустоту. Ему показалось, что прошла целая вечность, как он уехал отсюда, так много разных событий произошло в его жизни с тех пор.

Войдя в дом, Долгов увидел постаревшего и ссутулившегося отца, сидящего в одиночестве за столом. Перед ним стояли недопитая бутылка водки и стакан.

– Вот, сынок, – сказал отец, – нет нашей мамки. – По его худым небритым щекам текли слезы. – Видишь, старый я совсем стал, на слезу слабый.

– Когда маму похоронили? – спросил Долгов.

– Вчера схоронили, сынок, вчера, – ответил он как-то буднично, – ждали тебя, ждали, да так и не дождались. Решили схоронить без тебя. Ты уж нас прости, сынок. Больше ждать никак нельзя было, – он не договорил, налил себе в стакан водки и выпил.

– Мы ее рядом с бабушкой и дедом твоим положили. С ними она. Иди, сходи к ней. Она ждет тебя там. Она всю жизнь тебя ждет. А меня прости, прости, если можешь. – Отец поднял на Витьку заплаканные глаза. – Я ведь любил ее, только ее одну, как мог.

Долгову стало жалко этого убитого горем и водкой человека, что-то вдруг екнуло в груди. Ведь отец, не чужой.

– Вдвоем мы остались с тобою, Витя. Два горемыки, ты да я. Как жить теперь будем? – Отец пьяно качал головой. – Как теперь жить?

Виктор подошел к столу и положил свою руку на отцовскую – она была холодной и вялой. Ему стало жалко этого человека.

– Я скоро, – сказал он, – я, батя, скоро.

До этого он никогда не называл его батей и поэтому сам удивился своим словам.

Когда Долгов вышел на улицу, сквозь облака выглянуло солнце. Он снял плащ и понес его в руке. По пути ему попадались люди. Они узнавали его, уважительно кивали, приветствуя, по их серьезным лицам было видно, что односельчане искренне сочувствовали его горю – мать в селе уважали.

Кладбище располагалось на пригорке, берега реки в этом месте поросли молодым густым кустарником. На небольшом мыске неподалеку зеленели пышные кусты казацкой туи. Долгов быстро нашел свежую могилу, обложенную венками, сел на лавочку и долго смотрел туда, где над вершинами далеких гор проплывали ослепительно белые облака. Подул холодный ветер. Он встал и пошел в сторону широкой бал-

ки. Было немного сыро, видимо, накануне прошел сильный дождь и, как всегда бывает весной, молодая зеленая трава сразу, прямо на глазах, стала преобразовать ландшафт. Когда Виктор подошел к балке, то увидел на склонах полевые тюльпаны. Их было много. Он нарвал небольшой букетик цветов, вернулся на кладбище и положил его на свежий глинистый бугорок; присев на край скамейки, закурил, потом поднялся, еще раз посмотрел на могилу и устало пошел назад в село.

Глубокая непреодолимая пропасть разделила теперь его жизнь на две части – то, что было до этого дня, и то, что будет после. Только теперь он понял, как много мать значила в его жизни. Долгов сожалел о том, что так мало знал о ней и редко писал. Чем она жила в последние годы, о чем думала? Как умирала в этом большом пустом доме без него?

7

Урал встретил его низким свинцовым небом и серым морозным туманом – он окутывал невысокие придорожные холмы, рваными клочьями висел на березах вдоль дороги и, замерзая, превращался в пушистый иней на проводах и деревьях. Рейсовый автобус вез Долгова к месту службы. Он сидел рядом с шофером на откидном сиденье и смотрел в окно. Водитель что-то рассказывал, но Долгов не слушал его. Он машинально кивал головой в такт движению автобуса, не вдумываясь в смысл сказанных водителем слов, молча вглядывался в знакомые, плохо различимые в тумане очертания деревьев, холмов и небольших низин, заполненных грязным весенним снегом. Смерть матери на время отодвинула на второй план все те события, которые произошли с ним за последнее время, сделав их какими-то второстепенными. Ему казалось, что все это происходило не с ним, а с кем-то другим.

Время – странная вещь, оно то стремительно бежит вперед так, что не замечаешь, как пролетают месяцы и годы, то вдруг останавливается, и каждая минута становится весомой, как вечность, и человек устает от этого напряжения, и ему хочется, чтобы эти минуты быстрее закончились. Сейчас время остановилось, оно почти не двигалось, как будто застыло в этом морозом воздухе.

Спустя несколько дней после возвращения в военный городок, он написал рапорт, в котором просил командование о переводе его для дальнейшего прохождения службы в другую часть. По семейным обстоятельствам – указал он причину в самом конце своего рапорта. Закончив писать, Долгов положил ручку на стол и посмотрел в окно. На горке играли дети. Снег уже сошел, и кататься на санках, как зимой, они не могли. Маленькая девочка с косичками, на которых были повязаны бантики, рисовала мелом на асфальте квадратики. Докурив папиросу, он застегнул китель, надел шинель, свернул вчетверо лист, положил его для надежности во внутренний карман и пошел в штаб.

Вернувшись из дома, он вдруг неожиданно понял, что дальше так жить не сможет. Хотелось ясности, надоели полутона и ложь. Он больше не мог, не хотел жить среди сплетен, шушуканий и грязи, помимо его воли проникших в его жизнь и ставших частью ее.

Через месяц его вызвали в штаб дивизии.

– Ваш рапорт удовлетворен, – сказал ему майор-кадровик. – Вот предписание, согласно которому вам надлежит прибыть в часть, которая дислоцируется в городе Оренбурге. Дальнейшую службу будете проходить там.

От себя майор добавил:

– Ты оперативный дежурный, капитан. Такие, как ты, в любой части нужны. Командир не хотел приказ подписывать – жалко, говорит, кадры терять, готовим, а потом разбазариваем. За тебя начальник политуправления дивизии заступился. Сказал, что молодежь расти должна. Ну и что-то еще в этом духе. Жалко, конечно, что ты от нас уезжаешь, – майор протянул ему руку.

– Я к вам в гости приезжать буду, – пошутил Долгов.

До Оренбурга было недалеко – поездом всего десять часов езды. Когда Долгов вечером следующего дня вошел в купе пассажирского поезда, то увидел сидевшую возле окна девушку. Видимо, она только что вошла – мокрый от дождя светлый плащ висел на вешалке, а большая дорожная сумка стояла на полу.

– Вы вещи не поможете на полку забросить? – попросила она.

– С удовольствием, – ответил Долгов.

Он взял с пола сумку и легко положил ее наверх в нишу для вещей. Потом снял шинель и фуражку, повесил их на крючок, пригладил рукой, посмотрев в зеркало, волосы и сел напротив девушки у окна. У него было нижнее место. В нагрудном кармане лежали билет и предписание с адресом и номером части, куда он должен был прибыть завтра. Вагоны лязгнули буферами, и поезд тронулся. Долгов посмотрел в мокрое от дождя окно. Вот промелькнул силуэт дежурной по станции с флажком в руке, побежали назад станционные постройки: водонапорная башня, одноэтажное желтое здание вокзала, длинные вытянутые склады с грязно-серыми шиферными крышами. За городом началась степь – знакомый и давно привычный для глаза ландшафт. Его соседка по купе тоже смотрела в окно.

– Вы, случайно, не в этом городе служите? – как-то немного наивно спросила девушка.

От Долгова не укрылось, что все это время она краем глаза наблюдала за ним.

– Вы знаете, именно в этом городе, только не случайно, – ответил Долгов, внимательно разглядывая свою попутчицу.

На вид ей было лет двадцать пять, среднего роста, одета по-дорожному, в джинсы. Светлые волосы попутчицы спадали до плеч, в лице было что-то восточное, что выдавало ее уральские корни, добавляя ей привлекательности и обаяния.

– А у меня брат здесь служит, лейтенант Долгополов. Может, слышали? – спросила девушка.

Долгов пожал плечами.

– Встречались, наверно. А по фамилии что-то не припоминаю. У нас часть большая, я молодых плохо знаю, – испытывая неловкость от своего незнания, сказал Долгов.

– Молодых? – девушка усмехнулась.

Он вдруг понял, что, действительно, сказал глупость – ему ведь не было еще и тридцати. Долгов посмотрел на девушку и улыбнулся. Она улыбнулась ему в ответ.

– Вы в Оренбург? – спросила она.

– Да, – ответил он, – еду к новому месту службы.

– Наверно, у вас интересная жизнь?

Виктор не знал, что на это ответить. Наверно, со стороны его жизнь, действительно, могла показаться интересной и даже романтической. Сам он так не считал. Его подкупали искренность и простота, с которыми она у него это спросила.

– Обычная, – сказал он, – как у всех.

– А правда, что одной ракетой можно уничтожить целую Англию? – шепотом спросила она.

– Откуда такие сведения? – спросил Долгов. – Вы, я вижу, довольно неплохо осведомлены.

– Это мне брат под большим секретом рассказал, – доверительно призналась она.

– Он у вас, видимо, любит поговорить? – спросил Долгов, доставая папиросы из кармана. – Если он и в дальнейшем будет таким образом тренировать свое красноречие, то, боюсь, ему не миновать визита в спецотдел. А что касается Англии, – добавил он, не в силах сдерживать улыбку, – могу сказать точно – такие эксперименты никто никогда не проводил. И, по моим данным, не собирается. Так что с Англией ваш брат явно поторопился.

Долгов взял папиросу из пачки и пошел в коридор курить. Когда он вернулся, то увидел на столе домашнее печенье и кулек с конфетами.

– Вот, угощайтесь, – сказала девушка. – Сама пекла.

– Спасибо, – поблагодарил Долгов. – Нужно, наверно, чаю спросить.

Он выглянул в коридор в надежде обнаружить там проводника. По коридору ходили пассажиры, проводника среди них не было.

– А кем вы работаете? – поинтересовался он. – Или, может, еще учитесь?

– Да нет, учеба уже позади, закончила медицинский, работаю детским врачом в поликлинике.

– Наверно, пора познакомиться, – Долгов протянул руку. – Меня зовут Виктор. Фамилия Долгов. Ну, а где я служу, вернее служил, вы уже знаете. А вас?

– А меня Лера, вернее, Валерия, – исправилась она, – но все почему-то меня Лерой называют. Наверно, потому, что так короче. Я уже привыкла. Меня и мама Лерой называет. А фамилия моя Устинова.

– Бывшему министру обороны не родственница, случайно? – с улыбкой спросил Долгов.

– Нет, не родственница. Странно, почему-то все меня об этом спрашивают.

– У вас с братом разные фамилии. Вы, наверно, меняли, когда замуж выходили?

– Да нет. Брат не родной, двоюродный. Просто мы с ним росли вместе, теперь вот иногда в гости ездим друг к другу, – пояснила она. – А вы кольцо принципиально не носите или только в командировке? – в ее вопросе он услышал нотки плохо скрываемого любопытства.

– Принципиально. Тем более, что мне быть принципиальным, в отличие от остальных, очень легко.

– Это как? – удивилась она.

– Все до банальности просто, – рассмеялся Долгов. – Я не женат. Вернее, в разводе. Сын есть, – Долгов достал из нагрудного кармана фотографию и протянул своей попутчице. – В этом году в школу пойдет, – не без гордости сказал он. – Уже взрослый мужик.

Лера с интересом взяла фотографию и внимательно посмотрела на нее, словно изучая.

– Похож, – сказала она, – особенно глаза.

Вернув ему фото, Лера замолчала и снова стала смотреть в окно. Начинало темнеть. Степь сменялась редкими холмами и рощами, время от времени попадались полустанки с одиноко стоявшими в степи домами. Это однообразие иногда нарушали маленькие степные речки.

– Чай пить будете? – спросила, заглянув в приоткрытую дверь, проводница.

– Да-да, – сказал Долгов. – Принесите, пожалуйста, два стакана.

Через несколько минут принесли чай. Они сидели в купе вдвоем, пили чай, ели печенье и конфеты. Беседа текла медленно, непринужденно. Лера рассказывала о себе, делала она это охотно, без кокетства. Из разговора он узнал, что она местная, оренбургская, в настоящее время живет с родителями.

– Папа и мама у меня строители, – рассказывала она, – всю свою жизнь что-то строили, возводили. До восемнадцати лет

я тоже колесила вместе с ними по стране, пять школ поме- няла. Потом вот вернулись в Оренбург на папину родину, я закончила здесь институт, сейчас работаю. Вот, собственно, и вся биография.

Виктор слушал ее и молчал, не потому, что ему все это было неинтересно, нет – он слушал ее внимательно, вникая в каждое слово и даже мысленно представляя себе все то, о чем она так искренне ему поведала. Ему нравилось, как она говорила, как смешно появлялись у нее на щеках ямочки, когда она улыбалась. Впервые за долгое время у него вдруг стало спокойно на душе. Долгов поймал себя на мысли, что ему не хотелось просто так расстаться с этой девушкой. Чем-то она приглянулась ему.

Утром поезд прибыл в Оренбург. Когда они выходили из вагона, Долгов взял ее сумку.

– Я помогу, – сказал он.

Она не возражала.

– А вам в какую сторону? – спросила Лера, когда они вышли на привокзальную площадь. – Я город хорошо знаю.

– Со мной потом разберемся, – уклончиво ответил Долгов. – У меня пока все неустойчиво и зыбко.

Ее глаза погрустнели.

– Я все понимаю, – сказала она. – У нас в последние годы в городе много военных. Здесь же центр подготовки. Сначала учат, а потом отправляют в Афганистан. Вы, наверно, тоже к нам ненадолго.

– Нет, – сказал Долгов. – Я ракетчик. Для таких как я, к сожалению, туда дорога заказана.

– Правда? – обрадовалась Лера. – Значит, вы будете служить у нас?

– У вас, конечно, у вас, – успокоил ее Долгов.

На троллейбусной остановке, куда они подошли, толпился народ. Разговаривать при всех было как-то неудобно. Стояли молча, как будто не знали, что сказать на прощание.

– Я в этом городе никого, кроме вас, не знаю, – первым нарушил молчание Долгов. – Где буду жить, тоже пока не известно, в общем, полная неопределенность в жизни, – пошутил он. – Вы сказали, Лера, что хорошо знаете город. Может быть, вы дадите мне ваш телефон? Если у вас будет время, то

мы могли бы как-нибудь вечером ознакомиться с местными достопримечательностями.

– Только рабочий, – ответила она, – домашнего, к сожалению, нет.

– Ничего, рабочего вполне достаточно. – Долгов порылся в кармане и достал из него ручку. – Вот только записать не на чем, – немного растерянно сказал он.

Лера достала из кармана свой билет.

– Вот, – протянула она его. – Возьмите, можно записать на билете, мне он уже все равно не нужен.

В это время подошел троллейбус. Народ ринулся к открывшейся двери.

– Это мой, – сказала Лера. – Ну, как зовут меня, вы знаете, номер телефона теперь у вас есть. Как устройтесь, позвоните, и пойдем с вами осматривать достопримечательности. – Лера, улыбаясь, протянула ему руку. – До свиданья. Спасибо, что помогли донести сумку.

– Я обязательно позвоню, – сказал Долгов. – С делами разберусь и сразу позвоню.

– Я буду ждать, – крикнула она из салона и помахала ему рукой.

Дверь с шумом закрылась. Долгов, подчиняясь внутреннему душевному порыву, сделал несколько неуверенных шагов вперед вслед за отъезжавшим от остановки троллейбусом и тоже помахал ей рукой. Наверно, она этого уже не видела. Потом он еще некоторое время стоял на пустой остановке и смотрел туда, где скрылся за поворотом красно-белый троллейбус. День набирал силу; куда-то неслись машины, люди с сумками и чемоданами спешили через площадь к вокзалу. Троллейбус уже давно скрылся с глаз. Продолжать стоять здесь было бессмысленно. Долгов взял свою сумку с вещами, стоявшую на асфальте, и пошел к остановке такси. Машина подъехала быстро.

На первый взгляд, ничего из ряда вон выходящего не произошло. Обычная дорожная история – симпатичная девушка случайно оказалась его попутчицей. Сколько девушек встречал он на своем пути в автобусах, поездах, самолетах, просто на улице, но никогда ничего подобного с ним не происходило. Эта девушка была какой-то другой, особенной, не похожей

на остальных. Долгов вспомнил ее лицо, улыбку и то, как она помахала ему на прощание рукой. Из раздумий его вывел хриплый прокуренный голос таксиста.

– Приехали, – сказал он, останавливаясь прямо возле металлических ворот с нарисованными на них красными звездами.

Предъявив на КПП документы, Долгов спросил у дежурного, молодого лейтенанта с плоским азиатским лицом, как ему найти штаб. Он обратил внимание на то, что в городе было довольно много людей с непривычными азиатскими чертами лица – видимо, сказывалась близость Казахстана.

– Пройдете через плац, товарищ капитан, повернете направо и увидите четырехэтажное здание. Это и есть штаб, – ответил он.

На то, чтобы пройти все необходимые бумажные процедуры, ушел целый день.

Вечером Долгов вселился в общежитие. Оно располагалось здесь же, на территории части, и служило временным прибежищем для командировочных и тех, кто так же, как и он, перебирался с одного места службы на другое. Общежитие находилось в ведении штаба армии. Комната была рассчитана на двух человек, но вторая кровать пустовала.

Весь следующий день он опять ходил по кабинетам, но из головы не выходило его поездное знакомство. Он думал о Лере. Билет с номером телефона Долгов для надежности положил в боковой карман сумки, чтобы в суматохе не потерять.

Через несколько дней, устроив все свои дела, он зашел в телефонную кабинку неподалеку от части и набрал номер, который дала ему попутчица. Он немного нервничал, боясь, что он в дорожной суете неправильно его записал или она случайно перепутала в номере цифры.

– Детское отделение районной поликлиники, – донеслось из трубки.

Это был ее голос.

– Здравствуйте, Лера, – сказал он, – это ваш недавний попутчик капитан Долгов.

– Я вас сразу узнала, Витя, – в ее голосе слышались радостные нотки. – Вы куда-то потерялись. По правде сказать, я даже стала переживать, думала, что вы уже не позвоните.

– Я, между прочим, тоже переживал, – сказал Долгов, – боялся, что позвоню, а мне скажет какая-нибудь престарелая бабуся, шамкая и шепелявя, вы ошиблись номером, молодой человек. У нас никакой Леры нет.

Лера рассмеялась.

– Ну что вы, – успокоила она его. – Я так никогда не поступаю.

– Это хорошо, – сказал Долгов. – Знаете, не люблю, когда женщины ведут двойную игру. С недавнего времени предпочитаю в таких вопросах ясность. Кстати, я решил все свои служебные и бытовые вопросы и сегодня абсолютно свободен. Так что, если нет возражений, предлагаю сегодняшний вечер провести вместе.

– Возражений нет, – ответила она. – Я, в принципе, тоже свободна. Только забегу после работы домой на полчаса, завезу продукты и переоденусь.

– Тогда последний вопрос. Когда и где мы с вами встретимся сегодня? – решил уточнить он. – Здесь я целиком полагаюсь на вас. Нужно, чтобы и место было красивое и чтобы поблизости было профильное заведение, где бы мы могли отметить наше знакомство.

– Тогда в семь часов возле памятника Валерию Чкалову, – быстро выпалила она, – это рядом с набережной. Вечером там очень красиво.

– Хорошо, – сказал Долгов. – Я буду ждать вас возле памятника.

Он повесил трубку, посмотрел на часы – было без четверти пять. Долгов неторопливо пошел по улице в направлении центра, с любопытством разглядывая старые двухэтажные здания с витиеватыми металлическими узорами старорезжимных крылечек у входов, витрины магазинов и вывески учреждений. Город был старым. Фасады купеческих домов смотрелись забытыми и какими-то неухоженными, кое-где в сточных канавах из-под асфальта проглядывали фрагменты булыжных мостовых начала века. Цветочный магазин, который он искал, так ему и не попался. Долгов свернул на соседнюю улицу, решив попытать счастья там. День был хороший и по-весеннему теплый. Почки на деревьях уже распустились, и все говорило о том, что еще немного – и наступит долгожданное лето.

– Интересная и непредсказуемая штука – жизнь, – думал он.

Сколько крутых поворотов он уже прошел, а сколько еще предстояло пройти? Вот теперь в его жизни внезапно появилась та, которая наполнила его сердце радостью ожидания возможного счастья. Она сверкнула, как лучик маленькой надежды, среди лжи, лицемерия и людского равнодушия. Эта девушка как будто дала его душе толчок, новый импульс, в тот самый момент, когда все уже затихло внутри и ему хотелось только одного – покоя и тишины. Весь день Долгова не покидало чувство, что он стоит на пороге каких-то больших и серьезных жизненных перемен.

Откуда взялось это странное чувство, откуда росли его корни и какие ключи подпитывали его? Он не знал ответа на этот вопрос. Возможно, оно, словно ручеек, вытекло из далекого детства, жившего в его душе все эти годы, а может быть, ему просто была нужна сейчас эта веселая доверчивая девушка, и именно от этой встречи теперь зависело, как ему жить дальше, к какому берегу плыть.

Юрий Селиванов
ДЕРЕВО ЖИЗНИ
Повесть

Редактор М. В. Чернова
Технический редактор Н.Ю. Селиванова
Фотограф В. П. Сапунов

Заказчик Ю. Г. Селиванов

Подписано в печать 12.05.2014 г.
Формат 60x84¹/₁₆. Бумага офсетная.
Печать офсетная. Гарнитура SchoolBookC.
Усл. печ. л. 18.
Отпечатано в ЗАО «Минераловодская типография»
Зак. . Тираж 1000 экз.